

Филлиппс-Уолли Клайв

Охота в Крыму и на Кавказе

Sport in the Crimea and Caucasus

Издательские решения

По лицензии Ridero

2021

УДК 9
ББК 26.89
К47

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Клайв Филлиппс-Уолли

К47 Охота в Крыму и на Кавказе : Sport in the Crimea and
Caucasus / Филлиппс-Уолли Клайв. — [б. м.] : Издательские
решения, 2021. — 294 с.
ISBN 978-5-0055-0604-7

Перевод и публикация осуществлена при поддержке краеведческого проекта
«Территории поиска» (Краснодар — Туапсе) www.iskatelklada.tuapse.ru

**УДК 9
ББК 26.89**

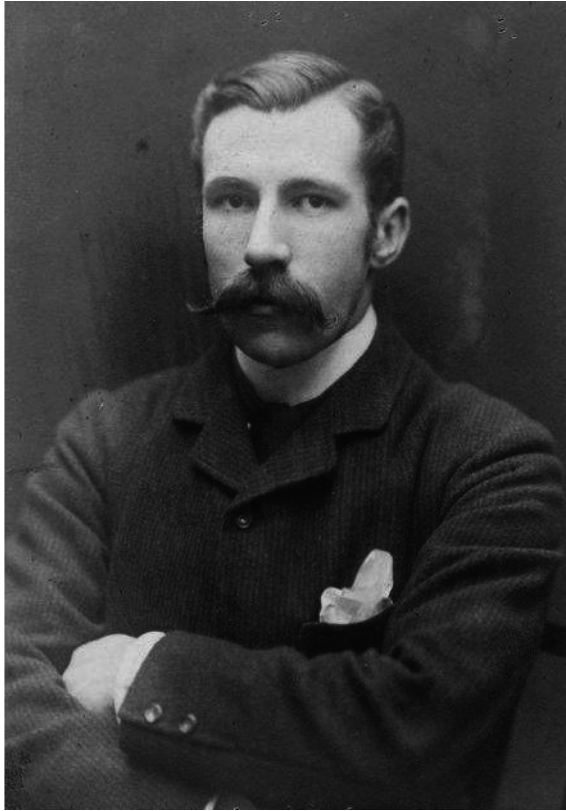
16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0055-0604-7

© Филлиппс-Уолли Клайв, 1881
© М. В. Спасёнова, перевод, 2021

Оглавление

К русскому переводу	6
От переводчика	7
Часть 1. Охота в Крыму	10
Часть 2. Красный Лес	20
Часть 3. Одесса и Мескечи	39
Часть 4. Красный Лес и берег Черного моря	53
Часть 5. Дача Геймана	80
Часть 6. Головинский	93
Часть 7. В непроходимых зарослях	110
Часть 8. Псовая охота	120
Часть 9. Возвращение в Керчь	135
Часть 10. Тифлис	151
Часть 11. Путь в Дагестан	186
Часть 12. Горы Лезгистана	204
Часть 13. Из Гейчая в Ленкорань	229
Часть 14. Берега Каспия. Назад в Тифлис	247
Часть 15. Дожди	268
Иллюстрации	292

Клайв Филлипс-Уолли (1854—1918)

К русскому переводу

Эта книга — первая полная публикация на русском языке путевых охотничьих записей Клайва Филлипса-Уолли, сделанных во время путешествий по Крыму и Кавказу в бытность его британским вице-консулом в Керчи. Оригинальный текст под названием «Sport In The Crimea And Caucasus», был издан в Лондоне еще в 1881 году, но лишь сейчас, благодаря переводу Марины Спасёновой, произведение этого писателя — натуралиста стало в полной мере доступным российскому читателю.

Конечно, исследователям российского Причерноморья и Кавказа XIX столетия, в особенности периода после окончания Кавказской войны, жаловаться на отсутствие материала для размышлений и обобщений не приходится: сегодня доступен огромный пласт научных трудов и исторических источников того времени, легко обнаруживаемых в библиотеках и в сети Интернет. В этом массиве заметно выделяются, в числе прочего, своей немногочисленностью источники личного происхождения, среди которых особое место занимают травелоги — дневниковые путевые записи, или дневники путешествий, составляющие особый жанр повествования: они имеют как бы промежуточное положение между биографическими хрониками, кратко фиксирующими события и их последовательность, и мемуарами, охватывающими обычно значительные периоды и осмысливающими личную историю в контексте эпохи (или эпох). «Охота в Крыму и на Кавказе» Клайва Филлипса-Уолли относится к единичным, имеющим отношение к Югу России, образцам жанра, не переведившимся на русский язык в дореволюционное и советское

время и, соответственно, избежавшим цензурных сокращений и правок, что придает ему особую ценность, как и факт написания текста «по горячим следам»: лишь два года отделяет издание книги от последних описываемых автором произведения событий.

Очевидно, что, как и любой источник личного происхождения, произведение охотника и натуралиста Уолли несет на себе печать субъективности в восприятии событий и явлений. Но в этом есть и особая привлекательность произведения не только для читателя-любителя старины, природы и приключенческой литературы, но и для исследователя — натуралиста, историка, этнографа: подобные тексты отличаются точностью характеристик, яркостью образов, повышенным вниманием к деталям, прямо или косвенно фиксируют общеисторический контекст. Всё это дает широкие возможности для сравнений, предположений, гипотез и выводов — почти всего спектра научного поиска. Названные очевидные достоинства «Охоты в Крыму и на Кавказе» как источника, наряду с несомненно высокими литературными качествами, гарантирующими интеллектуальное удовольствие от чтения, придают произведению значение эталонного травелога, а факту его первого русского издания — значение важного события в отечественной науке и в целом в культурной жизни южнороссийского региона.

В.Бондарев, историк

От переводчика

В ряду дневников других иностранцев, в разное время путешествовавших по Кавказу, Филиппс-Уолли Клайв, родовитый британский подданный и дипломат,

занимает особое место. Несмотря на короткое время, проведённое на российском Кавказе, на множество перенесённых невзгод, автор, как видно, искренне любил людей и природу нашего края. Клайв хорошо знает русский язык, много общается с простыми жителями, стараясь проникнуть в ту самую, загадочную для иностранца русскую душу. В повествовании о природе и охоте, он то и дело отвлекается на размышления о судьбах России, о возможных способах сделать её народ богатым и счастливым.

Конечно, записки были адресованы прежде всего европейцам, также желающим посетить неведомый для них Кавказ. Автор тщательно записывает географические названия и имена, стараясь передать точное звучание в английском языке. Многие русские слова он просто записывает латиницей, чтобы его последователи могли пользоваться записками, как разговорником. Клайву непонятны нравы и обычаи местных жителей, но он быстро ориентируется в любой ситуации, чем вызывает невольное восхищение даже скептически настроенного к иностранцам читателя.

Литературный язык Филлипса-Уоллея Клайва прост и легко поддаётся переводу. В книге практически нет «тёмных» для понимания мест. Исключением являются разве что некоторые географические названия, которые я оставляю в оригинальном написании курсивом. Надеюсь, что более осведомлённые или догадливые читатели предложат свои версии их локализации.

Некоторые сцены охоты, возможно, вызовут содрогание у современного читателя. Но думаю, мы сможем простить автора, жившего во времена, когда не только борьба с природой за выживание, но даже простое мужское хобби требовало некоторой жестокости.

Хочу поблагодарить Боровикову Анну, Чернова Евгения, Медникову Евгению и других за советы и помощь

с редакцией и переводом. Я также признательна членам РГО по Краснодарскому краю Сергею Ткачу и Виталию Бондареву, а также участникам краеведческого проекта «Территории Поиска» за вдохновение и уверенность в пользу понесённых трудов.

М. Спасёнова

Часть 1. Охота в Крыму

Сборы — поездка на дрожжах — весёлая компания — Керченский пролив — степь — дикие птицы — посе́вы — малороссы — Старая Мечеть — дичь — черкесские борзые — хитрые дрофы — ночь в степи.

Мне всегда казалось странным, что мало кто из английских охотников бывал в Крыму или на Кавказе. Ведь всего в неделю пути от Лондона находятся эти места с восхитительным климатом и огромным количеством дичи.

Прошло более пяти лет с тех пор, как я познакомился с ветренными, покрытыми розмарином древними степя-

ми и заросшими лесом холмами Черноморского побережья. За почти три года пребывания в Керчи у меня было достаточно возможности испытать все прелести этого мира степей, а лучших мест для охотника на дичь, любящего много ходить и возвращаться с мешком, полным добычи, не найти.

Конечно, в Крыму приходится быть немного грубым. Но если при этом иметь вежливые манеры и весёлый нрав, то можно обеспечить себе «пиво и бифштекс». Русские очень гостеприимны, особенно к охотникам, а крестьяне, даже татары — весьма сердечные ребята, если, конечно, идут правильным путём.

В степи редко нужна крыша над головой, если вы не предпочитаете духоту, дым и насекомых дикому, сырому от ночной росы воздуху. Если полюбить сметану (очень вкусная еда, когда привыкаешь), черный хлеб, и страшный, несладкий джин («водку»), то не придётся страдать от голода. Но по большей части охотники берут еду с собой. Если читатель позволит, я хотел бы сразу взять его в степь и рассказать всё это по дороге.

Представьте, что после долгой рабочей недели наступают выходные дни. Вы собираете патроны с разной дробью, от мелкой, на дрофу, до «пыли» для перепелов. Примите совет пострадавшего: делайте собственные патроны и не рассчитывайте, что здесь, в Керчи, их можно купить.

Итак, наступил июль, первое июля, с ярко-голубым небом, которое простирается высоко над головой, давая представление о расстоянии и необъятности. Вы никогда не могли бы увидеть это в Англии, где облака нависают так, будто хотят сбить с вашей головы шляпу. Мне следовало сказать, что небо *будет* голубым, так как сейчас еще слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Мы еще лежим в постели, посуда для предстоящего путешествия, холодное мясо, колбы с порохом, хлеб и еще куча непонятных вещей разложены на полу.

И вдруг: динь-динь-динь! Дверной звонок как будто бьётся в припадке, затем слышен грохот и тишина. Никто здесь не звонит в дверь, как обычно. Это русский ямщик — водитель дрожек. Ему нравится такое мускульное напряжение, он любит шум. Он совсем не думает о том, что сейчас оборвёт проволоку колокольчика. За год пребывания в России мы привыкли к таким обычаям, поэтому, размышляя о том, сколько в этом году домовладелец заплатит за оборванные звонки, покорно сползаем с кровати и выслушиваем упрёки наших товарищей, сидящих снаружи в телеге. Бедняги, они спали на полчаса меньше, чем мы, а сейчас всего четыре часа! Поэтому любая грубость может быть прощена.

Но в такое утро, как это, и на такой повозке, как наши дрожки, никто не может долго оставаться сонным. Воздух бодрит, кровь разгоняется в жилах, и телега подпрыгивает на ухабах так, что весь ваш ум озадачивается тем, чтобы не переломать конечности.

Ничего более страшного для новичка в России, чем дрожки, невозможно представить. Это орудие пытки, состоящее из неоструганных брёвен, верёвок и колёс с железными ободами. Всюду торчат шипы и осколки. Как бы вы не пытались удержаться, вы всё равно будете прыгать вверх и вниз, каждый следующий раз приземляясь на что-то более болезненное, чем в предыдущий.

Несмотря на всё это, как только дрожки покидают город, мы затягиваем старую немецкую охотничью песню и становимся довольно шумной компанией, пока сильный ветер не начинает заглушать речь. Затем мы стараемся закурить трубки. Если нам удаётся разжечь огонь — это большая удача, хотя горящий пепел летит на наши головы и колени.

Постепенно рассветает, появляются жемчужно-серые облака, длинная волнующаяся степь расстилается вокруг нас. Слева — Керченский пролив, море выглядит туман-

ным, полдюжины английских пароходов господствуют над тучами москитов. Вокруг нас тянутся цепи невысоких холмов, чьи куполообразные вершины выдают погребения царей и вождей, упокоившихся давным-давно, когда в полях позади нас еще возвышался могучий город Пантикапей.

Как только мы выезжаем за пределы хребта из курганов, не остаётся ничего кроме степи. Везде, за исключением морского берега, раскинулась безлесная прерия: ни холмов, ни домов, ни даже кустика, нарушающего однообразие пейзажа из сорной травы. Справа от почтовой дороги, по которой мы путешествуем (на самом деле это просто колея, дороги практически нет), тянется линия Индо-Европейской телеграфной компании. Их аккуратные железные столбики контрастируют с кривыми, уродливыми столбами, поддерживающими русскую линию слева от нас. Это единственные ориентиры для человека и замена деревьям для птиц.

По обе стороны дороги провода усижены пустельгами. Во всяком случае, эти птицы очень на них похожи. Они встряхиваются, протирают глаза и готовятся к утренней охоте на жуков и мышей, которые уже роются в степи. Такое количество пустельги в Керчи — что-то удивительное. Думаю, если прибавить к ним ястребов, луней, коршунов и воронов, они превзошли бы по численности городских воробьев.

Вот и наши милые летние гости — златогорлые пчелоеды — проносятся, как ласточки, над головами. Высокая жёлтая мальва растёт в изобилии по всему полю. Удоды с широкими торчащими гребнями клюют что-то на обочине, время от времени сверкая крыльями в лучах утреннего солнца среди цветов.

Выражение «унылая степь» вызывает у вас такой же ужас, как и название «Сибирь». Но кто видел эту степь в поздние дни весны или в середине лета — тот никогда

не применит такой эпитет к пейзажу, конкурирующему с прекрасными прериями Запада. Длинные лепестки дикого тюльпана, синий василёк, гусиная лапка, птичий глаз, канареечного цвета мальва и малиновый дикий горох — всё это соперничает друг с другом, чтобы насладиться жизнью между холодными, снежными сезонами.

Как ни богата эта земля, культурные посевы здесь ничтожны. Главными злаками являются рожь, кукуруза, просо и цветы на высоких стеблях. Это подсолнухи, семя которых используется для изготовления масла, но более известно, как «семечки». Семечки — любимое средство местных жителей проводить время впустую. Повсюду в Керчи вы найдёте их поклонников. На каждой улице стоит ларёк, где их продают. На своём платье вы непременно обнаружите маленькие серые кожанки, потому что на вас обязательно плюнут ими на улице или сверху, с балкона.

Рядом с этими культурами вы увидите арбузы — главную пищу малороссов летом и основную причину весьма распространённой здесь азиатской холеры. Но по большей части земля не обработана и оставлена на произвол судьбы, зарастая цветами и сорняками.

Крымский крестьянин — только жалкое подобие агронома. Малороссы ленивы и добродушны. Их жизнь более чем наполовину состоит из «праздников» (святых дней), одна часть которых посвящается питию водки, а другая — восстановлению от последствий предыдущего дня. В это прекрасное время вы можете встретить мужчину в длинных сапогах, шляпе и красной рубахе, обхватившего шею своего товарища-здоровяка в питейном заведении, или мужа и жену мертвецки пьяных, лежащих на полу. А послезавтра вы увидите всех их в прекрасном настроении, сидящих на пороге с семечками или папиросами.

Русские говорят, что праздников у них больше, чем обычных дней. Это не обязательно память святых, доста-

точно произойти какому-либо событию в семье императора, чтобы был объявлен праздник.

Лучшие агрономы здесь — это немецкие колонисты, чьи аккуратные усадьбы напоминают дома нашей родины. Даже татары в этом смысле лучше малороссов, но они последнее время стремятся покинуть Крым, чтобы избежать обязательной военной службы, которую навязывает им Россия. Русская армия кажется им злейшим врагом.

Наконец наша поездка подходит к концу, мы разминаяем конечности и начинаем пристёгивать ленты с патронами, фляги с порохом и многочисленными зарядами, которые здесь всё ещё в моде. Место, где мы остановились, называется «Старая Мечеть», что значит старая церковь, руины татарской постройки возле колодца среди покрытых розмарином холмов. Рядом с колодцем мы сбрасываем палатки и вещи, и затем каждый из нас уходит в одиночестве. Здесь достаточно места для всех: мы хотим избежать ошибки некоторых русских охотников, по неосторожности стреляющих по ногам своих товарищей. Одиночество имеет свои преимущества.

Как только вы доходите до первого холма, то погружаетесь до самой талии в ароматные травы. Справа и слева от вас прыгают кузнечики, некоторые даже впиываются в лицо мёртвой хваткой, что способно расстроить самые крепкие нервы. Но смотрите: ваша собака уже почувала большую стаю серых птиц, более крупных, чем наши тетерева, и вот они со свистящим звуком выпархивают из травы и перелетают на следующий холм.

Меткий выстрел может принести первую птицу в вашу сумку. Собака неуверенно движется вперёд, а затем снова останавливается. Подойдите к ней: где встретился стрепет (малая дрофа), там обязательно сидит пара зайцев. Раз за разом я убеждаюсь в этом, хотя не могу объяснить. В любом случае это факт. Зайцы здесь крупнее, чем

в Англии, зимой они делаются почти белыми, а осенью их шкурки имеют красивые серебристые и розовые оттенки. Самый крупный заяц, которого я встретил здесь, весил почти 13 фунтов. Это был старый самец, хотя в Англии самый большой заяц едва достигает 8 фунтов.

Собаки, используемые в Крыму для гона, называются черкесские борзые. Они значительно выше в холке, чем наши собаки, со свисающей шерстью. Я бы сказал, что английские собаки превосходили бы их на коротких дистанциях, но в этих холмах, в погоне за огромными сильными зайцами, у крымских собак есть свои преимущества. Мне ни разу не посчастливилось попробовать эти породы вместе. На самом деле то, что я видел, было совершенно испорчено русской привычкой отсекал зайца и стрелять в него под носом собаки. Это совершенно чуждо нашим представлениям об охоте, как и большинство местных охотничьих привычек. Русские никогда не стреляют в летящую птицу, если есть возможность убить сидящую. На медведя или кабана охотятся ночью, стреляя с телеги. И ни разу за три года я не видел, чтобы лошадь при этом вздрогнула. Конечно то, что относится к Крыму и Кавказу, может не распространяться на другие части России.

Пока мы держимся в розмарине, видим и зайцев, и перепелов, и стрепетов. Собаки пытаются ловить больших сов, которые улетают от них далеко не так лениво, как можно ожидать их движений при солнечном свете. Над головой, в ясном небе, как воздушные змеи плавают луны, высматривая перепелов или раненых зайцев.

Когда мы добираемся до следующей вершины, то видим вдалеке под ногами длинную шеренгу, похожую на строй пехоты в серых шинелях. При ближайшем рассмотрении данного объекта выясняется, что это стая кормящихся дроф. Или вернее сказать, это целое стадо из нескольких сотен экземпляров. Большинство из них

опустило головы, подбирая всё, что можно найти на заброшенном кукурузном поле. И здесь, и там, на небольшом расстоянии от остальных, стоят «часовые», которых не может сбить с толку ни самый осторожный хищник, ни самое соблазнительное зерно.

Зная, что птицы нас заметили, мы не подходим ближе, чем на триста ярдов, иначе страж приведёт в движение всю стаю пронзительным криком. Запомнив дорогу, мы возвращаемся к товарищам, собираем их, садимся в запряжённые лошадьми дрожки. В полной готовности едем в направлении, где были замечены дрофы. Дрожки спокойно проезжают мимо стаи в пятистах ярдах. Подняв головы, птицы следят за нами зная, что выстрел не достигнет их и они могут остаться на поле еще немного. Смотрите же: серые птицы не замечают, как один из пассажиров дрожек с ружьем в руке соскальзывает вниз и вот уже плоско лежит на земле, спрятанный в душистом розмарине. Дрожки описывают круги, пока все охотники не оказываются в траве и остаётся лишь один ямщик. Так мы выстраиваем охотничий кордон. Понемногу ямщик сужает круг движения, а каждый из стрелков находится в бдительном напряжении.

Наконец следящие за нами птицы скручивают шеи до предела. Думая, что уже насытились, они начинают плавно взлетать, поднимая взмахами крыльев свои тяжелые тела в воздух. Медленно и торжественно, сохраняя дикое величие равнины, на которой они живут, дрофы уходят в сторону холмов. Внезапно лидеры стаи затормаживают, пытаясь слишком поздно сменить направление. Две яркие вспышки видны под их ногами, произведённые скрытым охотником. Одна огромная птица падает сразу, другая отлетает на мгновение и попадает на разряд следующего ружья.

Остаток стаи поднимается выше, но всё ещё слишком низко, чтобы уберечься от опасности. Наконец они пре-

одолевают смертельную границу. Пять прекрасных птиц остаются наградой за нашу хитрость. Один из нас сильно разочарован, так как пренебрёг заменой патронов. Выстрел в летящего монстра мелкой перепелиной дробью принёс ему лишь кучу перьев, которыми можно разве что набить подушку.

Так, из-за подобного метода окружения и охоты с помощью дробек, многие из этих великолепных птиц (крупнее индейки и более вкусные) гибнут в течение лета и осени. Некоторые из них попадаются охотникам даже в июне, когда птицы еще очень молоды и держатся по отдельности в небольших укрытиях или подлеске. Но только зимой птиц можно увидеть в продаже. Когда метель забивает их крылья снегом, татары окружают их и гонят, как овец, в деревню. Там дроф режут и везут на базар, продавая по полтора рубля за штуку.

После удачной охоты, сделав достаточно для собственной славы, у нас появляется жажда опустошить самовар и аппетит, способный удивить даже негра. С удовольствием мы возвращаемся к нашим палаткам. В то время, как один распаковывает холодное мясо, осетрину и икру, другой кипятит воду для чая, без которого вся наша трапеза показалась бы русскому бедной. Будучи от роду воспитанными в английских традициях, двое из нас предпочли бы родное пиво чаю. Но они бывают приятно удивлены, попробовав сваренный по-русски чай с долькой лимона, придающего пикантность его вкусу. Что касается меня, то я считаю чай единственным эффективно укрепляющим средством и только его отныне беру с собой.

Как бы вы ни старались, вы не сможете заварить такой чай в Англии. Как только вы покидаете Россию, то лишаетесь этого благословенного напитка, как и свежей «икры» и успокаивающих «папирос» (сигарет). Я не знаю ни одной табачной лавки в Англии, где можно купить

действительно хороший табак, который мы пробовали в Крыму.

Между тем, пока мы всё еще здесь, давайте наслаждаться запахом вкусной травы, лежать на спине и наблюдать за чудесной головоломкой, которую сооружает ямщик из старого жгута, связывая «тройку». Наконец лошади готовы и вновь начинается езда на трясущемся транспорте. Мы уже привыкли и получаем огромное удовольствие от дороги домой.

Когда вечер опускается на эти дикие земли, наступает тишина и мир, которые неведомы в городах. Трубы перепелов, длинные вопли куликов, и даже звуки немецкого рожка на других дрожках — всё кажется самой подходящей музыкой для этого часа, когда звёзды начинают сиять из металлической небесной синевы. «Уже домой!» — эти слова произносятся без акцента сожаления, так как ноги устали от тряски по неровной дороге степи.

Часть 2. Красный Лес

Ледяное море — стаи диких птиц — Индо-Европейский Телеграф — катание на санях по Азову — пустынная сцена — Тамань — путешествие вглубь страны — Темрюк — гостиницы — опасный сон — лисы — волки — поспешное отступление — Екатеринодар — ужин в Красном Лесу — прелести ночной охоты — лесные катания — казачьи загонщики — дикие олени — другая дичь — добыча — раздача водки — казачья оргия — волчья прозорливость — истории о волках — возвращение в Керчь.

В феврале 1876 года я впервые познакомился с Кавказом. Правда, и до этого один или два раза я переходил на Тамань пострелять фазанов на тростниковых берегах

Кубани. Когда мы прятали лодку в её тихих водах, я мельком заметил следы кабана или «сазеоле» (козла), отчего возжелал бы остаться на Кубани подольше. Но только в феврале 1876 это сделалось возможным.

В течение нескольких недель всё движение было остановлено из-за сильного мороза. Азов лежал подо льдом, как шоссе между фортами. Открытая вода была только в Черном море. Вот тут-то и пошла дикая птица!

Вдоль кромки льда у открытой воды торжественно выстроились в ряд бакланы, окаймляя проталину черной полосой на мили вокруг. На открытой воде их были мириады. Там же плавали хохлатые утки, нырки гоголи, чернеть и свистуны. Здесь и там в косах, с надвинутыми капюшонами виднелись большие чомги, к ним примешивались розовогрудые крохали, дополняя красоту этой сцены. Красивее всех остальных выглядели большие и малые группы лутков с их изящным оперением, словно нарисованным на снегу карандашом. Над ними со свистом проносились шилохвосты, в воздухе повисали скопы, смеялись и щебетали чайки.

Последние несколько недель большую часть времени я проводил среди диких птиц или катался на коньках у пристани с керченскими дамами. Но в одно прекрасное утро провода Индо-Европейской компании замолчали: этот телеграф между Таманью и Екатеринодаром был достаточно хорош, чтобы сломаться. Моему другу, начальнику керченской станции, было поручено произвести осмотр линии по всей её протяжённости. Казалось, ему предстоит долгое и утомительное путешествие, которое он должен был совершить в одиночестве. Будучи человеком добрым и внимательным, он попросил меня разделить с ним поездку. Он знал, как дать мне возможность насладиться здешней жизнью по-своему! Мой старый друг К. согласился сопроводить нас и уже через час мы закупались на базаре товарами для предстоящего путешествия.

Конечно, существует дорога со станциями от Тамани до Екатеринодара, но тот, кто доверяет удобству почтовых станций в России, сильно пожалеет об этом. Зная все подвохи, мы сделали большие запасы немецкой колбасы, икры, водки и других продуктов питания. Всю выпивку мы спрятали подальше в кузов саней.

В течение многих дней водный путь из Еникале на Тамань был открыт только для обозов и саней, но гружёные фургоны тоже пытались пересечь Азов, отчего произошло два несчастных случая. Именно в это время мы, почти без всяких опасений, сели в наши сани, запряжённые прекрасной тройкой, которой управлял самый шумный ямщик из всех, чью брань когда-либо слышали лошади.

Первые 22 версты наш путь лежал по заснеженной груди Азова. Когда мы проходили между русскими пароходами, а иногда практически под корпусом какого-нибудь огромного судна, застрявшего во льду, то испытывали довольно острые ощущения. Первые десять вёрст дорога была хорошая, темп бодрящий, мы лежали на своих ковриках и радовались, что нас ждёт прекрасное путешествие.

Однако вскоре мы добрались до расколотого льда, где произошли две последние аварии, и наш водитель снизил ход. Тут мой товарищ занервничал и настоял на прогулке пешком в приличном расстоянии от саней. При этом морозный туман сгустился и стало совсем невесело. В конце концов путь очистился, и мы добрались до маленького жалкого городка Тамань.

Единственными живыми существами, которые встречали нас, были группа замёрзших чаек и несколько огромных орлов, страдающих не столько от голода, сколько от холода. Вся сцена вокруг была настолько пустынной, насколько это можно представить. Позади была Керчь, белая от снега, окружавшая холм Митридата —

остаток её былой славы времён греков и персов. Впереди — Тамань, тоже когда-то великий город, теперь представляющий собой несколько жалких лачуг, погребённых в сугробах. Еникале был, возможно, ещё более мёртв, чем та и другая. Вокруг простирались низкие холмы, округлые курганы царственных покойников, торчали оголённые мачты запоздалых кораблей, внизу замерло замёрзшее море, а наверху серело ледяное небо.

В Тамани мы дали нашему водителю денег «на чай», как они это называют, и сами отправились к моему товарищу на квартиру немного отдохнуть перед следующим стартом. Почему гонорар ямщика, называемый «на чай», всегда неизменно расходовался на водку, остаётся для меня неразрешимой загадкой.

Таманский полуостров вряд ли заслуживает описания даже такого скромного автора, как я: здесь есть пристань и телеграфная станция, почта, с которой в Керчь отправляются запряжённые повозки, и туда же прибывают путешественники на Кавказ. Когда-то это было процветающее место, город-близнец Пантикапея на другой стороне пролива. Теперь это бедные лачуги, окружённые грязью по колено зимой и клубами пыли летом, с запахом рыбы, моря, и всесезонно торгующим водкой магазином.

Рядом с Таманью есть несколько крупных нефтеперерабатывающих заводов и нефть, говорят, добывается здесь в больших количествах. Может это и так, но я слышал, что их первоначальный владелец, русский банк, разорился и теперь настоящие собственники — американцы. И поскольку они менее способны защитить себя от местных мошенников, то я не стал бы вкладывать свои скромные средства в таманские нефтяные компании.

Вот таким жалким местом мы нашли Тамань, поэтому поспешили её покинуть и продолжить путешествие вглубь страны. При описании путешествия автор обычно

рассказывает об окружающем пейзаже, но что делать, если таковой совершенно отсутствует?

Дорога — это проторенная колея у телеграфных столбов, где через каждые 16 — 20 вёрст расставлены белые дома, крытые соломой, с несколькими сараями во дворе. У ворот стоит чёрно-белый столб с колокольчиком, накрытый крышей. Это почтовые станции. Окружающая их местность совершенно лишена жизни, если не считать нескольких отар овец, одной-двух старых ворон и, возможно, дроф. Постоянный скрип снега внизу, звенящий впереди колокольчик и отсутствие значительных происшествий неизменно погружают путешественника в сон.

Ближе к вечеру мы остановились возле зданий, каких прежде не видели. Это был Темрюк — место нашей ночёвки. Насколько мы могли заметить, Темрюк был больше Тамани, с зеленеющим куполом церкви, хорошим базаром, казармами и аккуратным клубным домиком. Нам сказали, что Тамань живёт осетровым промыслом, который ведётся в её окрестностях. Также нам сообщили, что здесь есть два отеля, и мы в приподнятом настроении отправились их искать, мечтая об удобных кроватях и ужине из осетрины и икры. Искали мы усердно и нашли, наконец, первую гостиницу. Это оказалось мужицкое питейное заведение или «кабак». Там был стол, за которым сидел человек, и еще много других посетителей, готовых последовать его примеру, но не оказалось ни постелей, ни ужина.

В конце концов мы нашли «Гранд-Отель», довольно мрачный белый дом рядом с базаром. С сомнением сердца (потому что место выглядело пустынным) мы постучали в маленькую дверь, но ответа не последовало. После десяти минут, израсходованных на стук до стирания костяшек наших пальцев, вышел парень в рубашке и тапочках, с очень удивлённым лицом. Он сообщил, что хозяин в отъезде. Несмотря на хорошие рекоменда-

ции этой гостиницы, мы не смогли найти там никакой еды, кроме черного хлеба, и ни одного слуги, кроме этого самого парня. Но он сумел найти для нас комнату с неплохим ремонтом и парой деревянных кроватей. Мы согласились на это. К нашему ужасу оказалось, что печи не топились уже месяц, к тому же были неисправны. Поэтому в помещении было еще холоднее, чем снаружи. Искать другое жильё было уже поздно, поэтому мы достали бутылку водки из темрюкского кабака и маленькую угольную печку из собственного снаряжения. Затем, завернувшись во все возможные одежды, мы стали пожинать плоды нашей долгой поездки во сне — мучиться бессонницей.

Ближе к утру я наполовину проснулся с мыслью, что на дом напали, такой сильный был шум. Я сразу же вскочил, чтобы посмотреть, что происходит. Но как только я встал с постели, меня охватило странное головокружение, и, обернувшись, я упал и больше ничего не чувствовал, пока не увидел озабоченное лицо нашего телеграфиста, пытавшегося разбудить меня возлияниями холодной воды. Постепенно я пришел в себя, но с такой сильной головной болью и полной неспособностью пользоваться собственными конечностями, что предпочёл бы остаться без чувств. Я совершенно не мог помочь разбудить моего бедного друга К., и теперь всерьёз встревожился, как бы наш утренний визит не стал бы слишком поздним, чтобы спасти его.

Причиной была угольная печь. По русской моде, все вентиляционные отверстия в помещении были наглухо запечатаны на зиму, и газу некуда было выходить. Нам пришлось приложить много усилий, чтобы привести К. в чувство. Несмотря на бодрящий холод и быструю езду, мы весь остаток дня страдали от мучительных головных болей.

Путешествие второго дня было более интересным: местность вокруг покрылась высокими джунглями тростника, называемого «камыш». Говорят, в нём в изобилии водятся фазаны, часто встречаются кабаны и косули.

Выбравшись из заросшей тростником земли, мы выехали на другой ландшафт, голый и усеянный камнями; и вот здесь, в полумиле от станции где мы должны были ночевать, я с удивлением увидел множество лисиц, охотящихся на снегу в поисках пищи. Думаю, в поле зрения было до десятка особей. Как только мы уложили наши коврики и заказали самовар, я взял ружьё и, поскольку ещё не стемнело, без всяких угрызений совести решил подкрасться к одному из этих рыжих проныр. Лисы, без сомнения, являются благословением этих мест, которых никогда не коснётся цивилизация.

Я долго выслеживал и два раза стрелял, но безуспешно, пока не добрался до замёрзшего озера примерно в трёх четвертях мили от станции. Здесь я ранил лису и преследовал её по льду, пока не наткнулся на останки крупного животного, недавно растерзанного хищниками. Бросив лису, я стал размышлять, что это могли быть за звери, и вдруг ответом на мой вопрос прозвучал протяжный, странный вой.

Нет необходимости объяснять, что это был за вой. Любой человек на уровне инстинкта сразу узнаёт волчий голос и никогда его не забывает. За первым звуком последовал второй, затем ещё и ещё. Я не хочу назвать себя трусом, но в этот момент я предпочёл бы быть где угодно, только не в трёх четвертях милях от станции, стоя по колено в снегу, так как он не выдерживал моего веса.

К счастью, ветер дул в мою сторону, и я бежал назад со всех ног, погружаясь в глубокий снег, подстёгиваемый непрерывным волчьим воем. Это было отступление,

признаюсь, недостойное, но если бы ветер был в сторону волков, то всё могло окончиться плачевно.

В тот вечер, за чаем, начальник станции рассказал много историй о своих встречах с волками, возможно, приукрашенных, но правдивых в своей основе. На следующее утро мы видели много волчьих следов на почтовой дороге.

Спустя ещё день пути по казачьим деревням с зелёными куполами церквей и обнесёнными крепостными оградами, мы прибыли в Екатеринодар. Это первый большой город на этой стороне Кавказа, хотя он больше похож на лес, чем на город. Деревья убирали только на месте постройки дома, где строений не было — лес не трогали. Создавался прекрасный эффект: снег покрыл деревья плюмажами и улицы выглядели, будто укрытые белоснежными одеялами. Но летом, когда зацветают акации, Екатеринодар, должно быть, становится столь же прекрасен, как и зловреден.

Летом и ранней осенью здесь свирепствует малярия, и даже сейчас на улицах мы встречаем женщин и мужчин с желтыми лицами — последствиями этого азиатского проклятия. По сути, здесь всё азиатское, кроме зданий.

Гротескного сочетания цилиндра и высоких сапог не видно. Обитатели города, казаки, носят высокие овчинные шапки с верхушками из алой ткани и золотой тесьмы. Невысокие широкоплечие татары ходят в синих одеждах, подпоясанных яркими платками, женщины — в укороченных юбках, высоких сапогах и башлыках на голове. Большинство магазинов — открытые, в виде навесов с прилавками, за которыми сидят их хозяева, скрестив ноги и с трубкой во рту. Товар состоит большей частью из привезённых черкесами шкур. Мой друг и я потратили немало времени, рассматривая их (черкесов), стараясь почерпнуть из этого занятия историю страны, а также найти среди них для себя охотников и проводников.

Я пропущу описание двух дней, которые мы пробыли здесь, так как у моего друга были свои дела, а я то и дело болтал с офицерами, которые часто заходили в гостиницу, где мы остановились.

Именно во время этих разговоров мы впервые узнали о существовании большого королевского леса площадью около 29 квадратных вёрст, который лежал в каких-то пятнадцати вёрстах от города в обратном направлении. Чтобы посетить его, нужно было получить рекомендательные письма к царскому лесничему (полковнику Р¹.) Это было делом пяти минут и наутро мы с приятелем, который знал полковника, уже мчались в бодром настроении по сверкающему снегу. Когда тёмная полоса леса показалась вдали, на морозно-голубом небе уже засверкали звёзды, и редкий лай указал нам, что лисы всё ещё где-то поблизости заняты ночной вылазкой.

После получасовой езды по лесным тропинкам мерцание костра между деревьями и лай собак возвестили о том, что мы почти приехали. Дом лесника представлял собой небольшой четырёхкомнатный коттедж, ограждённый плетнём. В ограде стояли ещё несколько хижин, а огромный костёр показывал, что здесь есть люди — десяток казаков, составляющих гарнизон.

Распахнув дверь, хозяин выбежал нам навстречу. Это был маленький жилистый человек с румяным лицом, блестящими глазами, огромными седыми усами и самыми сердечными манерами. Мы вошли в дом, где уютно дымился самовар с кипятком и был готов ужин: икра и бульон из косули с мясом, что возбуждало аппетит больше, чем шнапс.

¹ Есаул Рубашевский, смотритель Войскового Красного Леса (Именной указатель к Приказам по ККВ за 1860—1879 гг.)

Когда была предложена постель, мой друг, будучи немцем и в почтенном возрасте, охотно согласился на это. Но только не я! Как можно лечь спать, когда желания всей твоей жизни вот-вот исполнятся? Я с жадностью слушал охотника-ветерана, который спокойно рассуждал о кабанах, что ворвались накануне в его вольер, о косуле, подстреленной вчера вечером. Казалось, хозяйни нравилась моя проницательность и мальчишеское нетерпение.

Выглянув на улицу, он обнаружил, что один из казаков готовится к ночной охоте и спросил, не хочу ли я составить ему компанию. Конечно, я ухватился за это предложение и сразу же приготовился идти. Но хозяин вернул меня, заставил снять мои бесполезные одежды, дал пару собственных войлочных сапог, подбитых мехом и лесничий тулуп. В таком наряде я, должно быть, выглядел очень привлекательным для моего ленивого друга, который встал с кровати и, одевшись похожим образом, решил следовать за мной.

Казак, который сопровождал нас, был крепкий, неприветливый парень, одетый в самую немислимую комбинацию из овечьих шкур. Он казался знающим своё дело, и это оправдывало его неразговорчивость.

Когда мы шли по длинным лесным тропам, даже в эту тихую ночь наши шаги были совершенно беззвучны благодаря войлочной обуви. Через полчаса блуждания по сказочной стране из заиндедевских дубов, наш гид молча указал на чьи-то следы на снегу. Один из нас должен был остаться здесь, и я вызвался на это. Далее позицию занял мой друг, а еще через четверть мили встал сам казак.

Мой пост располагался у подножья большого дуба, я сел на корточки спиной к стволу, держа ружьё на коленях, а мои ноги в войлочных сапогах увязли глубоко в снег. Вот тогда-то я понял, как необходимо иметь по-

добную простую обувь. Сидя таким же образом в кожаных сапогах, я неминуемо должен был изредка разминать ноги, что снизило бы шансы на удачную охоту. В войлоке мои ноги хорошо согрелись, и тепло разливалось по всему телу.

Как только мои спутники заняли свои места, лес стал тих и неподвижен, как смерть. Тишина была настолько гнетущей, что любой случайный звук, будь то уханье совы, вой волка или прыжок старого зайца, только усиливало её эффект.

Я окинул взглядом замёрзший орешник, огромные дубы с гирляндами сосулек, через которые как через призму проходил металлический свет зимней луны. Время от времени по снегу скользила тень и раздавался какой-то дьявольский звук, похожий на басовитое хихиканье. Это был филин, тень его сулила смерть обречённому зайцу. Одно время мне даже показалось, что вокруг сжимается кольцо волков, так долго раздавался вибрирующий вой, от которого вздрагивал лес. Эта музыка звучала повсюду, но ни один волк не появился.

Внезапно грянул раскатистый выстрел, словно сработала артиллерийская установка. Эхо прокатилось по всему лесу, и он словно проснулся от этого странного звука. Все звери и ночные птицы разом закричали, а потом также резко замолкли. «Выстрел» был вызван треснувшим льдом в нескольких милях отсюда вниз по Кубани.

Спустя час наслаждения этим буйством звуков, я услышал отдалённый грохот, будто целый полк пробиравал себе дорогу через подлесок. Шум был всё ближе и громче, пока не показался мне стадом бегущих слонов. Оно направлялось прямо к моему укрытию и сердце так сильно билось от волнения, что казалось, даже звери должны были его слышать. Я прижал руку к груди, словно пытаюсь заставить его хоть на мгновение замолчать.

Шум был уже так близко, что вот-вот я должен был увидеть его причину, но тут до моего слуха донёлся другой звук — медленный, скребущий, мучительно отчётливый. Затем грохот и тяжёлый удар падающего тела. В следующее мгновение я увидел четырёх великолепных оленей, несущихся в лунном свете в заросли орешника.

После того, как видение закончилось, послышались шаги. Первым пришёл казак, а за ним — мой охотник-немец, с очень горестным и удручённым видом. Казак был в гневе. Оказалось, что олени шли прямо на нас, когда мой друг, испугавшись шума, попытался взобраться на дуб, под которым был его пост. Какое-то время он держался, а потом соскользнул с оледенелого ствола и грохнулся на спину, более испортив нашу охоту, чем причинив себе боль.

Так закончилась наша первая ночная охота, и, хотя мы ничего не добыли, ни один охотник не сможет сказать, что ночь, проведённая среди дикого великолепия природы, была потрачена впустую. Когда мы вернулись домой, мой сон был самым сладким после такого тяжёлого труда.

Весь следующий день после этой насыщенной событиями ночи прошёл в приготовлениях к большой поездке, назначенной на завтра; но, несмотря на то, что многое ещё предстояло сделать, наш любезный хозяин дал нам пострелять и в этот день, после обеда. Нам вывели гончих — тёмно-коричневых собак с заострёнными грудинами, словно у них на шеях висели большие орденские кресты.

Образ действий в сегодняшней охоте был предельно прост. Весь лес был разделен на участки по одной квадратной версте. Вокруг одного из них были расставлены стрелки, а лесник с собаками вошли в гущу леса. Роша наполнилась звуками охотничьей музыки. Как мне кажется, собаки охотятся на всё, что им попадается, от фа-

зана до оленя. Задача стрелка — убить и подобрать дичь до того, как четвероногие охотники растерзают её.

Было чрезмерно много суеты: люди кричали, собаки лаяли, ружья стреляли, справа и слева от нас пронеслись зайцы. Над всем этим, с завидным упорством, которое, вряд ли способствовало стрельбе, наш старый лесничий трубил в свой рог. Это было бы плохим предзнаменованием для нашей завтрашней охоты, но лес был огромен, а мы находились лишь в отдалённом его уголке, откуда, вероятно, дичь гнали ближе к нашему жилью. Следов на снегу было множество, но мы добыли только около дюжины зайцев.

Утро четверга выдалось таким же ярким и морозным, как предыдущее. За нашей дверью лесник, по-видимому, пытался подражаться с тремя или четырьмя казаками, такими же разгорячёнными, как он сам. Его голос возвышался до крика, и я достаточно знал по-русски, чтобы понять, что он ругается. У меня были опасения, что наша предстоящая охота будет испорчена.

Но, наконец, всё успокоилось, и вскоре я услышал, как он называет огромного бородатого детину «голубчиком», когда как за пять минут до этого называл его сыном самого презренного из собачьего племени. Оказывается, он просто объяснял ему некоторые детали предстоящего дела.

Около 7.30 появился казачий полковник с сотней своих людей. Это был местный Нимрод¹, а загонщики, что он привёз с собой, были такие шумные, дикие и жадущие погони, что подобных им невозможно найти даже на ярмарке в Доннибруке². С полковником прибыли еще один русский и пара молодых французов. Все эти люди составляли нашу партию.

¹ Библейский персонаж, царь и выдающийся охотник.

Для охотников и загонщиков были приготовлены двое саней. Загонщиков выслали вперёд, а самым надёжным из них поручили третьи сани, со съестными припасами и приличных размеров бочонком. Когда последний казак скрылся за поворотом, мы вернулись в дом, закурили папиросы и, собрав амуницию, заняли свои места в санях. Мы понеслись по лесу, задевая нависающие ветви, которые то и дело сбрасывали одного из нас в снег под раскаты смеха всех, кроме самого пострадавшего.

Когда мы прибыли на место охоты, всем было велено сохранять молчание. Люди были расставлены каждый в ста ярдах друг от друга с одной стороны с приказом не оставлять посты без команды. Потом полковник отвёл ещё сотню человек на противоположную сторону секции. Послышался сигнал рога и стало тихо как в могиле.

Глаза каждого напряжённо следили за густыми кустами впереди, уши прислушивались к любому скрипу снега или ломающихся веток. Но пока — ни звука. Казаки были ещё слишком далеко, чтобы их слышать.

И вдруг — снова этот шум, который заставил сильнее биться наши сердца прошлой ночью, хотя теперь, при дневном свете, сцена была менее пугающей. К нашей линии приближались четыре ланки и высокий олень впереди них. Они шли рысью, вскидывая свои изящные головки. Вот они направляются прямо к дубу, за которым должен стоять мой немецкий товарищ. Я держу за него кулаки, чтобы он воспользовался своим шансом лучше, чем раньше. Олени ближе и ближе, но выстрел не раздаётся, хотя они почти миновали дистанцию.

² Ярмарка в Доннибруке (Ирландия) — ежегодное мероприятие в XIII — XIX веках, со временем ставшее местом выпивки и развлечений, что превратило его название в синоним шума и драки.

И вот они вскидывают головы и скрываются в лесу. В них не было сделано ни единого выстрела! Вскоре выясняется, что мой товарищ нарушил правила и ушёл со своего поста в лес, который, по его мнению, был более притягателен. Так олень во второй раз промчался мимо него невредимым.

Тут послышались хлопки, сначала отдельные, а затем стрельба стала такой частой, что напоминала фейерверк. Вслед за оленями показался дикий кот. Я проследил за его взглядом и увидел несколько десятков серых фигур, которые словно призраки выросли вокруг меня. Это были зайцы. Самый старый из них сидел напротив моего дерева и пристально смотрел мне в лицо. Мы были неподвижны в течение пяти минут, прислушиваясь к выстрелам, пока между двумя огромными дубами не появилась прекрасная рыжая лисица. Она грациозно шла в нашу сторону, и вся её фигура выделялась сильным, смелым рельефом. Казалось, что стрелять в это изящное животное было противно всей моей английской натуре, но всё же я сделал это. Заряд тяжёлой дроби опрокинул лису на снег. Это было похоже на убийство друга.

К этому времени крики загонщиков были уже совсем близко, некоторые фигуры были видны на открытых местах. Три прыжка в кустах привлекли мое внимание, но это оказался всего лишь ещё один заяц. Я прицелился в одного из этих длинноухих шляхтичей и уложил одним выстрелом. В следующее мгновение мимо проскакали две косули. Один из наших русских товарищей, выстрелив вправо и влево, уложил обеих на тропу. Это был выстрел дня!

Прозвучал рог и приказ повернуться к загонщикам спиной. Стрелять можно было только когда дичь пройдет мимо нас, избегая несчастья попасть в загонщика. Мимо галопом понеслись зайцы, многие из них были упакованы в наши мешки. Когда мы вышли из укрытия, на снегу

были четыре косули, благородный олень, которого я видел только мельком, моя лиса и тридцать семь зайцев.

Я сказал «моя лиса», но, по-видимому, ошибся. Животное, по всем признакам уже убитое, проползло вдоль линии, чтобы умереть на глазах казачьего полковника. Но этот достойнейший человек всадил в лису ещё один выстрел и впоследствии утверждал, что это он убил её. Также и благородный олень, чьё горло так искусно перерезала пуля казака, как если бы он сделал это ножом, шатаясь, двигался мимо полковника. И этот доблестный офицер выстрелил ему в бедро дробью, испортил мясо и приписал себе ещё одну лёгкую добычу.

Правила загона здесь противоречат английским. У нас добытчиком считается тот, кто нанёс первую рану, у русских же тот, кто нанёс последнюю.

После ещё пары залпов, в результате которых была собрана такая же дичь, мы отправились к саням, чтобы подкрепиться. Меня очень позабавило то, как казакам раздавали водку. Бочонок водрузили на край саней. Лесничий с тремя помощниками выстроил казаков в шеренгу и давал каждому по глотку. Казаки по русскому обычаю опрокидывали рюмки так, чтобы водка проскочила в горло, даже не намочив его стенок.

Выпив свою порцию, они, как я заметил, хладнокровно становились в конец очереди снова и опять получали глоток. Один необычайно высокий парень в белой овчинной шапке, которая была, вероятно, раза в два выше английского цилиндра, таким образом получил три порции водки! Но рост выдал его и этому беззаконию был положен конец.

Во время следующих охот порядок не менялся: сначала появлялись волки, затем олени, дикие кошки и лисы, потом — косули и зайцы. Если бы там были кабаны и медведи, они появились бы сразу за волками, но никто их ни разу не видел.

Когда вечером подсчитали добычу, у нас оказались один олень, девять косуль, две дикие кошки (великолепные жёлтые полосатые кошки, вдвое больше обычного домашнего мышелова), три лисы, два скунса¹, которые очень ценятся за их шкуры, и 175 зайцев.

Всё это делилось между примерно двадцатью орудиями, из которых две трети служили только пугалами. Эта охота была хороша и дика сама по себе, но лишена очарования предыдущей ночной вылазки.

Вернувшись в дом лесника, мы отдали зайцев в качестве платы загонщикам, которые тут же обменяли их шкурки на водку в какой-то питейной лавке и приготовили из тушек огромный котёл соуса. При свете костра они поедали эту грубую пищу, веселились до поздней ночи, танцуя дикие, грациозные танцы под звуки барабана и пели национальные песни, в которых воинственный характер баллад был пронизан меланхолией и депрессией.

Вся эта сцена достойна кисти Тёрнера, ибо перо не может описать всю прелесть этих диких фигур в равных овечьих шкурах, шапках из многоцветной шерсти, освещённых длинными языками пламени, среди седого леса, отягощённого многомесячным снегом.

Утром, перед тем как покинуть Красный Лес, мы увидели любопытный пример прозорливости волков. Стадо косуль расположилось в лощине посреди одного из участков леса, воображая свою безопасность. Там их обнаружила стая волков и когда мы пришли утром, лесник показал, как они нападают.

Через каждые несколько сот ярдов по всей округности лесного квартала в него входил волк, и постепенно

¹ Вероятно, автор имел в виду куниц, так как скунсы не водятся на Кавказе (*прим.* переводчика)

приближаясь к центру, хищники окружили стадо и перерезали трёх косуль, которые, убегая от одного волка, попадали в пасть другого. Мой друг рассказал, что был свидетелем подобного преступления серых хищников во время движения по почтовой дороге зимой. Два волка пытались отбить телёнка у коровы, что паслась на обочине. Один из них резвился перед коровой, катаясь по земле, чтобы отвлечь её внимание от телёнка, который находился под ней. Затем второй волк совершил бросок и успешно выполнил свою задачу, как показалось моему другу, проезжающему в тот момент мимо этой сцены.

У туземцев есть много замечательных историй, которые они могут рассказать о волках. Самой невероятной из них является утверждение, что если у вас есть достаточно присутствия духа, то будучи окружённым стаей, надо присесть на корточки и не двигаться. Окружившие вас волки после некоторого созерцания медленно разойдутся, оставив вас в покое.

Думаю, что человек, у которого было бы достаточно веры, чтобы проверить это, заслуживает жизни только для того, чтобы рассказывать эту историю.

Весной, когда за волчицей следует отряд её серых поклонников, черкесы и казаки больше всего боятся этого зверя. Говорят, в это время они чрезвычайно опасны и если вам не повезёт, и вы раните даму, то ничто кроме смерти не спасёт вас от нападений её разъярённой свиты.

Сердечно простившись с нашим хозяином и взяв с собой пару косуль, чтобы засвидетельствовать нашу доблесть на зависть друзьям в Керчи, на следующее утро мы отправились в обратный путь. По дороге я ранил старого волка, крадущегося вокруг каких-то камышовых зарослей на обочине дороги; но хотя я и последовал за ним далеко в тростник, так и не поймал его на мушку

и не мог ещё раз хорошенько выстрелить в него из своего ружья.

Через три дня быстрой езды мы вернулись в Керчь, сразу стали там героями дня. Хотя Екатеринодар с его лесом так близок, никто из наших товарищей не знал особенности русской охоты там иначе, чем по слухам.

Комфорт нашего английского консульства был высоко оценен нами по сравнению с холодными комнатами русских почтовых станций на Кавказе. Мы оба согласились, что охота была великолепна, но удобный дом, куда можно вернуться, есть благословение, о котором можно мечтать.

Часть 3. Одесса и Мескечи

Горцы и охотники — путешествие из Лондона в Одессу — стрельба по бекасам на Днепре — пьяный ящик — столкновение — князь Воронцов — Алупка — Ялта — Ливадия и Орианда — озеро Мескечи — татарский мясник — туземные лачуги — сцена на озере — ночной бивак.

Только в августе 1878 года, через три года после событий, описанных в последней главе, отрывок из недавно вышедшей книги о Кавказе вновь привлёк моё внимание к старым охотничьим угожьям. В этой книге («Морозный Кавказ») мистер Фрешфилд писал, что во всех своих путешествиях по кавказским горам он видел из дичи лишь пару ручных медведей в черкесской деревне.

Это показалось мне странным, и так как я в то время обдумывал охотничью экскурсию в какой-нибудь очередной необитаемой местности, то решил сам отправиться на Кавказ и, в меру своих сил, испытать его возможности, как охотничьего угожья для крупной дичи. После моего возвращения из Азии я видел Де Вуассе — проводника мистера Фрешфилда, который сказал мне, что автор был слишком поглощён своим любимым занятием — альпинизмом, чтобы отвлекаться на поиски дичи. И действительно, сама книга приводит к такому выводу. Восхождение на почти недоступные горы и погоня за большой дичью не могут быть совмещены никем. Лишь в одном из этих дел можно достичь значительного успеха.

Потратив неделю на подготовку снаряжения, которое отнюдь не было каким-то значительным, я был готов к старту. Мой «экспресс», двуствольное гладкоствольное ружьё (С. Ф. 12-го калибра), снабжённое металлическими

гильзами, которые при вставке превращали его в дульно-зарядное, костюм из молескина, один из фотографических аппаратов Руха и пара полевых ботинок от Mr. Dean были главными предметами моего снаряжения. Первые три вещи стали незаменимы, две другие — совершенно бесполезны, так как я не смог работать с первой и имел мало возможностей проверить другую. Кроме того, я так полагаю, что сапоги от мистера Дина не очень хороши без специальной мази, поставляемой с ними, но мой слуга вскоре её потерял. Без сомнения, при правильном уходе они превосходны, как говорят их многочисленные сторонники.

Труднее всего было достать хорошую карту Кавказа, содержащую названия небольших ручьев и деревень. Впоследствии я добыл её в России под названием «Карта Кавказского перешейка» профессора доктора Карла Коха¹. На этой карте обозначено большинство важных населённых пунктов, и названия их достаточно похожи на русскоязычные, чтобы иностранец мог их узнать.

Путешествие от пристани Святой Екатерины до Одессы через Вену не имеет в себе ничего достойного упоминания. Множество людей, путешествующих в наши дни, побывали на этом маршруте. Что касается меня, то, совершив его несколько раз, я заметил, что самое большое впечатление произвело постепенное улучшение железнодорожных вагонов, начиная с того момента, как вы покинете наши английские мерзоты, и до того момента, когда вы окажетесь окружены всеми необходимыми удобствами на последнем этапе до Одессы; постепенное уменьшение скорости, пока на некотором расстоянии от финала вашего путешествия она

¹ Karte von dem Kaukasischen Isthmus, Берлин, 1850

не станет чуть больше, чем ползком; внезапное прояснение неба, как только вы пересечёте Ла-Манш; преобладание синего цвета в одеждах французских крестьян; отсутствие заборов, что позволяло осмотреть достопримечательности, если экскурсии вообще имели место в этой стране грибников; исчезновение грача и появление его сероспинного сородича — ворона в капюшоне; множество сорок и болтливость попутчиков. Боюсь, что мои читатели, если они у меня есть, сразу же сочтут меня невнимательным, но, возможно, первые впечатления теряются, если одно и то же путешествие повторяется слишком часто.

Когда я прибыл в Одессу, мой старый начальник и добрый друг, мистер Джордж Стэнли, генеральный консул Её Величества, принял меня с большой теплотой, и ему, и мистеру Митчеллу я обязан многими ценными сведениями и проявлениями внимания. За те несколько дней, что я пробыл в Одессе, мы с мистером Стэнли отлично поохотились на Днепре, где за один час мы уложили пятьдесят шесть бекасов. Должен признать, что большую часть добыл мистер Стэнли, чья рука не забыла навыков, приобретённых в Египте.

По дороге домой мы видели прекрасный образец вождения русских ямщиков, который, вероятно, разочаровал бы их пылко поклонника сэра Роберта Пиля. Казалось, что наш парень перебрал водки: как только мы отъехали от дома, в котором остановились, то убедились, что это было действительно так. Бодрящий воздух поднял ему настроение; лошади были и «голубки» и «сукины сыны» одновременно, хлыст его крутился, и, вскидывая головы, упряжка из трёх молодых жеребцов зажимала удила в зубах и уходила прямо через степь, через овраги, с тряской, от которой разбилась бы о камни, если бы они были, вниз по склонам со скоростью, захватывающей дух, и всё это время ямщик смеялся

и ругался, и не обращал на опасности ни малейшего внимания. Две его малиновые бархатные подушки упали в темноту позади козел, что, вероятно, отрезвило его. Наконец, мы выбрались на тропу, и, хотя темп был по-прежнему бешеный, здесь было относительно безопасно. Вскоре мы столкнулись с дрожками, возница которых почему-то был необычайно сдержан в своих ругательствах при аварии, быстро проехал дальше и скрылся. Потом мы обнаружили, что у нашей упряжки пропал ценный кусок сбруи, вероятно, сорванный дрожками при столкновении, и заметив это, хозяин дрожек придержал язык и скрылся со своей добычей.

Но наши беды ещё не закончились. Когда мы подъезжали к Одессе, дорога резко повернула. Промчавшись за поворот, я увидел опасность, но не успел её предотвратить, и в мгновение ока мы наскочили на телеграфный столб. Высокая тонкая опора, пройдя между нашим ямщиком и оглоблей, прорезала упряжь и освободила одного из жеребцов. Секунду он стоял ошеломлённый и дрожащий, а затем, фыркнув, исчез в темноте так быстро, как только могли нести его ноги. Это, наконец, вернуло нашего возницу в состояние кристальной трезвости, и всю оставшуюся часть пути мы ехали в безопасном и умеренном темпе на оставшихся двух лошадях. Парню посчастливилось, не без значительных хлопот и расходов, вернуть свою потерю на следующий день. Кажется, он с двумя-тремя наёмными товарищами провёл ночь в степи, разыскивая отбившуюся лошадь.

После этого я простился с моими добрыми друзьями в Одессе, получив в качестве последней любезности от мистера Стенли представление князю Воронцову. К счастью для меня, князь путешествовал на том же судне, что и я. Это представление сослужило мне хорошую службу, так как Его Высочество, говорящий по-английски, как англичанин, дал мне рекомендательные

письма в Тифлис, заверенные его печатью и подписью, которыми я мог рассеять подозрения черноморских казаков или помочь себе иным образом. Я весьма благодарен князю Воронцову за его доброту к чужеземцу и повторяю это с той же искренностью, с какой я передал их, когда он сошел с парохода и отправился в своё прелестное местечко в Алупке.

Алупка — прекраснейший из российских замков, украшающий и без того живописное место. Это странная архитектурная смесь крепости и замка раннефеодалных времен, мавританского великолепия, русской роскоши и английского комфорта. Вдалеке он выглядит массивным и величественным, окружённый великолепными лесами, садами и виноградниками, простирающимися до самого моря у его подножия, серой вершиной Ай-Петри, возвышающейся над ним сзади, а справа — Медведь-горой, лежащей «головой» на «лапах» и вечно глядящей в сторону моря.

Сама Ялта, может быть и есть русский Эдем, но это Эдем, в котором большинство обитателей — инвалиды, все гостиницы непомерны в своих расценках, а жизнь, если только человек не пристрастился к винному «лечению», чрезмерно однообразна. Ливадийский дворец прекрасен, но вряд ли порадовал бы обыкновенный английский вкус так же, как искусственно устроенная пышная листва в Ореанде, резиденции великого князя Константина, или величественная красота Алупки. Горы вокруг Ялты и до самой Феодосии необычайно красивы, и я не знаю ничего прекраснее, чем виды, открывающиеся с их покрытых соснами склонов. В них можно найти несколько косуль и серн, но видимо, их осталось совсем немного.

Приехав в Керчь, я снова оказался дома, а вскоре и в своей старой комнате в консульстве. Мы весело провели время и, естественно, посвятили пару дней нашему

старому другу Мескечи¹, одному из самых любимых птицеловами озёр в этих крымских степях.

Мескечи — татарское название деревни в шестидесяти верстах от Керчи; озеро, примыкающее к деревне, имеет с ней общее название. Это мелководье длиной около двух миль и шириной в полмили нигде не глубже, чем по пояс человеку. По большей части озеро покрыто высоким тростником, называемым здесь камышом, и на глинистых берегах, и в маленьких лагунах среди тростника мириады диких птиц играют днём, болтают и кормятся всю ночь. Здесь я провёл много славных дней, охотясь на дичь, много весёлых ночей и по крайней мере одно приключение, которое, насколько я помню, было примерно таким.

Я жил в доме главного фермера в деревне, грека или армянина, я забыл, в течение нескольких дней моей охотничьей экспедиции. Однажды утром, около шести часов, я бродил по сырой степи покрытой лужами, ожидая встретить бекасов, но их не было. После часа, проведённого в поисках чего-нибудь, чтобы пострелять, я уже почти решил снова отправиться к своему любимому озеру, когда услышал голос, зовущий меня по-русски. Подняв глаза, я увидел татарина, тоже довольно щеголеватого, в желтовато-коричневом халате и неизменной овчинной шапке, стоявшего прямо в большой плоской телеге с тройкой крепких лошадей. Подойдя ближе, я увидел, что он приглашает меня сесть в свою повозку, уверяя, что он тоже охотник и хочет проехать в это утро через ту часть степи, где много дичи. Не имея при себе оружия, он показал бы мне, если я хочу, где можно отменно поохотиться. Однако рубли в те дни были у меня

¹ Ныне район с. Песочное

редкостью, и я боялся, что, если соглашусь на подвоз, мне придётся заплатить немалую цену, поэтому я отказался как можно любезнее. Мой друг настаивал, и в конце концов я откровенно сказал ему, что если он покажет мне дорогу в эти счастливые охотничьи угодья, о которых он говорил, то эта услуга должна быть бесплатной и включать возвращение до наступления ночи. Он сразу согласился, и я без лишних слов сел в его повозку, и мы поехали.

Проехав версту или две, я начал понимать, что мой новый друг не был обманщиком, потому что за очень короткое время мы добыли несколько зайцев и несколько перепелов. Его зрение было самым удивительным из всех, что я когда-либо встречал. Стоя в своей повозке, быстро проезжая по возвышенностям, он время от времени вдруг останавливался и восклицал: «Вон заяц!», указывая при этом на какой-то далёкий предмет на вспаханной земле или в степи. Я ничего не мог разглядеть, поэтому мне приходилось спешиваться и просто тащиться ярдов двести в указанном им направлении, пока из-под самых моих ног не выскакивал заяц, до тех пор совершенно для меня неразличимый.

Позже мне открылась цель его утренней поездки. На склоне холма неподалёку от нас стояло огромное стадо овец, за которыми ухаживали несколько оборванных татарских парней и один седовласый пастух с обычной свитой огромных беспородных овчарок — зверей, которые охотятся за тобой при каждом удобном случае. Окликнув старого пастуха, мы вскоре заключили сделку и спешились, чтобы выбрать себе овец. Мой друг, осмотрев многих глазами глубокого знатока, выбрал четырёх. Выбрать их было легко, но взять — гораздо труднее. Скинув туфли и закатав длинные свободные рукава, покупатель попытался приблизиться к своей покупке. Чем дальше он продвигался, тем быстрее овца отступала, тщётно

пытаясь затеряться среди своих товарищей или заменить себя другой. Но с моим татаринном это не удалось, и через четверть часа каждую из троих овец схватили за заднюю ногу, перевернули на спину, связали все четыре ноги и запихнули в телегу. Честолюбиво подражая своему другу, я тоже снял сапоги и сделал отчаянные попытки схватить невинного на вид зверя. После чудовищной траты времени я всё-таки схватил баранью ногу, хотя, по-моему, не ту. Рывок был сделан аккуратно, но увы, не мною! В одно мгновение я растянулся на земле, а в другое вся стая резвилась над моим бесчувственным телом. Как я выпутался — не знаю, но когда я это сделал, то встал, чувствуя себя посрамлённым, и вернулся к своим сапогам более мудрым, хотя и весьма расстроенным человеком.

Погрузив на борт весь наш груз, мы отправились в ближайшую татарскую деревню, подстрелив по дороге ещё одного зайца. Между прочим, всякий раз, когда я кого-нибудь добывал, мой проводник требовал перерезать ему горло и переломать ноги — суеверный обычай, как я слышал впоследствии, свойственный всем магометанам. Приехав в деревню, старик (кажется, это был мулла) взобрался на крышу низкой лачуги посреди главной улицы аула и хрипло закричал на татарском языке. Что он сказал, я тогда не знал, но, судя по дальнейшим событиям, речь шла о том, что добрый мясник Лотсо привез с собой жирных овец, которых он готов был тут же превратить в баранину, если появится достаточное количество покупателей. Любой, кто хотел баранины, поднимал руку. После долгих разговоров мулла спустился со своего места, вокруг него образовалась толпа и последовал ужасный скандал. Это выглядело как драка без правил, но она скоро закончилась.

Договорившись о покупках, с телеги сняли овцу, несли ее в каменную траншею, перерезали горло, и вся

операция по снятию шкуры и расчленению была завершена в считанные минуты. Тем временем несколько тощих псов, привлеченных запахом крови, столпились вокруг. Они были так настойчивы, что дюжина татар только и успевала вертеть своими кнутами вокруг мясника, как хлыстами, когда охотник загоняет лису, чтобы держать животных на расстоянии. Потом мясо разделили, деньги заплатили, внутренности связали в шкуру (они доставались мяснику), бросили обратно в телегу, и, выпив сметаны из грязных коричневых рук татарской княжны, мы отправились в следующую деревню, чтобы повторить тот же процесс.

И вот, когда все наши овцы были зарезаны и проданы, наступили сумерки, а вместе с ними и чувство голода, побуждавшее меня поскорее вернуться на свою квартиру к дружелюбному армянину. Повернувшись к татарину, я предложил отправляться в обратный путь, но он холодно сообщил мне, что для меня будет лучше переночевать в его доме в Ж., он назвал деревню из полдюжины домов, в которой несколько месяцев тому назад произошло ужасное убийство. Может быть, воспоминание об этом, а может быть, его леденящая ловкость с мясничьим ножом или мысль о моем уютном жилище в Мескечи заставили меня отказаться от такого сомнительного приюта. Поэтому я напомнил мяснику о его обещании. Единственный ответ, который я получил, заключался в совете идти пешком. Но знал ли я, в каком направлении лежит Мескечи?

«Да, вон там, за низкой линией холмов!» Мрачный смех и уверенность в том, что Мескечи находится в совершенно противоположном направлении, усилили мои подозрения относительно моего мнимого друга, так как по некоторым признакам я понял, что он лжёт. Мгновенное размышление показало мне, что прогулка в этот час, даже если я не заблужусь, кончится, вероятно, ночью

в степи, во власти этого человека или любого другого, кто решит преследовать меня и заставить врасплох в темноте или во сне, не говоря уже о крайней необходимости в случае моего ухода из повозки бросить дичь. Поэтому я изменил тактику. У него не было огнестрельного оружия, и он сидел на краю повозки. У меня было ружьё, и я сидел позади него.

Вспомнив все знакомые мне малороссийские слова, я дал ему понять, что заставлю его выполнить обещание; что я слышал о Ж.. и его дурной репутации и не собираюсь идти туда; что я знаю, что дорога, которая теперь справа от нас, ведёт к моему дому; и что, если он откажется ехать по ней, я сброшу его с телеги зарядом №5. Это был грубый аргумент, и татарин, казалось, был сбит с толку. Он пытался убедить меня пойти другим путём, высмеять мои подозрения, он даже начал издеваться! Я просто наблюдал за ним, повторял свои требования и сидел неподвижно. Тем временем лошади были остановлены. Тогда мой попутчик попытался соскользнуть со своего места и таким образом выйти из своего неудобного положения перед дулом моего оружия. Я шелчком взвел курок и прицелился ему в спину. На мгновение он заколебался, а затем, выругавшись, угрюмо повернул на правую дорогу.

Всю дорогу я не сводил с него глаз и не опускал ружья. Постепенно он, казалось, пришёл в себя, и когда мы оказались в полумиле от Мескечи, повернулся и заговорил со мной, уверяя, что дальше ничто не заставит его везти меня.

Довольный тем, что теперь я могу благополучно добраться до дома, я слез, прихватив с собой пару зайцев и несколько птиц, оставив остальное татарину, и отправился в Мескечи, радуясь, что так легко отделался. По дороге я подумал, что, вероятно, был слишком подозрителен и выставил себя дураком. Однако по прибытии

обнаружилось что меня искали весь день. Похоже, мой мясник имел не одну профессию, будучи самым известным конокрадом в этих степях. Накануне вечером он разбил лагерь неподалёку от деревни и несколько раз расспрашивал обо мне, видя, как я возвращаюсь с охоты. Он также выразил восхищение моим ружьём с довольно красивым казёнником. Всё это вместе с тем, что сам мясник, одна из лучших лошадей моего хозяина и я — все исчезли одновременно на следующее утро, объясняло беспокойство моих друзей, а также нежелание мясника вернуться в деревню этой ночью.

Таково было одно из воспоминаний, которое Мескечи вызвал у меня. Но в этот мой последний приезд я не видел ничего, что напоминало бы мне о моем приключении. Армянин, кажется, ушёл, и вся деревня, когда мы проходили мимо, казалась спящей на солнышке: беспорядочная кучка одноэтажных лачуг, на соломенных крышах которых поблёскивали ряды жёлтых тыкв; смуглая симпатичная татарка в алом чепце и со множеством локонов, усыпанных мелкими золотыми монетами, стояла в дверях, вокруг которых было что-то вроде ограды. У дверей другого коттеджа, утопая ногами в грязи главной улицы, а телом — в несколько более сухой грязи пола столовой, развалился с папиросой во рту русский мужик в розовой рубашке. Внутри лачуги, если бы у нас было время посмотреть, мы, вероятно, увидели бы кучу постельного белья между крышей и верхом печи; это была бы кровать бабушки. Деревянную кровать с более беспорядочной кучей одежды на полу; здесь спят остальные члены семьи, мать, отец и дети; грязный открытый камин в одном углу; оборванная женщина, похожая на обезьяну, расчёсывает грязного ребёнка в другом; а на полу ещё два полуголых сорванца дерутся за буханку чёрствого хлеба, из которой тщетно пытаются выбить кусок тыльной стороной топора. Из-под почерневшей сальной

балки над головой, украшенной несколькими нитками лука и засохшими яблоками, на всё это падает тусклый свет, исходящий от баночки с бараньим жиром, что делает обстановку столь же неприятной, сколь и уродливой.

Тогда мы с радостью оставили деревню позади и, поставив дрожки под прикрытие высокой естественной насыпи у озера, приготовились провести там ночь. В земле была вырыта яма и разведён подземный костёр. Наши бурки, натянутые на дрожки, образовывали нечто вроде убежища между колёсами, в которое можно было заползти и поспать в случае дождя.

Когда эти небольшие приготовления были сделаны, мы начали стрелять. Вдвоём мы обошли озеро, каждый со своей стороны; можно было наблюдать, как один достойный охотник облачается в знаменитые штаны мистера Кординга; другой, более простой и, возможно, более мудрый, освобождается от всех уз, которые цивилизация набросила на нижние конечности двуногих. Группа из сопровождавших обладателя корда и команда «босоногих» направились через мелководное озеро к зарослям тростника в центре; здесь они тщательно укрылись, чтобы пожинать плоды преследования на обоих берегах. Пятый стрелок, высокий худощавый немец из Риги, лучший из добрых парней, с очень длинными ногами, взял большую жестянку из-под печенья и положил её на песчаную отмель посреди озера. Сидя на ней в своём аккуратном наряде, который ничто не могло сделать менее изящным, покрыв всё окружающее пространство своими конечностями, наш друг Б. ждал хитрую утку.

Люди в камышах набили больше, хотя стрелять там было труднее всего, но так как у нас не было собак, мы не достали и четверти убитых птиц. Одинокий джентльмен на жестянке из-под печенья сделал несколько дальних выстрелов и, поскольку все подстреленные им птицы упали в открытую воду, получил большую часть того, что

убил. Но, увы, когда он попытался подняться, чтобы собрать добычу, было ясно видно, что он застрял. Тщетны были его попытки выпрямиться. Жестянка из-под печенья медленно, но верно погружалась в предательский илистый берег; за ней последовал было и её хозяин, ещё немного — и гордость Керчи, по-видимому, пустила бы корни в пустошах Мескечи. Однако судьба была благосклонна, и общими усилиями друзей он был спасён из своего позорного положения.

Береговые стрелки вернулись усталые, но довольные, хотя их мешок с одним бакланом, красноногими чайками, большим разнообразием куликов и несколькими утками был скорее украшением, чем пользой. Человек с жестянкой из-под печенья и «босоногие» внесли несколько крикв, чирков и пару щипцов, а также несколько бекасов; и, опустошив мешки, все собрались вокруг костра, чтобы выпить бодрящего «чаю».

Но что это? Наш болотный друг всё ещё отсутствует, и сколько мы ни кричали, не получили никакого ответа от маленького тростникового острова, на котором его видели в последний раз. Полчаса мы ждали, а потом услышали выстрел прямо посреди болота. Мы снова закричали и выстрелили, и на этот раз получили ответ, но только когда небо потемнело и дым от нашего костра стал отчетливо виден на его фоне, Б. нашел выход из лабиринта тростника, в котором бродил почти два часа.

После того как наши трубки были раскурены, дождь хлынул потоками, заставив всех заползти под дрожки. Чтобы уместить туда и нашего немца, пришлось два или три раза обвить его ноги вокруг талии. Когда нам это удалось мы улеглись, покуривая, и до глубокой ночи слушая рассказы старого егеря о привидениях, собранные в лесах Германии и на равнинах Азии. У рассказчика странных легенд никогда не было более подходящего аккомпанемента, чем мил-

лионы голосов с озера у наших ног и непрерывный шквал и удары бури снаружи.

Утром мы ещё постреляли уток, а потом повернули домой. Я чувствовал, что мне давно пора было отплыть на Черноморское побережье, хотя я и не имел ничего против того, чтобы задержаться на эти две недели с целью избежать черкесской лихорадки, которая так распространена в начале осени.

Часть 4. Красный Лес и берег Черного моря

Путешествие на Тамань — ливень в степи — черкесские бурки — длиннохвостые лошади — ущербное земледелие — мужики — причины политического недовольства в России — почитание царя — удешевление припасов — русский писатель об англичанках — почтовые станции — страшная трагедия — гостиницы — Екатеринодар — ярмарка — русский чай — русская полиция — казачий бивуак — увлекательная охота — стрельба по белому кабану — тяжёлое разочарование — охота на фазана — казачий полковник — отвратительное путешествие — кавказские женщины — обжорство — в казачьем седле — минеральные источники — горячая ванна — «лотоседы» — происшествия за день — наглый татарин — расставание.

В субботу 7 октября я выехал из Керчи в Екатеринодар, намереваясь провести неделку в старом жилище у Красного Леса, заблаговременно написав об этом полковнику Р. Моим багажом были чемодан, ружьё и винтовка, а также пойнтер Калипсо, которого я купил у своего старого товарища по охоте в Керчи. Я намеревался пострелять в Суранском уезде, где говорят есть много медведей, погостить несколько дней во Владикавказе, оттуда переправиться в Тифлис, а из Тифлиса через малоизвестную Муганскую степь на Каспий.

Но вряд ли стоит упоминать о моих планах, так как почти все они изменились, а для меня было бы лучше, если бы они изменились абсолютно все.

В Тамани, пока запрягали лошадей, меня любезно принял начальник русской телеграфной станции, от которого я получил много полезной информации. Я могу сказать раз и навсегда, что везде, где бы я ни был, я встречал самое доброе отношение со стороны телеграфных служащих, будь то русские или «индоевропейцы». Я сердечно благодарю их и рекомендую всем, кто последует по моим стопам. Однако звон колокольчика, который будет моей единственной музыкой в течение предстоящей дороги, напоминает мне, что пора допивать кофе, докуривать трубку и отправляться в путь.

Местность вокруг Тамани несколько изменилась со времени моего последнего посещения. Мы привыкли говорить, что там ничего не растёт, но сейчас, когда в городе поселились греки, на местном базаре ежедневно есть лук и садовые культуры, которые выращивают недалеко отсюда.

Однажды мы выехали в степь на открытой телеге, а когда возвращаться было уже невозможно, на землю обрушился безжалостный дождь. Это был добросовестный ливень с крупными каплями, который лил до конца дня. Вот тут и проявилось моё первое упущение при под-

готовке к экспедиции.

Зонтик выглядел бы в данной ситуации нелепо и был бы бесполезен, поэтому традиционный местный «зонтик» — черкесская *бурка* — должен был стать первым из моих приобретений! Без *бурки* никто и не помышляет путешествовать по этой стране. Это большой кусок войлока, очень лёгкий для своих размеров, действительно водонепроницаемый. Он завязывается вокруг шеи владельца и укрывает его как колокол от головы и плеч до колен.

Бурки отличаются по структуре и качеству, а также по цене. Одни из них белые, другие чёрные, некоторые такие грубые, как скай-терьер, другие — гладкие, как борзая. Лучшие бурки — чёрные и гладкие, они стоят 30—40 рублей (четыре-пять фунтов).

Я думаю, что после кинжала и лошади бурка — самое ценное достояние казака. Я видел крепких парней, которые спали на мокром сене, завернувшись в бурки, прямо под великолепным ноябрьским дождём.

Проехав версту или около того, мой ямщик остановился. Здешние лошади носят хвосты, как дамские шлейфы, до нелепости длинные. Дюжину раз в этой поездке нам приходилось останавливаться, пока кучер выжимал из них грязь и подвязывал наверх в менее симпатичный, но удобный «боб». Без этого лошади не смогли бы передвигаться вообще.

Что касается меня, то я быстро промок насквозь, а мое лицо напоминало гипсовый слепок с выпученными глазами.

Жалко видеть всю эту полезную землю непаханой, а крестьянство и саму страну такими бедными. Мой друг, русский телеграфист, поведал мне ещё несколько причин, помимо вечных *праздников*, вызвавших недостаток сельскохозяйственных успехов на Кавказе. Само обилие земли есть зло для близорукого русского крестьянина.

Здесь, на Кавказе, на каждую «душу» (так в России называют лиц мужского пола) выдаётся 16 необработанных акров бесплатно, причем он может выбрать землю, где ему нравится. В результате *мужик* рассуждает примерно так: «в этом месте, где стоит мой дом, кукуруза хорошо расти не будет, в другом месте ей будет лучше. А в третьем месте другой урожай найдёт подходящую почву». Итак, исходя из принципа не класть все яйца в одну корзину, он берет несколько десятин здесь, несколько за десяток вёрст отсюда, и ещё что-то дальше. Таким образом, он тратит бесконечное количество времени на строительство молотилок на каждой ферме или на транспортировку урожая с одной фермы на другую.

Прибавьте к этому, что воду приходится часто возить издалека, что орудия у него самые грубые, и что его люди, даже если бы они все были работающими в английском смысле этого слова, слишком малочисленны для таких площадей. Вот некоторые причины недостатка того сельскохозяйственного богатства, которым могла бы обладать Россия.

Всё это тем жальче, что русский мужик — очень трудолюбивый, бережливый человек и, если не считать склонности к водке и «праздникам», он может творить чудеса. Он может взяться за что угодно, всегда бодр и весел, единственный его порок — пьянство.

Я уверен, что здесь крестьянской семье для комфорта, вместе с пищей и одеждой, достаточно 18—20 рублей на человека. Но имейте ввиду, что русский крестьянин редко ест мясо. Весной — чёрный хлеб и лук, летом — чёрный хлеб, лук и *арбуз*, зимой — чёрный хлеб и щи из капусты с сухой рыбой. Лакомства только время от времени. Кроме того, здешнее спиртное бесконечно дешевле, чем у нашего пьющего пиво крестьянства. За пять или три копейки здесь получают почти половину английского стакана отвратительного ржаного спирта,

которым все наслаждаются, а некоторые пьют еще вино и нефть, которые, я полагаю, ещё дешевле водки. Владелец нефтяных скважин в Черилеке, мистер Петерс, который, к сожалению, уже умер, говорил, что его рабочие даже не знают о том, что можно пропустить стаканчик нефти!

В дополнение к этому: одежда мужика так же проста, как его рацион: зимой тога из овчины, шарф вокруг талии и овчинная шапка на голове. Пара высоких сапог, которые стоят дороже, чем остальная одежда, но несравненно лучше по качествам носки. Летом — ситцевая рубашка.

И зимой, и летом можно видеть его жену и детей, разгуливающих в одних и тех же льняных одеяниях. Зимняя одежда, пожалуй, обходится дороже всего, но удивительно, как долго мужик может её носить! Он всегда предпочитает старый костюм новому, пока тот ещё держится на теле. С таким бережливым крестьянством, несомненно, на такой ценной земле могут быть получены гораздо лучшие результаты.

Я полагаю, что всё несчастье России, её политическое недовольство, её нигилизм и грязные преступления, причиной которых она была, происходят не из-за самодержавной формы правления, при которой она существует и с чем, несмотря на протесты немногих, большинство русских крепко связано, а из-за крайней нехватки хорошего воспитания среди всех классов и той широко распространенной коррупции в чиновничьем мире, отчего постоянно страдают все, кто соприкасается с ней.

Было бы меньше обязательной военной службы, а больше религиозной подготовки, стимулирования сельского хозяйства, привлечения иностранцев для обустройства огромных просторов Российской Империи, чтобы своим примером они могли научить её собствен-

ный народ, как извлекать лучшее из природных богатств, тогда был бы шанс на процветание России.

В каждом русском мужике есть врождённая любовь к царю, преданность ему, которая делает этот объект непогрешимым в его глазах, и это очень трудно искоренить. Если бы это чувство ещё более воспитывалось, а не уничтожалось несправедливостью мелких провинциальных чиновников, которые для крестьянина являются представителями верховной власти, то царевубийство и революция были бы неведомы на русской земле.

Единственная жалоба, которую я когда-либо слышал из уст крестьян в России на Великого Белого Царя, была такая: он слишком далеко, наши голоса не могут долететь до него сквозь толпу негодяев, которые его окружают.

Сегодня мне самому пришлось обедать крестьянской едой, и, хотя чёрный хлеб был сырой, он достаточно утолил голод. Ночь я провёл на деревянном диванчике в Тёмрюке без подушки, что обеспечило мне ранний подъём. В 5 утра я уже был на базаре и торговался с крестьянками о припасах для путешествия.

«Икра» стоила почти два шиллинга за фунт, а свежее масло — десять пенсов. Одна из неприятных черт русского купца состоит в том, что вы всегда должны торговаться с ним за малейшую мелочь. Справедливо будет сказать, что это вина скорее его покупателей, чем его самого, ибо в Керчи, где торговцы знали, что англичане не любят торговаться, отпускали нас первыми, вместо того чтобы накручивать цену, которая потом будет постепенно снижаться, чтобы угодить покупателю.

Пока я ждал лошадей на почтовой станции, я случайно наткнулся на следующий отрывок из русской книги о путешествиях некоего Ивана Гончарова и взял на себя смелость перевести его для моих читателей. Рассказывая о своём пребывании в Англии, он пишет:

«Я не успел познакомиться с семейными домами и потому видал женщин в церквах, в магазинах, в лодках, в экипажах, в вагонах, на улицах. От этого могу сказать только — и то для того, чтоб избежать предполагаемого упрека, — что они прекрасны, стройны, с удивительным цветом лица, несмотря на то что едят много мяса, пряностей и пьют крепкие вина. Едва ли в другом народе разлито столько красоты в массе, как в Англии. Не судите о красоте англичан и англичанок по этим рыжим господам и господам, которые дезертируют из Англии под именем шкиперов, машинистов, учителей и гувернанток, особенно гувернанток: это оборвыши; красивой женщине незачем бежать из Англии: красота — капитал. Ей сделают верную оценку и найдут надлежащее приспособление. Женщина же урод не имеет никакой цены, если только за ней нет какого-нибудь особенного таланта, который нужен в Англии. Одно преподавание языка или хождение за ребёнком там не важность: остаётся уехать в Россию. Англичанки большею частью высоки ростом, стройны, но немного горды и спокойны, — по словам многих, даже холодны.»¹

Таково, по-видимому, суждение того, кто считал себя знатоком и имел возможность видеть знаменитых черкесских красавиц в собственной стране.

Эти русские почтовые станции становятся всё хуже и хуже; каков может быть предел зла, к которому я приду прежде, чем достигну Каспия, я не смею себе представить. В них нет ничего, кроме деревянного дивана; ни ковров, ни провизии, ничего! Сегодня мы проезжали мимо казачьей станицы на берегу большого

¹ И. Гончаров «Фрегат Паллада»

озера, окружённого камышом. Говорят, здесь произошла страшная трагедия во время русско-черкесской войны.

Группа черкесов встретила здесь с казачьим отрядом, который совершенно разгромил их и несчастные туземцы укрылись в камышовых джунглях. Здесь они оставались до ночи, пока на них не напали мириады ядовитых комаров. Тогда черкесы покинули убежище, предпочитая умереть от рук казаков, чем подвергнуться медленной пытке насекомыми. Это всего лишь история, рассказанная моим ямщиком, но зная этих комаров, я не сомневаюсь в её истинности.

Становилось всё холоднее, вчера вечером перед почтовой станцией мы слышали целый оркестр волков. Через три дня мы остановились в гостинице «Санкт-Петербург» в Екатеринодаре, и, если что-то может быть хуже, чем путешествие по России, так это разочарование, которое вы испытываете в так называемом гостиничном номере.

В одном из длинных коридоров конюшенного двора с вечным сквозняком, находилась моя комната — выбеленный склеп с железной решёткой. Здесь стоит кровать, деревянный стол, матрас, простыня и грязная подушка. Никаких стиральных принадлежностей, никакого постельного белья, плетёное кресло, разбитая бутылка, наполовину наполненная сомнительной водой и голые доски на полу. Это и есть мой ночлег.

Что касается слуг, то это был грязный мальчик лет двенадцати, слишком маленького роста для его возраста, очевидно, он прислуживал всем в доме. Приготовление пищи, хотя и не первоклассное, является одной из достопримечательностей города. Кто-то говорил, что самый радушный приём можно получить на постоялом дворе, но если бы говоривший когда-нибудь видел русский трактир, то изменил бы своё мнение.

Большинство гостей за столом — офицеры, из чего можно было бы сделать вывод, что полковые столовые не в моде в России.

На следующее утро после моего приезда в Екатеринодар я встал рано и вместе с другом, с которым познакомился во время моего первого визита, отправился на ярмарку за город, чтобы купить необходимую мне бурку. Благодаря его стараниям я уже через час был обладателем бурки, овчинной шубы и шапки, купленной примерно за 4 фунта. Одетый по-деревенски и свободно говорящий на русском языке, я старался не привлекать внимание туземцев, которые, как мне сказали, будучи по большей части мусульманами, сейчас ожесточённо настроены против англичан, приписывая, как они это обычно делают, несчастья Турецкой империи нашей холодной дружбе, для которой у них, боюсь, есть более жёсткое название.

Екатеринодар, должно быть, процветающий город, потому что мне говорили, что семь лет назад здесь было всего пять каменных домов, а теперь их больше тысячи. Старые дома были построены из тростника, обмазанного чем-то вроде цемента. Лихорадка, как мне сказали, тоже идёт на убыль, да и должна была идти, потому что ещё несколько лет назад на Кавказе не было более страшного очага этой болезни. Но теперь, когда колеи в городе начинают немного походить на улицы (хотя все ещё самые грубые), в фешенебельных кварталах то тут, то там появляются сотни ярдов неровной мостовой, а благодаря постоянной обрезке и выкорчевыванию деревьев, дома начинают выглядывать из рощ, в то время как энергичное городское правительство прилагает усилия по очистке улиц, что несомненно сломало хребет малярии.

Об удивительном богатстве почвы достаточно красноречиво свидетельствует заявление, сделанное мне сегодня одним поселенцем: «Если я не буду очищать свой

сад три раза в год от новых побегов, в следующем году я не смогу пробиться через него.»

Именно в его саду я видел сегодня днём самые большие тыквы, какие только бывают, некоторые из них весили больше восьмидесяти фунтов, а он уверял меня, что иногда они достигали 120—130 фунтов. Здешние люди делают из них вещество под названием «каша», чем они сами питаются и которым кормят свиней.

Торговля в городе шла очень бойко. Ярмарка и магазины переполнены, а улицы полны всевозможных повозок. Число военных, размещённых здесь, кажется значительным, а казармы представляют собой довольно внушительные сооружения.

Екатеринодар может похвастаться двумя соборами, из которых старый, ныне заброшенный, на мой взгляд, самый лучший. Ночью я снова побывал на ярмарке и застал там очень оживлённую сцену. На открытом месте стояло несколько столиков, за которыми немецкие евреи раздавали по глотку водки и других настоек толпам полупьяных казаков.

Совсем рядом, через открытую дверь палатки, был виден отблеск огромного костра и чувствовался пикантный запах жареной баранины. Будучи голодным, я вошёл в одну из этих открытых дверей и обнаружил, что нахожусь в калмыцкой закуской, с двумя или тремя забитыми овцами, висящими вокруг опорного шеста палатки, и большим полуподземным костром в дальнем конце. Здесь несколько свирепых на вид татар жарили на вертеле маленькие кусочки баранины, и, купив два или три таких вертела, с их аппетитной ношей, шипящей на углях, мы попробовали самую лучшую еду, какую я когда-либо ел на Кавказе.

Чтобы запить все это, мы заказали калмыцкий чай, который, по-видимому, был здесь очень кстати. Чай спрессован в огромные плиты, похожие на лепёшки,

и явно не очень высокого качества. Отрубают от него квадрат, кипятят в котелке, и подают в одной суповой миске с ложками на каждого человека. Правильно добавлять к нему варенье, огромный кусок сливочного масла, а также перец и соль по вкусу, и всё это гораздо больше напоминает суп, чем чай.

Только в три часа пополудни следующего дня (четверга) мне удалось привести в порядок свою «подорожную» и другие вещи. В этот час было уже слишком поздно отправляться в долгий путь к Красному лесу, но я так устал от задержек, что решил в эту ночь уйти как можно дальше и положиться на удачу.

Мой ямщик, имевший очень смутное представление о цели поездки, был очень меланхоличным человеком и в течение первого часа или двух потчевал меня рассказами о зверствах и убийствах, совершённых в последнее время в Екатеринодаре или близ него. Все эти истории могли бы составить целый номер «Еженедельника Ллойда».

Они говорили о бессилии местной полиции, хотя я и без того не видел более жалкой организации, чем русская полиция. Самых худших и слабых физически людей из армии призывают в полицию. Они носят меч, чтобы защищаться от собак и с яростью на них нападают с этим грозным оружием. Я говорю то, что сам видел. Если у них есть возможность — они скорее помогут вору, чем помешают. Следующая правдивая история, ставшая известной британскому консулу, может служить иллюстрацией их обычного поведения, когда речь идёт о защите личности или собственности:

Некая дама, проживавшая в Крыму, но не уроженка, обнаружила, что у неё странным образом пропадают серебряные вилки. Их было двенадцать, все помечены гербом и монограммой, в конце концов осталась одна. В отчаянии она обыскала комнату одного русского слу-

ги, которого подозревала в нелюбви к себе. Здесь она нашла одиннадцать вилок и, не тронув их, послала за полицией. Полиция обыскала постель слуги и арестовала преступника. Слуга был отправлен в тюрьму вместе с вилками.

Время шло, но ничего не было сделано. Наконец дама, потеряв терпение, обратилась в полицию с просьбой узнать, когда вернутся её вилки. Ответом было то, что следствию необходимо получить двенадцатую вилку, чтобы украденные одиннадцать были идентифицированы как её собственность.

В минуту слабости она послала им свою двенадцатую вилку. Набор был восстановлен. Вскоре слугу отпустили, и, несмотря на все её просьбы, эта несчастная дама больше никогда не увидела своих вилок. Это произошло в Крыму, Кавказ, я полагаю, находится под военным правом, но мне было суждено так близко познакомиться с историями об убийствах и зверствах, совершаемых здесь изо дня в день, что я почти не думал о них.

Тем временем, размышляя и болтая обо всём этом, мы к десяти часам вечера добрались до домика лесника. Снаружи пылал огромный костер, у которого полдюжины угрюмых казаков курили и грели пальцы ног. Внутри здания папиросы уже погасли, и главный лесничий погружился в страну грёз. Казаки сказали, что у него сегодня гости, и он меня не ждал.

Помня о том, что человек, пробуждённый от сна, не всегда находится в сознании и в приятном расположении духа, я решил не тревожить своего хозяина, а вместо этого занял место среди казачьих гвардейцев у костра и, несмотря на их удивлённые и насмешливые взгляды, приготовился устроиться по-своему. После некоторой задержки появился чайник. Достав немного чая из своего охотничьего мешка, я вскоре заварил этот пахучий на-

питок, благодаря которому я значительно завоевал благо-склонность своих грубых товарищей.

Ночь была ужасно холодная, и рассказы казаков были мне непонятны из-за той скороговорки, на которой они их рассказывали, так что едва моя трубка погасла, я при-готовился ко сну. Одно я должен сказать об этих людях: какими бы неотёсанными они ни казались, но когда я несколько минут стоял на коленях перед тем, как лечь спать, все они встали, отошли от костра и почтительно стояли, пока я снова не встал на ноги; и я могу добавить, что везде, где я встречал казаков, я находил такое же внешнее уважение, во всяком случае, к религиозным об-рядам, и я твёрдо убеждён, что, хотя они склонны ко многим порокам, у них больше веры и благородных че-ловеческих качеств, чем у большинства их просвещён-ных соотечественников.

В ту ночь я спал в своей бурке на дрожках, а когда проснулся, бурка, которая накануне была чёрной, стала серебристой от инея, всё мое тело, и даже усы были по-крыты инеем.

Радостное приветствие лесника и последовавший за ним горячий завтрак были действительно приятными вещами после моего тяжёлого ночного отдыха. Гостем, о котором говорили казаки, был некий полковник Х., немец, приехавший издалека, чтобы несколько дней по-развлечься с моим старым другом, и в его честь должна была состояться большая охота.

Наш первый день, однако, был очень неудачным, так как, хотя мы и добрались пешком до нескольких благо-родных оленей впереди ищеек, мы их не видели. Второй день был так же плох, как и первый, до полудня, когда на обратном пути мы слышали в другом квартале ярост-ный треск, сопровождаемый коротким фырканьем.

Маленькая жилистая фигурка старика Р. напряглась от волнения, а его глаза стали ещё более выпуклыми, чем

обычно, когда он до боли сжал мою руку. «Кабан!» — это было всё, что он, казалось, смог выговорить, и, действительно, я сам был не менее взволнован. Сделав знак немцу охранять угол квартала, он, крадучись, двинулся по дороге на звуки, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться, но никогда не отпускал мою несчастную руку. Шум был уже совсем близко, и теперь даже мои нетренированные уши говорили мне, что он был похож на крик свиней в смертельной схватке.

Вдруг мой жизнерадостный друг отпустил мою руку и указал на что-то в густом кустарнике. Деревья здесь росли так густо и так тесно переплетались ветвями, что лесная тень казалась тёмной, как летняя ночь, и я ничего не видел. Мой друг дал мне немного времени присмотреться. Прижав ружьё к плечу, он, казалось, случайно выстрелил в самую гущу ветвей.

Последовало еще более громкое фыркание, сопровождаемое раздираaniem кустов в торопливом бегстве, и, наконец, я мельком увидел три тёмные фигуры, прорывающиеся сквозь подлесок. Один из кабанов казался намного больше остальных, и я выстрелил в него. К моему удивлению, так как выстрел был сделан очень поспешно, он дёрнулся вперёд, очевидно сильно ударившись, но тотчас же оправился и пошёл дальше.

У меня мелькнула слабая мысль, что я не должен следовать за раненым кабаном в густом подлеске; но так как мои волосы уже порядком встали дыбом, я пополз и побежал так быстро, как только мог, за своей подраненной дичью. Два других орудия были направлены в разные стороны, чтобы отрезать любого из трёх кабанов, которые могли бы подойти. Раз или два я на мгновение рассматривал своего зверя, но никогда не был достаточно готов, чтобы стрелять в таком стеснённом положении.

Тем временем лесник издавал на своем роге звуки, которые он называл музыкой, и некоторые из его собак,

услышав их, вскоре вышли на след. Разгорячённый, задыхающийся и почти в темноте, среди непроходимых зарослей, я шёл вперёд.

Был смысл отказаться от погони, когда я услышал, как собаки обнаружили что-то недалеко впереди меня. Чтобы подползти к ним на расстояние примерно тридцати ярдов, мне не потребовалось много времени, и тогда, притаившись за стволом огромного дуба, я подождал, пока мои глаза привыкнут к темноте. Постепенно я начал различать собак, нетерпеливо носящихся взад и вперёд, а затем под наклонившимся пнём, в самом сердце тени, неясное пятно — очертания их врага. «Музыка» всё это время сводила с ума. Собачий лай не прекращался.

Кабан продолжал то ли рычать, то ли хрюкать, а сквозь всё это вдалеке пробивался звук нашего лесничьего рога. Внезапно масса сдвинулась с места, в воздух взлетела собака животом вверх, и её вопли добавились к общему диссонансу. Но это движение кабана оказалось для него роковым, так как оно привело его в более открытое положение; и, ухватившись за эту возможность, я перевернул его выстрелом из своего «экспресса». Поднявшись, он попытался атаковать, но, хотя я выстрелил снова, это было излишне, так как он был слишком сильно ранен, чтобы добраться до меня; всё же я видел человека, убитого раненым кабаном, и, естественно, предпочёл держать его на расстоянии.

Это была первая по-настоящему крупная дичь, которую я убил, я бросился к нему и злорадствовал над ним со всей самозабвенностью мальчишки. Я уже говорил, что видел человека, убитого кабаном, но мне следовало бы добавить, что это был итог, а не само событие.

Более того, до сегодняшнего утра я никогда не видел дикого кабана, и теперь, когда я созерцал своего поверженного врага, меня охватило странное беспокойство. В невинной морде этой мёртвой свиньи было что-то та-

кое затравленное, что на мгновение сердце моё дрогнуло. Но я прогнал эти глупые угрызения совести: вероятно, это была реакция после триумфа; и когда я услышал приближающийся звук рога моего друга, я сел на бок вепря и позволил себе победоносное «йу-хуу!».

И вот уже кусты раздвигаются, и Р. раздражается радостными возгласами и осыпает меня похвалами. Но, увы! что же это такое? По мере того, как мой друг приближается, весёлая улыбка медленно тускнеет, голос становится глухим; рог выпадает из его обессиленной хватки, и весёлое маленькое личико удлиняется в телескопической манере, поистине ужасной для созерцания. Роковые слова сорвались с его губ: «Это же моя собственная домашняя свинья!»

Удар был слишком ужасен, слишком внезапен. Постепенно в моём уже наполовину проснувшемся сознании созрел такой факт: дикие кабаны чёрные, а этот зверь белый! Я проделал несколько тысяч миль, чтобы убить зверя, которого мог бы запросто взять в любом хлеву дома; я воспользовался гостеприимством моего друга и вознаградил его, убив его единственную заветную свинью! Не знаю, как мне удалось его успокоить, но мне это удалось.

Что же касается меня, то я так и не оправился окончательно, пока много лет спустя не убил настоящего дикого кабана. Дело в том, что это несчастное животное вырвалось из хлева несколько месяцев назад и отправилось в лес, чтобы насытиться любовью, каштанами и другими приятными вещами. По-видимому, он чересчур сжился с подружками своих чернокожих братьев и в тот момент, когда мы прибыли, сражался с двумя из них за свои владения. В темноте его собственный хозяин не узнал его, так что у меня было достаточно оправданий, и даже была хорошая сторона этого несчастья, поскольку мы все очень устали от мяса косули, а этот

лесной бекон был благодарной переменной. Тащить его домой с деревом, прикреплённым к его морде, было самой плохой частью этой шутки.

На следующий день я ещё не настолько пришёл в себя, чтобы попытаться поймать крупную дичь, поэтому мы с немецким полковником посвятили её охоте на фазанов. Их убежище состоит из густых тростниковых зарослей, сами птицы — из того же первоначального стада, из которого произошли наши английские птицы и никоим образом не отличаются от них по размеру и внешнему виду. Мы подстрелили очень немногих, моя собака оказалась совершенно бесполезной в густых тростниках, вследствие чего я отдал её при первой же возможности.

Конечно, я имел полное право ожидать, что пойнтер будет полезен в камышах, но перепёлки уже улетели и я подумал, что лучше будет расстаться с ним. Мне рассказали, что ужасные морозы на Кубани в 1876 году вместе с наводнениями уничтожили большую часть фазанов. Они определённо встречались гораздо реже, чем во время моей первой поездки.

Ночью, охотясь на дичь, я видел несколько вальдшнепов, порхающих, как летучие мыши, но... оставил их в покое, чтобы не помешать лучшей игре.

Ночь была прекрасна; пушистые белые облака, плывущие сквозь сеть тёмных ветвей, производили самое очаровательное впечатление. Из всех подражателей птиц, которых я когда-либо встречал, рекомендую сов, их здесь масса. Они то лают, как лисица, то вопят, как младенец. В другой раз вы слышите, как они хрюкают, как свиньи, и бесшумно ползёте к этому месту, держа ружьё наготове; и тут совы пронзительно хохочут над вашей ошибкой и неуклюже улетают, чтобы обмануть вас ещё раз.

Мой последний день в Красном Лесу прошёл в «облаве» (погоне), которая, будучи совершенно неуправляема, не привела ни к чему, кроме дикой кошки и нескольких

зайцев. Вечером мы с немецким полковником горячо обсуждали привычки фазанов. Он, по-видимому, подстрелил и обыкновенного, и серебристого фазана в разных частях Азии и твёрдо утверждал, что фазан никогда не сидит на дереве или кусте, а всегда на земле.

Моё утверждение, что у нас фазан обычно гнездится на деревьях и редко — на земле, было высмеяно обоими учёными, и немцем, и лесником. Поскольку оба они были довольно проницательными наблюдателями, то это заставило меня поверить, что насест — это приобретённая привычка наших птиц, а не общая для их диких сородичей.

Возвращаясь домой, мы услышали впереди колокольчики тройки и на мосту догнали её. Лошади были оставлены и голос, который мог бы потрясти облака, разразился залпом русских приветствий. Из дюжины или более складок к нам развернулась мрачная, измождённая фигура старого казачьего полковника, примерно 6 футов 3 дюйма в длину.

Старый джентльмен был до некоторой степени громогласен и очень любил целоваться и приставать к своим друзьям. Обняв лесника несколько раз, чуть не выдернув мою руку из сустава, и дав кучеру множество указаний, с которым он обращался попеременно то «суккин сын», то «голубчик», он достал квартовую бутылку водки и, ласково похлопав её, понёс в избу лесника, чтобы напоить хозяина и рассказать нам всё о себе. Этот ветеран, краснолицый и седовласый, был примерно таким же прекрасным казаком, как и все, кого я когда-либо видел, с буйными манерами английского школьника, добавленными к особенностям, свойственным русским.

Примерно за десять минут он провёл меня через обычный катехизис, которому время и опыт научили меня подчиняться с величайшим спокойствием. А кто был

мой отец? Какая у меня была профессия, был ли я богат? Женат? Зачем я пришёл сюда? И т. д. На все эти вопросы у меня были заготовлены стереотипные ответы. Но когда я наконец сообщил, что моя единственная цель — убить крупную дичь, интерес старого джентльмена значительно возрос.

Он тоже был охотником и знал здешние места лучше всех на свете, потому что всю жизнь провёл в боях на Кавказе. В эту самую минуту он направлялся в своё поместье, находившееся в трех днях пути от Красного леса, на берегу Чёрного моря, где медведи и кабаны (если верить ему) были так многочисленны, что серьёзно затрудняли передвижение. Пойду ли я с ним и посмотрю сам?

Естественно, будучи англичанином, я представлял себе, что под этим словом мало что подразумевается, но, к моему удивлению, лесничий поддержал его предложение, заверив меня, что если я не соглашусь, то упусти свой шанс, которого, может быть, больше никогда не выпадет. Только наполовину доверяя и не ожидая, что это дойдёт до чего-нибудь, я согласился, и, прежде чем понял, что происходит, мои вещи были уложены в тарантас, я сам за ними, и старый казак поверх всего, и после прощальных слов, я снова отправился в Екатеринодар.

Дни подготовки, проведённые в Екатеринодаре, не имели в себе ничего достойного упоминания; я окончательно и навсегда отказался от своего чемодана, так как он был слишком велик, чтобы ехать с ним через горы верхом, и купил себе вместо него несколько черкесских седельных сумок, в которые уложил три фланелевые рубашки и несколько других вещей.

Свое ружьё я тоже вынужден был оставить, и поэтому утром в день нашего отъезда весь комплект был сведён к винтовке и маленьким ружьям. Седельные сумки наполовину были заполнены патронами и охотничьими при-

надлежностями. У нас должен был быть ещё один попутчик, необычайно тучный кавалерийский офицер, и если у меня было мало багажа, то этот достойный спутник вполне сгладил этот недостаток. У него было неисчислимое множество подушек, мешков и еды столько, что хватило бы на всю компанию. А что касается бутылок, то я действительно начал думать, что он начинал, как торговец вином или водкой.

Всё это, а также мы втроём, должны были быть погружены на одну четырёхколёсную открытую повозку. И когда все пожитки были уложены на неё, а мы взгромоздились сверху, то получилась пирамида, которая не должна была далеко уехать, не развалившись тут же. Старый казак застрял между двумя мешками и таким образом был в полной безопасности, когда как я и мой тучный плунжер сидели на каких-то подвижных сумках с хлебами, жестянками с сардинами или чем-то ещё, и «весело» проводили время.

Наши лошади бодро неслись вперёд в пронизывающем утреннем воздухе; дороги были тверды от мороза, и когда тяжёлая повозка переваливалась с колеи на колею и скакала от ямы к яме, она все ещё оставалась нерушимой. Мы вдвоём ничто так не напоминали друг другу, как пару беспорядочно мечущихся бадминтонных воланов. Мы возвращались из наших воздушных полётов как раз вовремя, чтобы продолжить тряску в тележке, но за счёт каких царапин и синяков никто, кроме нас самих, не может сказать.

Что же касается плунжера, то это упражнение подействовало на него, как морская качка, и вскоре он был тяжело болен, и я откровенно признаю, что ещё через час мне было бы так же плохо.

Дорога, выходящая из Екатеринодара, проходит через бота и была поднята и построена правительственными инженерами, которые получают регулярную субсидию

на её содержание и ремонт. С этими деньгами они, по видимому, делают то, что им нравится. Губернатор либо ничего не слышал о состоянии дороги, или услышав, не вмешивался; в результате это настолько печально, что пассажиры предпочитают просто колею на обочине инженерной дороге, которая практически отсутствует.

И мне кажется, что здесь это универсальный способ делать все дела. Правительство кажется достаточно либеральным и озабоченным тем, чтобы продвигать интересы населения, более того, на эти цели расходуются значительные суммы денег, но из-за обширности территории, трудности транзита и отсутствия доверия к своим агентам, его благие намерения слишком часто оказываются неудовлетворёнными.

Никогда ещё я не испытывал такой искренней благодарности, как тогда, когда мы достигли конца этой отвратительной дороги; и когда в черкесском ауле Энем мы увидели лошадей, ожидающих нас, я был почти рад тем орудиям пытки, которые казаки называют сёдлами.

«Аул» (деревня) был огорожен плетёными стенами, и казалось, что это оживлённое, процветающее местечко, и, насколько я мог видеть, оно содержало в себе много прелестных женщин, о которых говорится в «Lalla Rookh»¹ и других поэмах. Но может быть мне будет позволено здесь сказать, что ни в Тифлисе, ни в Дагестане, ни где-либо ещё на Кавказе я не видел ни одного лица, достаточно красивого для того, чтобы привлечь к себе второй взгляд в Лондоне. Я так много слышал о грузинской красоте, что, как и зубры, это была одна из тех вещей, которые я искал, и, как и зубров, никогда не находил.

¹ Романтическая повесть на тему востока Томаса Мура (1817)

Я привез с собой несколько фотографий кавказских лиц, купленных у разных фотографов, которые, как мне кажется, всегда выбирали самых красивых людей, каких только могли найти, но даже при этом они отнюдь не были поразительно красивы.

Мужчины, если хотите, великолепны и так же красивы, как хорошо сложены; женщины, даже те, у кого хорошие черты лица, настолько лишены всякого выражения, настолько чрезвычайно животны по своей внешности, что почти оправдывают вывод турок, что они обладают только физическими свойствами и столь же бездушны, сколь и безвкусны. Более того, большинство из них настолько похожи друг на друга, что вероятно, даже преданные мужья не всегда могут различить их.

Кстати, «черкес» и «казак» часто употребляются у русских как термины упрёка, равнозначные разбойнику и лихачу соответственно, и ни один черкес никогда не называет себя Черкесом.

Здесь, в Энеме, я впервые познакомился с идеями моих спутников о путешествиях. Мы пробыли в дороге, наверное, часа два и позавтракали так плотно, как только могут позавтракать мужчины, но здесь мы были обречены на повторение этого процесса. И чтобы избежать дальнейших упоминаний о еде, я могу сказать, что наш огромный запас припасов был отнюдь не лишним.

Каждые два часа в течение этих трёх дней мы получали по кормёжке, в то время как в промежутках плунжер перекусывал и перекусывал, а казак не только перекусывал, но и постоянно курил. Если этим ребятам требуется столько же продовольствия для военных походов, сколько и для путешествий, то их, должно быть, трудно обеспечить.

В Энеме мы забирались в наши татарские или казачьи сёдла, в которых ты сидишь как бы в узкой глубокой долине между двумя вершинами, а твои ноги упираются

во что-то вроде пары огненных головешек, углами которых ты тыкаешь в ребра своего Росинанта, если он устал или вял. Здесь английский всадник также сталкивается с новизной в темпе своего коня, который был научен идти в некотором роде иноходью, при которой животное движется со скоростью около двенадцати миль в час с очень малой усталостью для всадника.

Очень немногие лошади бегут правильно, и, если вы пытаетесь перейти на рысь, как это делают в Англии, вы встречаете так много подшучиваний, что лучше бы не пытались. Лошади по большей части маленькие и обладают удивительной выносливостью, но есть одна порода на Кавказе, которая выглядит так, как будто воплотила в себе лучшие качества, я имею в виду кабардинцев. Они крупнее, тоньше и быстрее всех других животных, которых я когда-либо видел в России, и их цена пропорционально выше. Хороший «кабардинец» стоит от 200 до 600 рублей.

По мере того, как мы удалялись от Энема, местность становилась все более холмистой и лесистой, и на каждом повороте мы встречали прелестный маленький ручеек Псекупс. Как часто мы пересекали этот ручей перед тем, как выйти в море, я боялся считать, но мне казалось, что мы почти так же часто бывали в воде, как и вне её, и именно этот маленький ручей, когда разливался, перекрывал дорогу к Чёрному морю почти на полгода.

Мы остановились на ночлег у каких-то минеральных источников примерно в сорока верстах от Энема, прекрасно расположенных на берегу Псекупса, со всех сторон окружённых высокими, густо обросшими лесом холмами. Большинство деревьев — молодые дубы, которые теперь были прекрасны в своих красновато-коричневых одеждах. В этих лесах есть дикие груши и яблони, и повсюду густой подлесок орешника.

На минеральных источниках находится русский военный госпиталь, и дежурный врач был нашим хозяином на ночь. Больница рассчитана примерно на 300 человек, и считалось, что со временем это место станет модным местом купания для всего Кавказа.

Однако до сих пор всё это находится в распоряжении военных. Здесь есть несколько хороших домов, и правительство строит бани над источниками. Сами источники состоят из горячей воды, сильно пропитанной серой, которая спускается с холмов и имеет температуру 42 градуса. Я видел немного воды, которая была холоднее, тусклого голубовато-серого цвета, и воняла ужасно. Эти ванны, как полагают, излечивают ревматические болезни, и мой друг казак сделал вид, что получил от них большое облегчение.

Но нет, он был так полон энтузиазма, что после того, как принял ванны внутренне и внешне, начал настаивать, чтобы я сделал то же самое. Будучи крайне нуждающимся в ванне, я подчинился его капризу в том, что касалось внешнего применения, и был пропарен. Когда же я выходил, то чувствовал себя гораздо хуже, чем, когда вошёл.

Воды родников проходят через белый камень, который, хотя и чрезвычайно твёрдый на поверхности, измельчается на ощупь, когда внешний слой повреждается. Я сам не разбираюсь в геологии, но меня заверили, что это был кварц очень высокого качества, прекрасно приспособленный для изготовления стекла. Если это так, то стекольный завод здесь был бы, по-видимому, чрезвычайно выгодным предприятием, с таким количеством древесины и воды непосредственно под рукой, и ни одного конкурирующего завода ближе Москвы, тем более что стекло на Кавказе — очень дорогой товар, плохие стеклянные бутылки стоят от десяти до пятнадцати копеек.

Вечером и утром мы видели худшую сторону расположения деревни у родников, потому что густой белый туман поднимался из долины высоко на холмы, полностью скрывая их из виду в то время, как роса лежала на траве, будто капли дождя после очень сильной грозы.

Мы рано покинули родники и дрожали в сёдлах, пробираясь сквозь клубящийся туман, хотя уже через несколько часов наступила гнетущая жара.

Сегодня я наблюдал на обочине большое количество омель и с тех пор заметил, что её обилие не ограничивается только этой частью Кавказа. На обочине порхали насекомые — желтушки, мутно-жёлтые, красные адмиралы, раскрашенные дамы и несколько разновидностей белых бабочек. Я также заметил несколько больших бледно-жёлтых бабочек, которые, возможно, и были обыкновенной лимонницей, но я думаю, что это не так.

Мы проезжали через одну или две деревни, населённые «пластунами» (поселенцы), которые, несмотря на богатство почвы, оказались в самой крайней нищете. На каждом лице лихорадка наложила свою жёлтую печать, и все женщины старше сорока были достаточно отвратительны, чтобы напугать ведьм Макбета.

Воистину, Кавказ должен быть страной лотофагов¹, но какими жалкими существами являются эти лотофаги! Повсюду вокруг них такая красота, о какой мечтал Теннисон; горы, одетые в золото и пурпур, с журчащим морем у подножия; богатство, которое можно было бы получить, взяв его из пышной почвы; и всё же здесь крестьянин курит и проводит свою жизнь в праздности, работая ровно столько, чтобы поддерживать тело и ду-

¹ «пожиратели лотоса», так называют людей, предающихся удовольствию и роскоши, а не занимающихся практическими делами.

шу в одной упаковке, чтобы обеспечить себе урожай полусорняка, на потребление которого он тратит жизнь и энергию, а также деньги и возможности, способные давать гораздо больше.

Каждая деревня, где жили русские, казалась мне ещё беднее прежних, и я с облегчением увидел, как их мало и как далеко отстоят они друг от друга. Черкесы, сделавшие сад, по крайней мере, из некоторых частей своего родного дома, могли бы чувствовать себя отомщёнными, созерцая полное поражение расы, которая вытеснила их.

Но для нас этот день был не праздным днём, а скорее днём большого труда. Дорога становилась всё более крутой и неровной, и маленькая повозка с багажом, которую мы пытались отправить с нашими людьми, была разбита и не подлежала ремонту. Возница, лежавший наверху багажа, вероятно, спал, и оттого упал, получив довольно серьёзную травму. Тренога моего фотографического аппарата была сломана, а приклад винтовки обломился возле рукоятки.

Одеколон плунжера, без которого этот герой считал невозможным путешествовать, также был потерян в общей катастрофе, и для него, бедняги, наступили плохие времена в течение всего дня, после того как он много поел и слишком сильно трясся.

Для кавалерийского офицера было несколько недостойно, поднимаясь по крутому оврагу, соскальзывать с коня, а для человека его веса это было так же мучительно, как и смешно. Но смех не заставил себя долго ждать, чтобы представить меня таким же беспомощным, как он, ибо более нелепое зрелище, чем его галантный спутник, катящийся позади, было бы трудно себе представить.

Ночь была, если уж на то пошло, хуже дня, ибо мой старый друг казак, испытывая сильную боль из-за старой раны около позвоночника, решил вылечить её крепкой

выпивкой; результат был таков, что он стал беспомощно пьян, а плунжер только раздражал его.

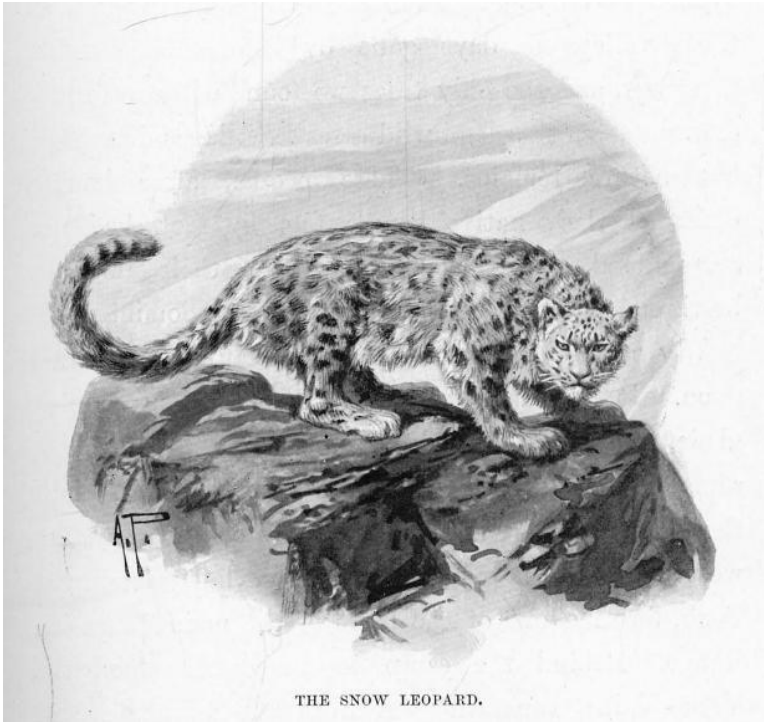
В таком состоянии проявилась натура этого человека, и он забавлялся тем, что дразнил меня, чужестранца и своего гостя, для развлечения слуг. Наконец, его наглость стала настолько невыносимой, что, рискуя всеми возможными последствиями, я схватил его за шиворот и встряхнул так, как он не трясся даже во время бурной езды последних нескольких дней. Это было, конечно, крайне неприятно для меня, но мой хозяин был слишком пьян, чтобы понимать, а есть некоторые вещи, против которых человек не может устоять.

На следующее утро, проведя всю ночь без сна в осадном положении и не зная, что могут сделать со мной слуги моего бывшего друга, я решил продолжить поездку в обществе только себя самого в Туапсе, маленький портовый городок, который должен был стать концом нашего путешествия.

Плунжер даже не окликнул меня, но добрый старый казак вёл себя, как джентльмен, и хотя мы должны были проститься друг с другом только в Туапсе, мы расстались добрыми друзьями, и всё было хорошо. Не думаю, что он затаил на меня обиду.

Часть 5. Дача Геймана

Туапсе — черкесские переселенцы — на берегу моря — величественные пейзажи — пьяные проводники — казачья станция — медведи — захват разрушенной виллы — прячем провизию — дикие свиньи — блуждания в джунглях — завтрак без излишеств — кабаньей строй — промах — лесные фрукты — потеря лошадей — пантера — ночной дозор — выстрелы во мраке — по следу — барс — дружелюбный казак — я снова брошен.

К счастью, в Туапсе есть английская (индоевропейская) телеграфная станция, так что хотя я вновь должен был рассчитывать только на себя, это гораздо лучше, чем ничего. Англичане оказали мне радушный приём и были очень ко мне добры.

Туапсе, как мне сообщили, построен на кладбище, где похоронены многочисленные жертвы русско-черкесской войны. После окончательного покорения Кавказа в 1864 году около двухсот тысяч черкесов покинули родину, чтобы отправиться в Трапезунд, на чём настояла победившая сторона. Перебирались они на небольших турецких судах; теснота, голод и отсутствие какой-либо защиты сделали своё дело: до турецкого берега добрались не более половины, остальные же умерли в пути.

Очень большая часть переселенцев погибла вблизи Туапсе, где их выгрузили на берег: кого похоронили, а кого просто оставили лежать, в зависимости от кошелька их родных и близких. Небольшие холмики и неровности на поверхности земли до сих пор указывают на места, где были их могилы.

Несчастные, по дороге они продавали всё, что у них было. В Керчи и на Кавказе я не раз слышал о том, как продавали девочек в рабство за каких-то пару рублей, и столько же стоил дорогой клинок, а ведь это последнее, с чем расстаётся черкес. Теперь Туапсе — это отвратительная убогая дыра с двумя телеграфными станциями и губернаторским домом.

Пароходы из Одессы и Поти заходят сюда в лучшем случае раз в неделю, но если на море шторм, то они не заходят вовсе, в чём я убедился впоследствии на собственном опыте. Само существование этого поселения и тем более наличие в нем губернатора остается для меня сущей загадкой.

Тогда, 21 октября, с невероятным чувством облегчения я покинул Туапсе и направил мою лошадку южнее,

вдоль берега Чёрного моря. Мне удалось нанять двух русских крестьян, Ивана и Ефима, чтобы они сопровождали меня к каким-то невероятным охотничьим угольям, о которых они рассказывали, а находились они примерно в пятидесяти верстах отсюда.

Мы нагрузили трёх наших лошадей таким количеством провизии, какое они могли поднять, и затем сами взгромоздились сверху. Держаться в седле со всей этой поклажей на каменистой тропе оказалось не так-то просто. Равновесие постоянно терялось.

Дорога теснилась между подножием скал и морем, лошадям приходилось то идти вброд, то пробираться среди валунов в таких местах, где даже коза должна двигаться с осторожностью. Так продолжалось пятнадцать вёрст. В плохую погоду этой дорогой никто не ходит — её заменяет длинный окружной путь в горах. Минуя эти каменистые места, дорога устремляется вглубь холмов — вот где истинное наслаждение для глаз! Пейзаж был хорош и всю дорогу от Екатеринодара, но здесь он просто потрясающий. Ряд за рядом, один за другим тянутся холмы, так далеко, насколько хватает взора, и каждая последующая гряда выше предыдущей, и где-то совсем вдалеке сверкают на фоне неба снежные вершины. Осенняя листва горела ярким венцом. Мое внимание привлек один кустарник. Коренастый, с длинными овальными листьями, он был расцвечен самыми яркими оттенками красного. Произрастал он в огромных количествах, и на некотором удалении казалось, что перед вами гигантская клумба с алой геранью.

Тем не менее, дорога в горах оказалась несколько не легче дороги вдоль моря. После 28 вёрст пути и мы, и наши лошади абсолютно выдохлись. После полудня мои спутники отстали, я же, не придав этому значения, не спеша поехал вперёд. Спустя полчаса они нагнали меня, будучи весьма довольными и сильно пьяными. Среди

поклажи они обнаружили большую бутылку водки, вмещающую около трёх пинт, которую я планировал растянуть на две недели пути. Они дождались момента, когда я повернулся к ним спиной, и прикончили её.

Устраивать скандал было бессмысленно. Я был в их руках, и поэтому решил стерпеть это, по крайней мере, пока не выясню, где в этих краях водится дичь. Тогда решу, оставлю их с собой или же попробую поохотиться в одиночку. Тем временем они допили свой грог и, поскольку я не собирался отказываться от своей доли, решил наказать их через воздержание от алкоголя в течение некоторого времени.

Казачья станция на Кавказе — это самое странное место для ночёвки, какое только можно себе представить. Десяток или дюжина рядовых с манерами обезьян в зоопарке, все спят в одной комнате с вами и офицером, каким-нибудь юнцом, немногим более образованным, чем все остальные. Такая вот компания. Ваша кровать — верхняя часть так называемой *печки*, если вы любите жар и грязь и склонны платить за койку; если нет — соблаговолите расположиться на полу с казачьими сапогами у вашей головы и головами казаков у ваших ног. На ужин нам досталась рыба, которую они называли «головин», пойманная одним из солдат. Впрочем, я был достаточно утомлен, чтобы с радостью лечь спать даже в этом месте, но ещё больше мы были рады покинуть его в четыре часа утра.

По дороге мы наткнулись на следы медведей, и в первую очередь, на лице встреченного нами греческого поселенца, рот и нос которого, по-видимому, были недовольны своим первоначальным положением и изменили его в соответствии со своими собственными представлениями. Наведя справки, мы выяснили, что два года тому назад грек пытался выгнать медведей из своего сада, один из них напал на него и, ударив по голове,

практически снёс ему лицо, оставив его живым в таком состоянии. Его нашли и попытались, насколько это возможно, вернуть лицо на прежнее место, но с тех пор облик его безобразно искажён.

Через мило-другую нам встретились свежие следы обычного медвежьего семейства, которое, пока мы почивали на казачьей станции, спускалось с высокогорья в поисках отбившегося скота.

К полудню мы подошли к нашему лагерю — полуразрушенной даче или вилле, принадлежавшей некогда генералу Гейману, построенной на средства, полученные им, полагаю, в награду за успешную борьбу с абригенами. Дом, правда, так и не был достроен, а земля выглядела запущенной. Там, где некогда произрастали великолепные черкесские сады, теперь растёт лес, вытесняя последние фруктовые деревья. Из пустых дверных и оконных проёмов выглядывали мощные ветви, внутри обосновались лианы и колючие кусты ежевики. Прямо с очага, потревоженный нашим вторжением, торопливо вспорхнул вальдшнеп. Очевидно, до нас здесь останавливались погонщики — здесь и там белели черепа крупного рогатого скота, но, хотя следов кострищ было много, не было ни одного свежего. Всё это указывало на то, что нам следует быть осторожными, поэтому первым делом после того, как вывели лошадей, мы спрятали всю провизию в расщелину под полом и, насколько это возможно, уничтожили все следы нашего пребывания.

Покончив с этим, мы направились к зелёным зарослям, идти было недалеко. Две дюжины шагов, и вот мы уже свернули в густой подлесок. Через некоторое время мы пробились к более открытому участку и здесь разделились. Не прошло и двадцати минут, как раздался выстрел, а вслед за ним пронзительный визг. Что-то грузно рухнуло и с грохотом пронеслось вниз мимо меня

по глубокому, поросшему деревьями оврагу, и там затихло. Через несколько минут я прибыл на место действия и нашёл Ивана и его не самого породистого пойнтера, торжествующее склонившихся над убитой самкой кабана. Разделав тушу, мы водрузили её на верхний сук обломанного дуба и там, насаженная на кол, она казалась ужасающей, зато прибывшим вскоре шакалам она виделась, несомненно, весьма соблазнительной. Как бы то ни было, мы оставили мясо на произвол судьбы и, уверенные, что на ужин нас ожидают свиные отбивные, продолжили охоту.

Дважды я слышал свиней где-то рядом, и оба моих человека видели дичь в течение дня. Однако подлесок был так густ, что никто из нас больше не стрелял, хуже того, мы заблудились. Солнце, бывшее нашим проводником, в одно мгновение зашло и оставило нас в темноте без малейшего ориентира. Два с половиной часа я продирался сквозь джунгли, которые то разрывали меня в клочья, то делали мне подножку каждые несколько ярдов. Я вылез из оврага на белый склон утёса, с ружьём наперевес, и, наконец, измученный и истекающий кровью, наткнулся на Ивана, отдыхающего под деревом со своей свиньёй, несущей вахту на суку.

Спустив свинью и отыскав Ефима, мы двинулись в обратный путь, и, хотя при дневном свете путь был относительно лёгок — без свиньи, которую нужно было тащить с собой — не прошло и пяти минут, как мы его потеряли. В следующие десять минут мы заблудились окончательно и, осознав данный факт, приготовились встречать ночь. К счастью, у нас было два коробка спичек и, вооруженный ими Ефим время от времени давал нам проблеск света, при котором Иван с помощью кинжала продирался сквозь переплетения лиан, я же устало брёл позади с кабанихойна буксире. Два часа такого рода занятий вкупе со вчерашним днём — это было уже

выше моих сил, так что мы сели, развели костер и при свете пламени разрезали тушу вдоль надвое.

Ждать восхода луны было бесполезно, так как она находилась в последней четверти; Ефим взвалил на плечи одну половину, я — другую, и мы снова двинулись вперёд, чтобы к полуночи добраться, наконец, до развалин. Пришли мы смертельно уставшие и голодные, не говоря уже об одежде, насквозь пропитанной свиной кровью, и коже, зудящей от шипов этого отвратительного ползучего растения — *волчьего зуба*. Наконец, после одного долгого глотка виски, я лёг и заснул на месте, слишком уставший, чтобы ждать отбивных, которые мои спутники жарили рядом.

Что говорить, и люди мои устали не меньше, потому что, когда я проснулся на рассвете, дрожа от холода, один из них спал, а рядом лежал вертел с жареной свиной, к которому он почти не притронулся. Я быстро исправил ситуацию, собрав в кучу тлеющие угольки и подогрев кебабы. Позавтракал я пусть не по-царски, зато с аппетитом, который компенсировал любые недочёты, допущенные поваром.

Пока мои спутники спали, я спустился к морю, чтобы искупаться и оглядеть окрестности. Со стороны моря были видны лишь бесконечные холмы, переходящие в горы по мере удаления от берега. Они были сплошь покрыты лесом, большую часть которого составляли испанские каштаны. Кроме одинокого орла, пары дельфинов, резвящихся недалеко от берега, и ещё одного из моих людей, спускающегося за дровами, нигде не наблюдалось никаких признаков жизни. Я помог разжечь костёр и заварить чай, а затем послал Ефима отыскать лошадей, которых нигде не было видно, мы же с Иваном взяли ружья и пошли в другую часть леса. Мы прошли совсем немного, как вдруг собака сорвалась с места, очевидно, загоня кого-то в кустах. Иван побежал в одну сторону, я — в другую, что-

бы отрезать добыче путь. Стоя за большим деревом у подножия холма, покрытого зарослями рододендрона, я услышал слабый шорох, как будто какое-то маленькое животное пробирается сквозь лесную растительность. Я знал, что это не наша добыча, но всё ещё напряжённо прислушивался — теперь к другому звуку, который уже стал мне знаком. Бросив взгляд по направлению, откуда звук доносился, я поразился: три великолепных серых кабана спускались друг за другом прямо в сторону моего дерева.

Почти кошачья бесшумность, с которой могут передвигаться эти большие и неуклюжие животные, едва ли не более удивительна, чем невероятный шум, производимый порой маленькими зверями. Я выбрал вожака, выстрелил, и они моментально скрылись. Ума не приложу, как я мог промахнуться, и весь остаток дня мне было как никогда сложно не произносить что-то нецензурное, когда длинная петля волчьего зуба попадала мне по носу или ветка орешника хлестала по уху.

Позже, после полудня, когда мы все шли шеренгой, и между нашими ружьями было около сотни ярдов, я захватил взглядом Ивана, который крайне осторожно забрался на старый пенёк и оттуда тщательно целился минут пять во что-то почти прямо под ногами. Затем последовал щелчок, означающий осечку, и страшный грохот в кустах рододендрона, с которым пустился в недостойное бегство большой бурый медведь. Спустя несколько минут, когда Иван со множеством проклятий слезал с пня, его прекрасное ружьё выстрелило, к счастью, никого не задев.

За исключением нескольких кабанов, которых видел Ефим, это была последняя дичь, что встретила нас в течение дня, хотя нам и попадались характерные медвежьи и кабаньи тропы; один участок, судя по сломанным фруктовым деревьям и вытопанной земле, служил

медведям жилищем. Количество плодов, встречающихся в этих черкесских лесах, в какой-то мере компенсирует присутствие волчьего зуба и других колючих ползучих. То и дело встречаются крупные яблоки, грецкие орехи, виноград, «фурмар» (съедобная ягода, другого её названия я не знаю), мушмула, ежевика, черника, подвид красной сливы, и везде, где бы они не встретились, деревья буквально выкорчеваны медведями. Когда вы видите огромные ветви, сломанные ими в жажде полакомиться плодами, вы начинаете получать некоторое представление о силе этого зверя. Сегодня ночью вокруг нас завывали шакалы, но хитрые маленькие зверьки так и не дали мне возможности выстрелить.

Утром Ефим разбудил нас приятным известием, что наши лошади украдены. Пока мы были весь день на охоте, по берегу прошёл погонщик, и наши подозрения пали на него. Конечно, после таких новостей охота наша прекратилась, так как пока Иван и Ефим прочёсывали местность в поисках пропавших коней, мне пришлось сидеть в доме и наблюдать. Наступил вечер, и лучшей новостью, которую они мне сообщили, стало то, что казаки на станции, где мы ночевали по пути сюда, потеряли одновременно шесть лошадей.

В течение дня у меня было достаточно времени, чтобы исследовать жизнь насекомых вблизи нашего лагеря, и среди бабочек я заметил трёх волооких бархатниц, множество больших крушинниц, перламутровку и аргуса древесного, в то время как среди мотыльков я узнал совку-гамму и бражника колибри.

Когда мы спустились к морю, чтобы искупаться, большие косяки какой-то рыбы, похожей на окуня, резвились совсем близко от берега, но, увы, у нас не было никаких средств, чтобы заполучить их, а они были бы достойным дополнением нашей плохо укомплектованной кладовой.

Прошлой ночью я писал свой дневник, ноги мои свешивались со стропилины, рядом горел большой костёр, у которого уютно свернулись под своими бурками мои спутники. Вдруг вместе с ветром, завывавшим в щелях, донёсся не то детский плач, не то волчий вой, и звук этот настолько разительно отличался от крика шакалов, что тут же привлек моё внимание. Иван и Ефим одновременно вскочили на ноги и с возбуждённым видом прошептали: «Барс!». За нами был разрушенный дверной проём, сквозь который протягивали свои руки лесные деревья, перед нами было огромное пустое окно, наполовину затянутое колючкой и шиповником, и звук раздавался, казалось, прямо из-под него. На мгновение у меня возникло чувство, которое мы все, должно быть, разделяли, что в следующий момент наш ночной певец запрыгнет к нам через это окно или дверь. Однако оно сразу же прошло, и, схватив винтовку, я подкрался к окну, чтобы попытаться разглядеть зверя в лунном свете. Но снаружи был настоящий лабиринт из теней и бликов, напоминающий лоскутное одеяло, и, хотя я вышел и обошёл наш лагерь, не смог увидеть барса.

Наступил вечер, и после ленивого дня в лагере я отнюдь не спешил свернуться калачиком в своём лучшем из продуваемых углов, поэтому, взяв ружьё и соорудив для него ночной прицел, я отправился на берег поджидать нашего вчерашнего гостя, надеясь, что он повторит свой визит.

Лесистые холмы близ Геймановской дачи спускаются почти к самой линии прилива. Укрытие в виде выброшенного на берег ствола находилось к лесу так близко, что какой-нибудь зверь вполне мог выпрыгнуть к нему, если бы, конечно, осмелился.

Передо мной лежали около сорока ярдов берега, а за ним — совершенно спокойное и безмолвное море. Значительно выше, в одной из долин позади меня, пере-

говаривались два волка, а вдали, в стороне Туапсе, шакалы делили найденную ими падаль.

Долгое время ничего не происходило, кроме периодически раздававшегося в лесу шороха, который заставлял меня вздрагивать и наводить ружьё в темноту. Я уже почти решился бросить свой пост и вернуться к развалинам виллы, как вдруг на фоне неба показалась серая призрачная фигура, напоминающая большую собаку. Было настолько темно, что я едва различал ствол моей винтовки, но, прицелившись как можно точнее, выстрелил. Фигура сделала прыжок и быстро побежала прочь, я опустил ружьё ниже, выставив его далеко вперёд, и выстрелил снова. Зверь исчез. Я подождал минут-другую, надеясь опять его увидеть или хотя бы услышать, затем перезарядил винтовку и подошёл к месту, где видел его в последний раз. Кем бы ни был этот зверь, он ушёл, и с чувством, что я потратил впустую пару часов и столько же патронов на какого-то шакала, я поплёлся назад в развалины на свой насест.

Тем не менее на следующее утро после моего ночного дежурства, когда мы пошли купаться и собирать дрова для костра, Иван неожиданно позвал меня, чтобы я посмотрел на что-то, что он нашёл на камнях. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это были крупные капли крови, насколько я мог судить, на том самом месте, где стоял вчера мой призрачный посетитель. Мы шли по кровавому следу вдоль берега и ожидали найти мёртвого шакала, так как, судя по количеству крови, зверь был серьёзно ранен. Примерно в двухстах ярдах след пересекала небольшая горная речушка, один берег её был глинистый, и след вёл туда. Можете представить себе наше изумление, когда вместе с каплями крови мы обнаружили свежие следы большой пантеры (или, точнее, леопарда), которая, несомненно, была тем зверем, которого я ранил в темноте минувшей ночью. Самособой, поиски

продолжились с ещё большим рвением, по крайней мере, с моей стороны. Мои люди были слишком увлечены байками про страшного барса, что отразилось на их заинтересованности не лучшим образом, и, когда тропа свернула от берега по направлению к каким-то чрезвычайно густым и тёмным зарослям, они остановились, и ничто не могло заставить их войти со мной в лес. К несчастью, того же мнения была и собака, так что побродив какое-то время вслепую, разрываясь от отчаяния и теряя самообладание, я был вынужден прекратить поиски — с твёрдым убеждением, что такая благородная и редкая (в этой части света) добыча лежит мёртвой в каких-то двух шагах от меня.

Словом «барс» крестьяне Причерноморья, да и повсеместно на Кавказе, называют любого представителя семейства кошачьих крупнее дикой кошки; неразборчивое употребление этого слова доставило мне немало хлопот. Очень часто, когда они говорят «барс», имеют в виду просто рысь, которой на Кавказе существует два вида, в некоторых частях Черноморского побережья чрезвычайно многочисленных. Местные ловят рысь из-за шкур и заваливают ими меховые лавки Тифлиса и Екатеринодара. В то же время леопард или оцелот (индийский снежный барс) встречается на Кавказе не так уж часто, даже в его Западных районах, как заверил меня любезный директор Тифлисского музея профессор Радде, показавший мне свою коллекцию во время моего пребывания в городе. И даже, не будь у меня никакого дополнительного подтверждения, кроме следов, о которых я писал выше, я был бы убеждён, что зверь, которого я ранил, был, несомненно, леопард.

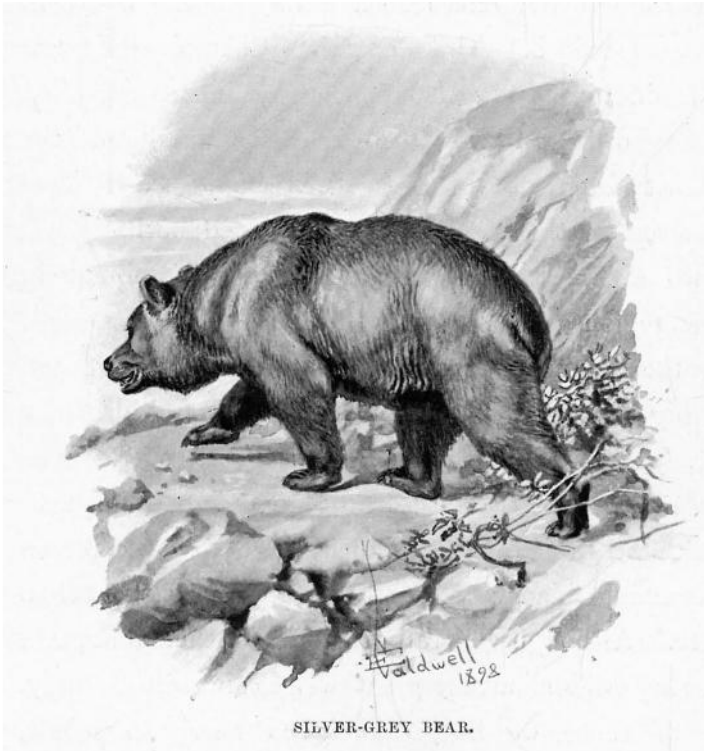
Вернувшись из разведки, мы были поражены, когда увидели странную фигуру, сновавшую по нашему лагерю, очевидно, в поисках лёгкой добычи. Памятуя о похищенных лошадях, мы ни на минуту не усомнились,

что это был представитель той самой воровской братии, вернувшийся, вероятно, за сёдлами. Будь оно правдой, ему бы пришлось постараться, чтобы убежать от нас, ибо мы бросились на него как львы на добычу. Впрочем, гнев наш сменился ликованием, когда мы признали в нём приветливого казака с соседней станции, он привёл наших лошадей и искал не более чем тлеющий уголёк, чтобы прикурить от него папиросу. Лошадей он нашёл прошлой ночью, они прибились к его «табуну» (стаду), который пасся в долине где-то между нашим лагерем и его станцией.

Услышав эту приятную новость, Иван и его приятель объявили, к моему огорчению, что возвращаются в Туапсе, пока не случилось ещё каких-нибудь несчастий, и что жёны их заждались. Предполагаю, что истинной причиной послужило то, что их собственный охотничий аппетит был удовлетворён, а аппетит к водке возрастал с каждым днём. Так как никакие мои слова и заверения не могли заставить их передумать, я уступил, условившись, что они оставят мне одну из лошадей, чтобы добраться до хижины черкесского телеграфного смотрителя, а находилась она в двенадцати верстах по побережью, возле стремительного горного ручья Головинского. Они согласились и, более того, я уговорил казака сопровождать меня до Головинского, поскольку неподалёку от сторожки находилась ещё одна казачья станция, где он мог отдохнуть. Итак, мы расстались, я и мои люди, и не думаю, что понёс большую потерю из-за их дезертирства. Причина, побудившая меня отправиться в Головинский, заключалась в том, что с побережья пришло донесение о чрезвычайной многочисленности медведей в каштановом лесу, что возле сторожки, и о том, что сам смотритель недавно убил двоих за ночь, стреляя с площадки на дереве.

Часть 6. Головинский

Обед в лесу — живописная езда — разлив — лачуга головинского телеграфиста — Робинзон Крузо — туземное оружие — следы дичи — многочисленность фазанов — скудость туземной охоты — черкесские мокасины — трудности лесной жизни — добыча медведя — приготовление мяса — ещё одна добыча — упущенный шанс — сказки о «Михаиле Михайловиче» — стрельба по кабану.

Оставив двух русских за мысом, мы с казаком откопали небольшое количество виски, которое мне удалось сохранить от ненасытной жажды своих бывших спутников и приготовили хороший обед, заложивший фундамент дружбы и взаимопонимания. После мы сложили вещи на спинах наших лошадей и всё связали верёвками.

Самое трудное — занять положение верхом на всей этой пирамиде багажа. Это положение трудно удержать и невозможно достичь без посторонней помощи. Однако после многих неудач казак всё же водрузил меня на лошадь так, что я чувствовал себя в относительной безопасности. Как он сам сел — я не знаю, но он как-то сделал это. Мы поехали шагом по гальке, которая является единственной возможной тропой вдоль этой части берега.

Мы не успели уйти далеко, как вдруг мне показалось, что я всё больше и больше отклоняюсь в сторону моря. Я попытался восстановить вертикальное положение, а затем осознал причину неудобства. Мои подпруги ослабли, и седло с огромной кучей поклажи, из которой я был самой высокой точкой, постепенно поворачивалось под брюхом моей лошади.

Сидя таким образом я был совершенно беспомощен; я не мог поправить своё седло, и добровольный спуск с лошади, кроме как головой вперёд, был невозможен. Поэтому я подождал развития событий и через несколько мгновений уже лежал, растянувшись на земле, наполовину погребённый в кастрюлях, сковородках, бурках и других пожитках.

Однако это было наше единственное несчастье, и около четырёх часов мы увидели сторожевую хижину — двухкомнатную деревянную лачугу, сколоченную самым грубым образом, стоящую на краю гальки, с большой бурой медвежьей шкурой, натянутой на крышу для просушки. Более жалкого вида хижину трудно себе предста-

вить, но шкура на соломенной крыше утешала меня, возвещая о близости дичи, которую я искал.

После долгих криков и ударов по доске, служившей единственной дверью хижины, оттуда, шаркая ногами, вышел дикий человек, похожий на Робинзона Крузо.

Высокий и хорошо сложенный, но молчаливый и до некоторой степени неуклюжий, Степан не был благоприятным образцом пользы лесной изоляции для человечества. Вместо того чтобы оказать мне любезный приём, как это делали все русские крестьяне до сих пор, он посмотрел на меня с сомнением, как какая-то большая собака могла бы посмотреть на слишком знакомого незнакомца, прежде чем схватить его за руку, которую он хотел бы пожать. Его лицо было сморщенным и жёлтым от лихорадки, а частый глубокий кашель отнюдь не составлял приятного аккомпанемента нашей дачной жизни.

Постепенно его угрюмость сменилась удивлением от присутствия английского джентльмена в этих злых местах, ибо таковыми он, очевидно, считал Головинское; и когда я объяснил ему, что хочу оплатить его услуги, арендовать место в хижине, а также предоставить в его распоряжение всю убитую дичь, восторгу Степана не было предела. Его условия были — рубль в неделю, то есть около полкроны; но это показалось мне так несправедливо, что я утроил плату и прибавил к ней ещё десять рублей за шкуру первого медведя, которого я убью; а учитывая, что он дал мне комнату, чёрный хлеб и всё своё время, думаю, это не было непомерной платой.

Конечно, он был в восторге, и, хотя я был несколько удивлён, обнаружив, что вся его кладовая состоит из чёрного хлеба, лука и свиного филе — *сала*, я утешил себя мыслью, что вместе с этим он будет есть и другие продукты с добавлением чая и сахара, которые я привёз с собой, так мы могли бы продержаться по крайней мере некото-

рое время, в течение которого я, вероятно, получил бы свою желанную медвежью шкуру.

За пределами хижины всё было прекрасно. Сама хижина находилась у вершины довольно высокого холма, окружённого примерно двумя сотнями акров равнины, покрытой низким кустарником. За первой цепью холмов, которая была полностью покрыта лесом, тянулась ещё одна, более высокая цепь, и так одна за другой, в последовательных полукругах, они поднимались гряда за грядой, пока далеко в сапфировом небе не показалось белое великолепие снежных пиков. В открытом море длинная вереница пеликанов раскачивалась на мелких волнах, словно маленький флот, стоящий на якоре.

Внутри хижины царили нищета и грязь. Заведение состояло из двух комнат, в одной из которых помещался простейший телеграфный аппарат с ручкой, как у шарманки, и окошком, похожим на циферблат часов, с буквами вместо цифр. Это было домашнее божество, гордость и страх Степана.

Рядом стояла походная кровать, и на этом список мебели заканчивался. Другая комната была просто сараем, в котором готовили еду, и хотя приборы были самыми простыми, мы никогда не смущались этим. Полы повсюду были покрыты грязью и на несколько дюймов засыпаны отбросами, скопившимися со времени появления Степана в его берлоге.

Позаимствовав лопату и срубив большой сук для метлы, я вычистил пол и за час тяжёлой работы получил довольно чистое место для передвижения. Степан удалился в сарай и, несмотря на мои протесты, поселился там. Если бы не его кашель, я бы с готовностью согласился на это предложение; но думаю, он нуждался в самом лучшем жилье, какое только могла предоставить ему лачуга. Однако он остался в сарае, и до конца моего пребывания там у меня была его лучшая комната.

Кроме нас со Степаном на «телеграфной станции», как он любил её называть, было ещё три жителя: Зизда, Люфра и Орла, три большие собаки-полукровки, пожираемые чесоткой. С ними Степан охотился на кабанов, которые в изобилии водились в зарослях за его домом, убивая в среднем, по его словам, полдюжины в год. Несмотря на их многочисленность в соседних лесах, такая маленькая добыча не удивляет, если принять во внимание непроницаемость зарослей и почти полную бесполезность ружья Степана.

У русских крестьян есть самое замечательное огнестрельное оружие в мире, которое, как правило, они покупают на базарах по цене от трех до пяти рублей (то есть, от 7 шиллингов 6 пенсов до 12 шиллингов 6 пенсов) за штуку. Я часто видел, как охотники на поганок на керченском берегу использовали старые ружейные стволы, изношенные, привязанные к грубому прикладу, с кремневым замком и т. д., причём всё это было составлено из остатков какого-то почтенного оружия, использовавшегося в русской армии сразу же после изобретения пороха.

Степан не был исключением из этого правила, и всё же я отчетливо помню, как он ставил заряды, которые я не решился бы вложить в свой первоклассный казённый.

Приведя дом в порядок, Степан зарядил своё ценное оружие хорошим зарядом пороха и двумя пулями, первая из которых была в естественном гладком состоянии, а вторая разжёвана в шероховатую массу. Подготовившись таким образом, мы совершили вылазку и осмотрели небольшую равнину среди холмов. Повсюду виднелись следы медведей, кабанов, волков, а иногда и косуль, но самих животных мы не видели.

Фазаны несколько раз поднимались из кустов у наших ног, Степан говорил мне, что Головинский — их из-

любленное место обитания, вследствие того, что здесь растет много «фазанчиков», на берегу реки. Это жёлтая ягода, которой они питаются. У фазанов хороший вкус, потому что я не знаю ни одной ягоды, приятнее, чем фазанчик, несмотря на его кислотность. Он сильно напоминает ананас.

Конечно, так как здесь много фазанов, то у Степана нет охотничьего ружья, а я оставил своё в Екатеринодаре. Вероятно, что, живя так же, как казаки, Степан и многие другие, находясь в полуголодном состоянии из-за отсутствия мяса в рационе, с обилием дичи вокруг себя, сделали бы хорошими стрелками и ловкими охотниками и таким образом снабжали бы себя пищей.

Но этого не происходит! Ни один казак из тех многих, которых я встречал, не был настоящим охотником, и этим, возможно, объясняется их недостаток в охотничьих ружьях и боеприпасах; хотя, если бы они могли ими пользоваться, то лучшего ружья, чем берданка, которой они снабжаются, нельзя было бы желать. К тому же странно, что ни казаки, ни поселенцы не имеют представления о ловушках.

Во всём Крыму и на Кавказе я никогда не видел и не слышал ни о ловушке, ни о каком-либо из ста одного устройства для охоты без огнестрельного оружия, которое используют другие народы. Единственная вещь такого рода была описана мне немецким поселенцем, который заверил меня, что в некоторых случаях местами они ловили фазанов, вставляя в землю маленькие бу-мажные конусы; на дно каждого конуса кладут горошины, а вокруг разбросаны другие.

Фазан, покончив с горохом, разбросанным по поверхности, находит горошину на дне конуса и, пытаясь выклевать её, попадает головой в белый бумажный конус, и, будучи ослеплённым, съедается на земле, становясь лёгкой добычей охотника. Но я никогда не слышал, чтобы

кто-нибудь из черкесов, казаков или «пластунов» (поселенцев) делал сам или слышал о том, что так делается; и думаю, я прав, говоря, что русские, по крайней мере в Крыму и на Кавказе, очень мало знают о ловле, да и вообще о лесном ремесле в целом.

Я провел первую часть этой моей первой ночи в Головинском, спал, как мог, в моём слишком хорошо проветриваемом помещении; а вставая ещё затемно, мы со Степаном коротали время, болтая о ловушках и капканах, с помощью которых разные народы убивали дичь. Пока мы болтали, он возился с парой грубых сандалий или мокасин, которые делал для меня из шкуры дикого кабана, убитого им весной.

Как только сандалии были закончены, он погрузил их в воду, чтобы смягчить, а затем, сначала обернув мою ногу холстом, закрепил, наматывая длинные шнуры вокруг холста, пока они не завязались чуть ниже колена. Таким образом, я был обут в сапоги по черкесской моде; и когда рассвет медленно разгорелся над горами, а звёзды побледнели и умерли в сером утреннем свете, мы вышли из нашей хижины и тяжело зашагали, чтобы согреться под мягким дождём, который начался с рассветом.

По дороге к лесу, что начинался у подножия первой гряды холмов, нам пришлось перейти вброд бурный форельный ручей Головинский, и так как его воды спускаются с более высоких вершин и питаются почти исключительно талым снегом, то мы нашли его очень холодным. Продрогшие и промокшие до пояса, мы с трудом продирались сквозь терновые заросли и душащий ползучий кустарник, в то время как собранные дождевые капли стекали ручьями по нашим шеям и рукавам с каждой ветки, к которой мы прикасались.

Наконец мы добрались до более открытого каштанового леса, и здесь увидели, каким великим благом был для нас дождь. Листья, которые ещё вчера звучали под

нашими ногами, как маленькие выстрелы, предупреждая каждого зверя в лесу, теперь были мягкими и тихими. Среди каштанов мы со Степаном разделились, он взял линию вдоль основания холма, я выбрал параллельную, гораздо выше.

Сегодня собаки были привязаны, и наша задача состояла в том, чтобы просто идти как можно тише через лес, останавливаясь примерно через каждые двенадцать ярдов, чтобы прислушаться и довериться, по крайней мере, нашим ушам и глазам, чтобы найти дичь.

Больше часа я бесшумно шёл вперед, не слыша ничего, кроме стука падающих каштанов, непрекращающегося дождя и криков надоедливых соек.

Легко понять, почему индеец, вся жизнь которого проходит более или менее в охоте, становится таким молчаливым, замкнутым существом. Вся эта погоня — школа молчания и самоограничения. Если вы ступите неосторожно, ветка сломается и ваш шанс будет потерян; если колючка вонзится под ваш ноготь, вы не должны вскрикнуть; и если удары, наносимые вам в лицо отскакивающими ветками, или раздирающие и удушение колючими лианами, наконец, вызовут восклицание, ваш шанс на сегодня исчерпан.

Больше часа я молча и безропотно переносил всю злобу лесного дьявола. Один раз длинная петля колючей лозы зацепила меня под носом и, подтянув этот нежный орган под необычным углом, крепко держала его зацепившимся в весьма болезненном положении.

Тогда я испугался, гнев во мне вскипел, и, освободив свой изуродованный хоботок, я неосторожно заговорил вслух. Едва я успел произнести проклятие, как раздалось короткое резкое фырканье, и мимо меня со скоростью ста миль в час промелькнул чёрный предмет. Я прошёл дальше, размышляя о том, что мой маленький взрыв стоил мне, вероятно, единственной охоты, которую я был обречён увидеть в тот день.

Но этот урок научил меня осторожности, и уже через полчаса, когда я бесшумно полз вдоль какой-то естественной просеки, я вдруг почувствовал, что в орешнике высоко надо мной шевелится что-то большое и чёрное.

Существо выглядело так, словно оно что-то просматривало, и могло быть кем угодно, от коровы до носорога, если бы я мог различить хоть какую-то отличительную черту. Однако я стопроцентно был уверен, что начинается настоящая охота, поэтому, подняв винтовку, прицелился как можно ближе в самую середину и выстрелил. Крики, последовавшие за моим выстрелом, были убедительным доказательством того, что наткнулся на что-то серьёзное, и прежде чем я успел обернуться, старый медведь уже шёл прямо на меня через кустарник, яростно пытаясь, как возбуждённый локомотив.

У меня было время заметить, что его движения были вялыми, склонившись набок, он на каждом шагу цеплялся лапами, а когда оказался почти надо мной, перекатился через вырубку, на которой я стоял, и, обойдя меня всего на несколько ярдов, рухнул вниз, и остановился под упавшим деревом далеко внизу по склону холма.

Здесь я на время оставил его, сделав лес беспокойным от его рычания и стонов; и минут через десять мне удалось заставить моего проводника Степана подойти ко мне, бледному и дрожащему от страха. Он объяснил мне, что, по его мнению, я уже был убит, и вследствие этого полагал, больше не буду нуждаться в его услугах. Стоя на вырубке, я указал ему место, где лежал Бруин, далеко внизу, сквозь почти непроходимые заросли ежевики и дикого винограда.

Степан сделал всё, что мог, чтобы побудить меня оставить медведя умирать и прийти за ним на следующий день; но это показалось мне не только не охотничьим, но и сомнительным поступком: оставив его сторожить Бруина, я заполз в чащу и стал пробираться

по охотничьей тропинке под кустами к тому месту, где он лежал.

Это был трудный путь, и ползучие растения печально мешали мне, и вдруг не без значительного учащения пульса я услышал крик Степана: «Берегись, *барин* (мистер), ради Бога, вот он идёт!». Кусты расступились ярдах в десяти вниз, и медленно пробираясь вверх по склону, появился медведь. Он раскачивал головой из стороны в сторону, выплёскивая кровь и пену из своих челюстей, жутко стонал и всхлипывал.

Едва завидев меня, он злобно щёлкнул челюстями и даже ухитрился перейти на рысь. Стрелять в моей тесной позиции было трудно, но я сумел это сделать, и, благодаря его крайней близости к дулу моей винтовки, пуля прошла прямо через его голову, пронзив большой дуб за ней и оставив в нём дыру, просверленную так чисто, как будто он был сделан из чугуна.

Медведь был очень стар, совсем чёрный, и шкура у него была отнюдь не в хорошем состоянии. Однако, он был моей первой добычей подобного рода, мы освеживали тушу с большой осторожностью и ликованием.

Когда мы вернулись в нашу хижину, было ещё рано, не больше полудня, но погода стояла самая суровая, а наш подъём был ранним, так что мы не желали провести остаток дня, очищая шкуру нашего медведя и готовя его мясо к вечерней трапезе.

Свежее медвежье мясо требует немало времени на приготовление, и когда животное оказывается таким же старым и жилистым, как зверь, убитый сегодня, то даже сорок поваров с сорока скалками не могут довести его плоть до разумной степени нежности.

Казаки на станции не едят медвежатины, хотя получают мясо только раз в неделю; и отчасти по этой причине, а отчасти потому, что с одноствольными ружьями считают риск слишком большим, они никогда не доса-

ждают медведям. На самом деле казаки так мало знают о своей сравнительной безвредности, что устроили мне настоящую овацию, когда я пришёл, нагруженный добычей, и представлял себя настоящим Нимродом перед восхищённой аудиторией из одиннадцати полудикарей.

Я много слышал в прошлом о превосходстве медвежьих окороков и о тушёных медвежьих лапах, но чувствовал, что ещё одна приятная иллюзия моей юности была разрушена, когда увидел сегодня вечером массу вареного чёрного хлыста, которая, имея крайне неприятный вкус, несомненно, была настоящей медвежьей тушёнкой. Но когда мы её раскапывали, то не находили ничего, кроме шкуры, кожи и костей с сухожилиями, и уж точно ничего съестного. Даже нашим собакам, похоже, она не очень-то понравилась.

Несмотря на плохое качество пищи, мы приготовили, однако, горячий ужин, так как почти неделю не ели мяса; и когда снаружи бушевала буря, которая, казалось, угрожала повторением катастрофического наводнения, которое смыло станцию в прошлом году, я спал всю ночь сном усталого, но успешного человека.

Следующий день, суббота, был для меня красным днём календаря. Поднявшись несколько позже обычного, мы попытались перебраться на другую сторону нашей горной бухты и, в конце концов, успешно оказались там, не взирая на шумный ветер. Едва мы пробились сквозь заросли шиповника у подножия холма к каштанам наверху, как Степан, обернувшись, сделал мне знак остановиться, опустил на колени и, прицелившись, выстрелил во что-то, скрытое от меня кустами. Подойдя к нему, я увидел, что целью был кабан, стоявший в тридцати ярдах от него, и, как и следовало ожидать, с помощью своего необычного оружия сумел только напугать зверя.

Злясь на удачу, которая дала такой шанс Степану, я шумно продирался сквозь заросли, даже не мечтая найти

больше никакой дичи, во всяком случае, ещё на полмили. Но едва мы отошли на три десятка шагов от того места, откуда был сделан последний выстрел, как наши уши уловили звук ровного медвежьего шага, приближавшегося к нам.

Бесшумно проскользнув за пару деревьев, мы ждали с замиранием сердца. Спокойно и мягко приближались шаги, издавая звук, очень похожий на шаги человека, медленно пробирающегося сквозь лес. Время от времени медведь замирал, чтобы громко принюхаться, но к счастью для нас, его совершенно сбивало с толку постоянное движение ветра в этих узких долинах. Наконец я увидел, что это была медведица, она медленно пробиралась сквозь кусты, иногда останавливаясь, чтобы неторопливо подобрать упавшие каштаны. Я подождал минуту или две, пока сквозь рододендроны не стало ясно видно её серое плечо.

Затем я выстрелил и, резко повернувшись с коротким резким криком, она исчезла в укрытии, сопровождаемая в своём отступлении быстрым выстрелом из моего второго ствола, который, очевидно, не произвёл никакого эффекта.

Не зная, была ли медведица убита сразу или только ранена, мы со Степаном несколько стеснялись следовать за ней в её крепость. Сначала мы оба пытались залезть на деревья, надеясь таким образом увидеть её, но ничего не вышло.

Я убедил Степана следовать за мной на некотором расстоянии и внимательно осмотреть то место, где мы видели медведицу в последний раз. Бедное животное, она не ушла далеко; как только она скрылась из виду, то обессилила, и мы нашли её мёртвой, как камень, не далее, чем в шестидесяти ярдах от места выстрела.

Винтовка «Экспресс» — небольшое, но ужасно разрушительное оружие. Этот второй медведь был совершенно

не похож на убитого накануне, по крайней мере по цвету; потому что если тот был чёрным, то её шкура, очень красивая, была мягкого светло-коричневого цвета, такого светлого, что казалась почти серой.

При осмотре мы обнаружили, что она была годовалой девочкой и на момент нашей встречи уже разрушила половину великолепного каштана. Некоторые сучья, которые ей удалось сломать, были толщиной почти с человеческую талию. Глядя на её переднюю лапу после того, как Степан снял шкуру, я не мог не думать о том, что истории о рукопашных схватках с медведями, которые мы иногда слышим, требуют весьма скептического отношения.

Оставив Степана заканчивать сдирать шкуру, я пошёл немного выше по склону холма. Не прошло и четверти часа, как я снова услышал над собой удивительно мягкую размеренную поступь медведя и, терпеливо прождав минут пять, на мгновение увидел голову точной копии той медведицы, которая сейчас лежала под руками Степана. К несчастью, она заметила меня и в тот же миг с громким фырканьем ринулась прямо вниз по склону с такой скоростью, что даже если бы ветви не скрывали её, мои шансы попасть были бы крайне сомнительны.

Судя по направлению её движения, я понял, что она пройдёт почти над самым Степаном, и поспешил помочь ему, чтобы он только не ранил её. Однако я был слишком высокого мнения о своём товарище. Сидя за кровавой работой по разделыванию нашего мёртвого медведя, он вдруг увидел то ли тень, то ли разъярённую сестру покойницы, яростно несущуюся на него; и, угнетённый сознанием своей вины, бежал от мстительницы, оставив ружьё на произвол судьбы.

Бедный Степан, который поначалу, я думаю, не был трусом, и в прежние времена, по его собственной версии, был могучий охотник, оказался примером человека,

внезапно скованного страхом, и это произошло следующим образом.

Однажды, сильно страдая от лихорадки, он шёл по высохшему руслу горного ручья и, повернув за крутой угол, чуть не столкнулся с большим медведем. Какое-то мгновение они стояли лицом друг к другу. Степан, не имея оружия, решил, что пришёл его последний час.

Раздался ужасный шум, что-то ударило его по лицу, и на какое-то время несчастный черкес ушёл из этого медвежьего мира в страну забвения. Придя в себя, он с удивлением обнаружил, что нет ни медведя, ни кровавой раны на голове. Однако дальнейшее исследование показало ему, что медведь всё же был, и, вероятно, именно гравий, подброшенный его задними лапами, когда он развернулся в стремительном бегстве, ударил Степана, не оглушив его, как он предполагал, а просто лишив чувств.

С тех пор и до сих пор мой спутник стрелял в медведей только с платформы в центре дерева и только ночью — стиль охоты, чрезвычайно безопасный, так как, хотя Бруин и может лазить, он очень редко, если вообще когда-либо пытается сделать это в погоне за врагом.

Живя всю свою жизнь в медвежьих лесных угодьях, Степан много рассказывал о «Михайле Михайловиче», как крестьяне называют медведя. Однажды он и его друг увидели яблоню, хорошо нагруженную плодами, в семи или восьми верстах от их деревни в лесу, стоявшую невостребованной ни у кого, почти единственную реликвию некогда процветавшей черкесской деревни. Степан и его друг, жившие в некотором отдалении, договорились встретиться однажды рано утром у дерева и собрать плоды, чтобы разделить их между собой. Подойдя к дереву, Степан увидел, что кто-то уже занялся сбрасыванием яблок вниз.

Думая, что друг пытается опередить его, разгневанный Степан сыпал на него всевозможными оскорблениями, обвинял в том, что он портит яблоки, сбивая их ногами, и, наконец, не получив ответа, закричал от ярости и начал бросать камни в дерево.

Дождь из яблок прекратился, и с хриплым фырканьем огромный старый медведь свалился с дерева почти на голову перепуганного крестьянина. Как обычно в таких случаях, Бруин был так же напуган, как и этот человек, и как можно быстрее заковылял прочь, оставив яблоки друзьям.

Все русские и черкесы, с которыми я говорил о медведях, говорят, что на Кавказе есть два вида медведей: обыкновенный большой бурый медведь и меньший, который живет в более высоких горах, имеет нечто вроде белой рубашки спереди на своей шубе и гораздо свирепее и плотояднее своего бурого брата. Однако доктор Радде из Тифлисского музея говорил мне, что существует только один вид; и хотя я сам видел большое разнообразие размеров и шкур, убитых на Черноморском побережье медведей, я вполне могу поверить, что он прав.

Тем не менее, полагаю, что высокогорье Закавказья очень мало известны; и вполне возможно, что разновидность обыкновенного медведя, значительно отличающаяся от образцов, найденных на побережье, встречается ближе к линии снегов. Крестьяне рассказывают удивительно обстоятельные истории о ремесле своего любимца (ибо медведь — большой любимец мужика и герой многих забавных историй): как он лежит в засаде для ничего не подозревающей козули или дикого козла и набрасывается на него, или сбивает с ног бревном, используемым как дубина, когда добыча проходит мимо. Или, опять же, лёжа на карнизе, выходящем на какой-нибудь перевал, он сталкивает по нему огромные камни на добычу, когда она рыщет под ним, а за-

тем, убив её таким образом, спускается вниз и обедает надосуге.

Конечно, всё это просто крестьянские сказки, но, так как мне их неоднократно рассказывали крестьяне, жившие среди зверей в деревне, возможно, там есть крупицы истины.

Спрятав шкуру моего медведя от греха подальше, и оставив мясо, Степан и я продолжили охоту. На глубокой поляне, куда не проникал солнечный свет, чтобы нарушить дремотную тишину, что-то с громким шумом вскочило на ноги и незаметно унеслось прочь, заставив весь лес отозваться эхом его короткого, резкого рывка-ня.

Этот крик был для меня в новинку, и я представил себе всевозможных мрачных зверей, от которых мог исходить этот звук, и сильно пожалел, что мне не посчастливилось выстрелить. Степан, однако, утешил меня сказав, что это всего лишь *козёл*, то есть местная косуля, так говорил мне и один старый индейский охотник, стрелявший во многих из них. Эти «козлы» по-индейски называются «карки». Действительно, вся дичь, найденная на Кавказе, такая же или очень похожая на те виды, которые встречаются в американских горах.

Позже в тот же день, исследуя рододендроновую чашу на самой вершине холма, замкнутого и окружённого более высоким рельефом, я увидел, что козёл стоит на самом верху. Тут я услышал, как что-то рвануло от меня сквозь заросли, а потом остановилось и с громким сопением попыталось поймать мой запах. Видимо, почуяв его, зверь изменил свой курс и пошёл под прямым углом к линии своего первого броска, а затем, остановившись, снова попытался поймать мой запах. К счастью для меня, когда мы оказались запертыми у самых высоких вершин, ветер всё время менял направление; и, совершенно сбитый с толку, несчастный зверь продолжал неуклюже

идти своим курсом, пока наконец я, стоя за деревом, не увидел длинную серую морду и пару сверкающих белых клыков примерно в тридцати ярдах передо мной.

Быстрые глаза сразу же заметили меня, несмотря на моё дерево, и я едва успел выстрелить, как владелец глаз скрылся из виду. Однако, как ни поспешен был выстрел, он оказался удивительно эффективным, и кабан полетел вниз головой с вершины холма, чтобы там спокойно отдыхать, пока я не доберусь до него.

Пуля вошла в переднюю часть плеча и, пройдя по всей длине позвоночника, совершенно раздробила его, оставшись погребённой как раз под шкурой у самого корня хвоста; оттуда я её извлек и до сих пор храню, разбитую и расплюснутую, как память о чудесной силе винтовки Экспресс 450.

Нагруженные добычей, медвежьей шкурой и головой, а также лакомыми кусочками, снятыми с кабана, мы поспешили домой, чтобы послать казаков за остатками свинины, которые были бы желанным дополнением к их вечным щам.

Часть 7. В непроходимых зарослях

Неудачная охота — Бруин и Степан — чёрный хлеб и лук — лесная музыка — комары — клещи и другие насекомые — любовь Бруина к мёду — бабочки — наши припасы — смертельный риск — несчастливые дни — наблюдение за свиньями — выдры — холодное бдение — тяжёлый переход.

Пересказывать изо дня в день наши приключения во время охоты у Головинского было бы, конечно, утомительно для широкого читателя; даже у самого страстного охотника есть достаточно своих пустых дней, чтобы не читать записи других. Несмотря на прекрасное начало, в первые два дня моего пребывания охота не всегда была хороша, а дичь — обильна.

День за днём, от рассвета до заката, часто волоча свои усталые ноги домой по ледяным потокам при тусклой молодой луне, без света которой нам пришлось блуждать в лесной темноте, мы трудились не покладая рук, так и не добыв ещё одного медведя, хотя их следы были повсюду.

Кабанов поначалу хватало, и с ними мы справлялись довольно хорошо, хотя Степан, как и с теми немногими медведями, которых мы видели, сколько бы ни стрелял, неизменно промахивался. Однажды он всё-таки попал в старую медведицу, и из-за удачного стечения обстоятельств чуть было не свалил её.

Мне уже надоело быть в неведении, и я стоял на старом бревне, под которым когда-то устроил своё логово медведь, лениво поглядывая вниз на длинную полосу ле-

са. Всмотревшись, я заметил маленького зверька, которого издали сначала не мог узнать, но то, что совершенно точно было медведем, снова и снова каталось по опавшим листьям. Я уже собирался спуститься, чтобы начать преследование, когда внизу раздался выстрел, и старая медведица перевернулась рядом со своим детёнышем.

В следующее мгновение она снова была на ногах и, подталкивая детёныша передней лапой вперёд, быстро погнала его в мою сторону, подальше от того места, откуда прилетела пуля. Пока я наблюдал, слишком поглощённый своими мыслями, чтобы стрелять, увидел, как она покинула поляну и пустилась в хороший галоп, для чего-то прямо ко мне.

На мгновение мне показалось, что она собирается напасть на меня; но вид Степана, по обыкновению оставившего своё жалкое оружие и бегущего, как кролик, тотчас же открыл мне истинное положение вещей, и я поспешил ему на выручку. Увидев меня и Степана, оставившегося при моём приближении, к великому моему удивлению и ужасу, старая медведица обернулась. Из-за моего чрезмерного возбуждения пуля прошла мимо старой леди или, возможно, слегка оцарапала её сзади, когда она пронеслась через высокие кусты вниз по склону.

Раз или два мы слышали, как она бродила по кустам и рычала на наших собак, и, хотя я уверен, что она и медвежонок были в нескольких сотнях ярдов от нас, пока мы обедали чёрным хлебом и луком, мы никогда больше не видели ни одного из них.

Чёрный хлеб и лук — слабое подкрепление после тяжёлой утренней работы, но какое же настоящее наслаждение эти полчаса за обедом! Об этом могут рассказать только те, кто по-настоящему любит лесную жизнь и природу. Все таинственные шорохи леса, каждый ломающийся сучок предсказывали нам возможные приключения на целый том.

Всего лишь шесть недель назад я выбрался из душной лондонской атмосферы, и каждый глоток свежего воздуха казался наполненным жизнью, а лесной звук — музыкой. Кваканье зелёных лягушек — тех таинственных маленьких ящеров, чьи вокальные упражнения настолько оглушительны, что скорее отпугивают вас от их укрытия, чем ведут к нему; резкий пронзительный голос великолепного чёрного дятла, с красиво очерченным малиновым гребнем, единственным украшением; непрерывное щебетание соек-предателей, которые, кажется, всегда стремятся возвещать о присутствии охотника; даже резкий стук падающих с деревьев перезрелых каштанов; жужжание пчёл и крошечного, но ненасытного комара сливаются воедино, хотя и не очень гармонично, с шумом моря и шёпотом ветра, устраивая лесной концерт, с которым, по мнению некоторых слушателей, никакая другая музыка — ни нынешняя, ни будущая — не могла бы соперничать.

Комары были единственной горькой каплей в нашем полуденном потоке ленивого удовольствия. Я не уверяю, что это были обыкновенные комары, хотя мы называли их так и ненавидели так же сильно, как если бы они были таковыми, потому что, будучи всего лишь микроскопическими мошками, жала, которые они поднимали на нас, были достойны усилий Голиафа среди комаров. От каждого гнилого пня поднимались целые клубы этих злобных маленьких хищников, из-за своего размера, избегающих всякой предосторожности.

Было ещё одно насекомое-вредитель, доставлявшее нам немалое раздражение: нечто вроде клеща, который неожиданно набрасывался на нас, когда мы задевали ветку, и, забравшись под одежду, зарывался головой глубоко в кожу и поселялся там.

Если его не найти и не вытащить этой же ночью, тело существа вырастает до такой степени, что утром ста-

новится похожим на большую бородавку, а если оставить его и дальше, то оно распухает до любого размера, укореняясь головой и требуя невероятных усилий при удалении; ибо насекомое имеет такую бульдожью природу, что скорее позволит оторвать своё тело от головы, чем ослабит хватку. Если это произойдёт, то результатом будет чудовищная, трудно заживающая и склонная гноиться, рана.

В этих лесах водятся и другие насекомые, хотя и менее противные, и от одного из них мы сегодня получили весьма желанное пополнение нашей кладовой.

Степан проводил много времени в хоте за мёдом, он был удивительно зорок, когда дело касалось пчёл, заметив их сразу за долиной, наблюдал за линией полёта, в конце концов, с почти инстинктивной уверенностью, выслеживая тайное хранилище.

У черкесов принято делать грубые ульи на деревьях, облюбованных дикими пчёлами, и думаю, что у них не принято трогать случайно обнаруженные чужие ульи. Однако у Бруина совести меньше, чем у черкеса, и если есть что-то, возможное склонить его к неосторожности, то это мёд. Степан рассказал мне, что сидя на дереве, с носом, вымазанным мёдом и весь изжаленный растревоженными пчёлами, медведь, непрестанно плача и жалуюсь на боль, причиняемую крошечными врагами, будет продолжать жадно кормиться. В такие минуты он настолько поглощён своим пиршеством, что охотник может подойти к нему так близко, как ему заблагорассудится, и запросто застрелить его.

Павлинья бабочка — ещё одно насекомое, которое время от времени я замечал на окраинах леса в большом количестве; в действительности, за всю осень на Кавказе я почти не увидел ни одной незнакомой мне бабочки, единичные экземпляры отличались от тех, что встречаются у нас в Англии. Самыми многочисленными, как

мне кажется, были мутно-жёлтые и их более бледная разновидность *hyale* (желтушка).

День, когда мы получили мёд, был для нас красным днём календаря, так как в этот раз наша кладовая оказалась забитой до отказа; лодка с припасами из Туапсе появилась во второй половине того же дня. Медвежий окорок, немного свинины, чёрный хлеб, мёд, лук и бутылка мерзости с надписью «Vieux Rhum, Марсель», которая, я не сомневаюсь, была не ближе к Франции, чем Крым, при своём непривычном изобилии заставили моего товарища сиять от восторга. Но увы! С этого дня должны были начаться наши трудные времена; вскоре наша кладовая так опустела, что мухи, до того роящиеся там, через две недели принимали нас за негостеприимных нищих.

Осматривая ту часть леса, где в понедельник я убил своего первого медведя, мы не нашли никаких свежих следов дичи, хотя это место представляло собой настоящий лабиринт старых кабаньих троп и проторенных дорог, проложенных медведями. Причиной отсутствия дичи был, очевидно, труп моего первого медведя. Исколеченный шакалами, он уже начал разлагаться, отравляя воздух. Я чуть было не поймал какую-то крупную дичь, но в одиночку это было слишком опасным делом.

Как обычно, мы двигались по склону холма параллельными курсами, и, хотя изредка сломанная ветка выдавала присутствие одного другому, в остальном мы со Степаном были потеряны друг для друга. Таким образом мы шли вот уже более получаса, без происшествий, способных потревожить тишину леса, как вдруг откуда-то сверху на меня налетел порыв ветра, донося звук, похожий на звук приближающейся добычи.

Он становился все ближе, животное шло тяжёлой ровной поступью, мягко приминая листья и останавливаясь время от времени, чтобы прислушаться или взять

каштан. Я узнал походку Бруина, медленно бредущего домой после раннего завтрака.

Наклонившись, чтобы лучше видеть, я заметил, что стебли орешника качаются и трясутся примерно в восьмидесяти ярдах передо мной, и в тот же миг сквозь листву промелькнуло светлое пятно. Я инстинктивно поднял винтовку, и с этого момента, по-моему, целых три минуты, следил за каждым движением медведя, держа его на мушке.

Дважды я наполовину нажимал на спусковой крючок, когда мне был виден большой кусок серого бока существа, медленно пробирающегося мимо меня; но как раз в тот момент, когда я был готов выстрелить, он повернулся и пошёл вниз по склону навстречу мне. Поблагодарив звёзды за то, что случайно не выстрелил, я подождал, пока он подойдёт поближе.

В двадцати ярдах от меня было небольшое открытое пространство, и здесь, если он выйдет на него, что вполне вероятно, это сделать сподручнее.

Моя винтовка ревниво следила за каждым его движением, боясь перемены направления, и в следующий миг раздался выстрел. Серая тварь вдруг встала дыбом и, раздвинув колючую лозу своими предплечьями, вышла на открытое место: это был мой Степан!

На какое-то мгновение я почувствовал себя совершенно больным, и не думаю, что когда-либо в своей жизни я был более расстроен, чем в течение всего остального дня; и когда позже, в жаркий полдень, я отдыхал в овраге у небольшого пруда, наполовину задремав после обеда, слыша тот же самый шаг прямо надо мной и видя большое серое пятно, движущееся через чащу, я пропустил настоящего медведя, не стреляя.

Так что глупость Степана чуть не стоила ему жизни, а мне — медведя. Он, похоже, слишком быстро дошел до конца своего маршрута и, устав ждать, решил, что

с таким же успехом мог бы вернуться и встретиться со мной. Медвежий шаг, когда он неспешно идёт по опавшей листве, останавливаясь время от времени, чтобы покормиться или прислушаться, удивительно похож на шаг охотника в мокасинах, медленно идущего по той же самой земле.

И вот теперь, день за днём, охота становилась всё хуже. Степан был очень хорошим товарищем, но плохим проводником. Живя в течение двух лет в полном одиночестве в своей хижине на Головинском, дух предприимчивости никогда не заставлял его исследовать больше, чем те два маршрута, на которых мы уже добились успеха.

За этими двумя участками леса он ничего не знал, а в таком густом укрытии почти бесполезно пытаться стрелять, пока не разведаетшь немного. Если вы решитесь это сделать, то рано или поздно окажетесь затерянными в густой колючей массе, в которой невозможно двигаться бесшумно, запутываясь и кружа на одном месте.

Сверху свисают толстые занавески из гнусной лианы, которую народ довольно метко называет «волчьим зубом», настолько острой и крепкой, что даже моя толстая молескиновая куртка порвалась от неё; а одежда Степана, хотя и сшитая из самого прочного холста, к концу двухнедельного срока вообще перестала существовать, несмотря на все его хитроумные заплатки.

Несколько кабанов и ещё два медведя — вот и всё, что нам удалось раздобыть, и в конце концов, после того, как мы испробовали все другие способы, я согласился на то, чтобы потревожить лес испытанием хвалёной собачьей стаи Степана.

Однажды, после двенадцати часов, проведённых на обычной охоте, мы со Степаном, как неуклюжие птицы, уселись каждый на дереве над ямой, полной грязи и воды, в которой по ночам барахтались стада свиней.

Наши конечности сводило судорогой, и луна поднималась все выше в небесах, создавая причудливые узоры на темной воде внизу, что, впрочем, не отвлекало нас от ночного дозора.

Когда луна совсем потускнела, мы снова спустились вниз с затёкшими конечностями. Степан облегчился хриплым, долго сдерживаемым кашлем и вдруг внезапный топот с возмущённым фырканием за ближними зарослями сообщил нам, что стадо приближалось как раз, когда мы собрались уходить.

На обратном пути, когда мы пересекали небольшой приток Головинского, большое серебристое существо соскользнуло с камня в воду и проплыло по дну мелкого ручья совсем рядом со мной. Спросонья в сером утреннем свете оно показалась мне большой рыбой, и только когда услышал, что несчастное старое ружьё Степана промахнулось, я узнал в ней красавицу-выдру; потом она, конечно, нырнула поглубже и пропала из поля зрения.

Между Новороссийском и Сухумом водилось много морских выдр, Степан показывал мне шкуры нескольких убитых им животных; и хотя их следы попадались часто, это был единственный живой экземпляр, который мне посчастливилось увидеть.

Еще одну долгую ночь мы просидели под можжевельным кустом на гальке, которая в то или иное время образовала русло Головинского или была сжата потоком во время зимних паводков. На противоположном берегу возвышался холмистый лес, спускавшийся колючими зарослями к самой кромке воды. В полумиле позади нас, на нашей стороне ручья, начинался другой лес, а в четверти мили перед нами стонало море. На маленьких песчаных островках были видны многочисленные и явно свежие следы дичи, на них мы возлагали большие надежды.

В действительности, они нам были необходимы, чтобы не заснуть в ту холодную ночь. На дальнем берегу реки была большая полоса песка и глины, которая представляла собой одну из тщательно записанных книг о приходивших на водопой зверей.

Но за всю утомительную ночь мы почти ничего не видели. В шесть часов мы двинулись вниз, к этим ледяным водам скорби, как люди, готовые исполнить задуманное или умереть, или терпеть неудачу настолько комфортно, насколько это возможно. Разместившись с фляжкой марсельского «рома» в кустарнике, мы условились, что Степан будет дежурить до полуночи, а утренняя вахта будет моя. Подложив под голову камень вместо подушки и, подтянув колени к подбородку, я вскоре заснул под звуки журчащего у моих ног ручья и проснулся примерно через час, дрожа, весь мокрый от тумана.

Звук хорошо знакомого храпа выдал мне, что Степан заснул. Когда я неосторожно поднялся, чтобы пнуть его, две или три тёмные фигуры метнулись обратно в чащу на дальней стороне, и я горько пожалел, что не простоял на страже всю ночь.

Решив не беспокоить моего верного слугу, я устроился в самом тёплом углу, какой только мог найти, и приготовился бодрствовать до утра. Я так и просидел всю эту долгую ночь, пока Плеяды не повернули прямо на Запад: поднялся лёгкий ворчливый ветер, звёзды становились всё серее и серее, в воздухе вдруг повеяло горьким холодом. Наступило утро.

Степан проснулся от моей яростной встряски, мы закусили коркой чёрного хлеба с пивом и, не заботясь больше о завтраке, отправились в лес. День выдался пустым; если бы Степан решил стрелять, то у него был бы великолепный шанс попасть в двух медведей; но так как я был на некотором расстоянии, то он удержался, по-видимому, из благородных побуждений.

Мы вернулись поздно вечером с пустыми руками. Наши двадцатичетырехчасовые усилия завершились маршем в милю по руслу Головинского. Сквозь наши изношенные мокасины его валуны ощущались так же ясно, как если бы мы были босиком; маленькие камни обжигали наши больные ноги, как раскалённое железо, а с больших мы соскальзывали, через каждый шаг рискуя получить вывих или перелом, и выбирались из камней только для того, чтобы снова нырнуть в ледяной поток. После всего пережитого, думаю, меня простили бы, если бы я сказал «аминь» русской пословице, которую постоянно повторял мой несчастный проводник: «погоня хуже рабства». Охотничий дух русских достаточно крепок, чтобы такая пословица не была у них излюбленной; но в случае Степана, где он принял свою долю тяжких трудов и не испытал ни малейшего восторга, который мне придавала новизна, это было простительное чувство.

Бедняга, было очень печально видеть, как он, переправившись в последний раз за эту ночь через Головинский, сел у его вод и, бросив в ручей остатки пары мокасин, босиком пошёл домой.

Часть 8. Псовая охота

Снаряжение — наши дворняги — сбыт трофеев — гости — тайны Степана — ёж — легенда о папоротнике — Эвксин в ярости — черкесские пепелища — огромные кабаны — кормушки — упустили медведя — заросли скрывают крупную дичь — редкий вид охоты — стрельба при луне — экспедиция — лихорадка — профилактика — неудачная охота и грубая пища.

После безуспешных двадцати четырех часов, описанных в моей последней главе, мы были слишком утомлены и измучены, чтобы снова идти в поле на следующий день. Поэтому мы потратили его на сушку, починку и стирку нашей одежды, сооружение мокасин из шкуры одного из кабанов и общую подготовку к другому роду охоты на наших врагов — медведей и кабанов.

В этом походе нам должна была помочь свора собак, состоящая из трех паршивых псов, принадлежащих Степану, и одного совершенно бесполезного зверя из близлежащей казачьей станции. Троица Степана состояла из самых уродливых полуголодных дворняг, одержимых отвагой и безрассудной преданностью, которую никогда не встретишь ни у кого, кроме собаки.

Почему они предано служили Степану, никакими человеческими рассуждениями не объяснить. Самостоятельно они могли бы кормиться лучше, чем у него. Бедняга, ему и для себя не доставало. Им приходилось спать снаружи хижины, их пинали ногами, если они совали нос внутрь, их пожирала чесотка, которую хозяин, казалось, никогда и не думал лечить.

Что же касается породы, то её не было, или, возможно, я бы сказал, в нём было что-то от каждой породы. Го-

ворили, что Зизда каким-то образом связан с видом, называемым «Арлекином»; и если странность формы, необычность глаз и общая неровность цвета и очертаний дают право собаке на это имя, то старый Зизда был породистым. Это был крупный пёс с огромными лапами, квадратной головой, выпуклыми глазами, крупным носом и неукротимым характером, который время от времени добавлял ему бесчисленные шрамы от хвоста до морды.

Двое других были полнейшими дворнягами, но верными сторонниками старого Зизды в любой критической ситуации. Это были старая сука по имени Люфра и молодая собака Орла, или «орёл». Я не могу не назвать эти собачьи имена, потому что они оказались настоящими героями в охоте и хорошо мне послужили.

Итак, первым долгом дневного отдыха было накормить нашу стаю — долг, о котором часто забывали и который теперь собаки ценили как беспрецедентное внимание с нашей стороны.

Покончив с этим, мы занялись приготовлением шкур убитой нами дичи, к отправке, так как за день или два до этого видели проплывавшую мимо лодку, которая, получив сигнал, обещала, если возможно, зайти на обратном пути из Сочи. Они вернулись сегодня, забрали шкуры и оставили нам хороший запас табака, недостаток которого мы до сих пор остро ощущали.

Сегодня к нашему крайнему удивлению (ибо гости у Головинского редки) явился еще один посетитель — главный лесничий «Арденского леса» Великого Князя Михаила, который совершенно безуспешно охотился уже два дня. С ним был грек из соседней колонии, горько жаловавшийся, что, хотя он и его товарищи-колонисты во время сбора урожая проводили большую часть своих ночей в засаде или на деревьях, чтобы стрелять и пугать медведей и кабанов, эти господа полностью уничтожили

урожай *кукурузы*, от которого греческие крестьяне очень зависят. Несмотря на множество орудий на деревьях, не было убито ни одного медведя или кабана. Я был не столько удивлён появлением Бруина, решившим посмотреть на этот шум, сколько военным салютом, предназначенным в его честь, который совсем не помешал его аппетиту.

Время от времени мне удавалось выудить кое-какие сведения из молчаливого Степана, но его одинокий образ жизни сделал его настолько замкнутым, что почти возможно было ухитриться добыть сведения. Он был черкесом, который отрекся от магометанства, не приняв, по-видимому, никакой другой религии; поэтому о своём вероисповедании он мало что мог рассказать. О родной деревне и жизни в ней он говорил мало, а о русско-черкесских войнах отказывался говорить совсем — хотя на эту тему у него, очевидно, было что сказать, — как мне показалось, из страха, что любой пересказ его слов может навлечь на него неприятности. Итак, мы вернулись к естествознанию, и на эту тему он говорил довольно свободно.

Между прочим, он рассказал мне о некоторых причудливых повадках ежа — я предполагаю, что он имел в виду именно ежа, а не дикобраза, ибо слово, которое он употребил для обозначения зверя по-черкесски, было мне незнакомо.

Но судя по описанию это животное было либо тем, либо другим; и так как дикобраз, по-моему, предположительно обитает на персидской границе Кавказа, то, вероятно, Степан рассказывал о еже. Он прекрасно его описал, а затем добавил, что на Кавказе есть два вида: один с головой и ногами, как у свиньи, а другой с головой и ногами, как у собаки.

Такой был один из последних, которого он заметил однажды под яблоней в лесу, собиравшего и переносив-

шего упавшие плоды, перекатываясь через них (так он это описал) до тех пор, пока не насадил яблоко на одну из своих игл. Затем он пронзил еще одно яблоко другим боком и, нагруженный таким образом, ненадолго удалился, чтобы, освободившись от ноши, вернуться за двумя следующими яблоками.

Для меня это звучит очень маловероятно, но так как у этого парня не было никакой причины сочинять эту историю, я продаю её за что купил, как и другие рассказы из того же источника. О том же звере и казаки, и Степан утверждают, что он убивает змей, хватая их за хвосты своими челюстями и затем перекатываясь на них, переворачиваясь через них кувырком, на самом деле для того, чтобы проткнуть их иглами.

Сегодня я услышал странное суеверие об обыкновенном папоротнике, растущем здесь в изобилии, корнями которого кормятся свиньи, когда нет ни каштанов, ни ягод. Черкесы говорят, что есть одна ночь в году (увы, забыл, в какую именно), когда ровно в полночь это растение расцветает. Цветок виден всего несколько мгновений, и кому за это время посчастливится собрать и сохранить его, с того момента обретает всеведение. В беседах о таких и тому подобных вещах, в подготовке на завтра свежих мокасин, день прошёл быстро, и мы завернулись в наши коврики счастливыми, хотя легли спать почти без обеда.

Сегодня ночью, как это бывает на Чёрном море, штормило так дико, что в этих коротких вспышках ярости Берсеркера почти забыло свое привычное спокойствие. Белые волны так близко подобрались к нашей хрупкой хижине, что мы испугались, опасаясь, как бы море не затопило наш единственный этаж, как это случилось однажды прошлой зимой; среди ночи старый Зизда, прижавшись снаружи к стене, чтобы укрыться от резкого ветра и гонимых брызг, протолкался прямо

сквозь доски и штукатурку и бесцеремонно появился мокрый у моей постели.

Я очень сомневаюсь, что внутри ему было гораздо теплее. Должно быть, снаружи было намного хуже, если он это сделал. Но к утру, хотя волны внизу все еще были белыми, ярко светило солнце, и капли дождя уже высохли на траве.

Мы дали солнцу еще час или два, чтобы завершить своё доброе дело, а затем, около девяти часов, отправились в лес с нашей стаей.

Метод сам по себе был прост. В лесу каждая собака пошла куда ей вздумается, и вся стая, двигаясь наугад, наконец взяла след и пустилась в погоню. Оборачиваясь только для того, чтобы вести нас, они добирались до того места, которое казалось наиболее подходящим для схватки собак и их добычи, и это было радостно, хотя и крайне тяжело.

Как бы ни были плохи шиповник и заросли виноградных лоз, я думаю, что частые овраги и склоны холмов, покрытые прекрасной короткой травой, бесконечно хуже.

Спеша к месту действия, вы ожидаете, что лицо и руки будут изодраны, и принимаете это довольно невозмутимо, если только можете заставить себя идти вообще. Но после того, как путь проложен, становится досадно, когда ваши ноги скользят по этим сухим склонам холмов, и вы чувствуете совершенную беспомощность, когда, поскользнувшись, несётесь вниз по склону со своей винтовкой, удаляясь от точки, к которой вы стремились, претерпевая столько трудностей.

Надо было видеть, как Степан, норовя спуститься в овраг, беспомощно соскальзывал со скоростью шестьдесят миль в час, бесцеремонно плюхаясь в лужу на дне, преследуемый Зиздой, который следовал за своим хозяином на корточках, являя собой картину идиотизма.

Но для двуногих и даже обычных четвероногих есть какое-то оправдание, потому что и сам Бруин часто попадает в беду в этих местах. Все склоны изрыты так, будто медведь развлекался вместе со всем своим непоседливым семейством.

По всему лесу, где мы охотились сегодня, нам попадались следы деревень черкесов, покинутых жителями, некоторые давным-давно, во время старой войны, а другие только прошлой весной, чтобы присоединиться к туркам в войне против России. Даже в этих последних не осталось никаких признаков домов, только участки земли, более ровный, чем остальные вокруг, заросшие густыми зарослями шиповника; тут и там виднелись рукотворные обломки из дерева, остатки какой-то черкесской домашней мебели и фруктовые деревья, слившиеся с лесом, когда их владельцы присоединились к туркам. Эти старые «аулы» — надёжный оплот Бруина, и его следы заметны повсюду. Маленькие тропинки, гладко протоптанные в зарослях шиповника, сорванные ветви грецкого ореха и яблони, пчелиные гнёзда, выкопанные там, где никто, кроме него, не мог бы до них добраться, — всё это свидетельствует о его присутствии.

Именно в одном из этих старых аулов наши собаки впервые получили шанс проявить себя с лучшей стороны. Аул находился на самой вершине одного из холмов, по которому мы стреляли. Вся местность была покрыта густым шиповником, из середины которого возвышался патриархальный каштан огромных размеров, вероятно, гордость деревни. Внезапно Зизда, низко рыкнув, подал сигнал о начале охоты, и три остальные собаки залаяли хором. Я был внизу среди каштанов, за пределами шиповника; но подумав, что любая дичь будет прорываться из зарослей, в которых лаяли собаки, по маленькой тропинке, проходившей мимо меня, я вскочил на пень и стал ждать. Степан находился по другую сторону шиповника, рядом

с местом действия, и я, естественно, представлял, что он подойдёт ещё ближе и получит хороший шанс на выстрел.

Выждав добрых десять минут, в течение которых ни дичь, ни собаки, ни Степан, казалось, не сдвинулись ни на дюйм, я свистнул, давая понять последнему, что иду на помощь храбрым собакам, брошенным им на произвол судьбы.

Лезть в гору через эти заросли шиповника было делом, достойным Геркулеса, и если бы дичь прорвалась мимо собак, то у охотника, крепко запутавшегося в этой колючей сети, не осталось бы шансов. Наконец, я увидел поле битвы, там, где я находился, сквозь густую колючую поросль не мог размахивать руками; и, хотя стоял на цыпочках, всё, что мог различить, мельтешащие зады Орлы и Люфры, храбрый старый ветеран Зизда был слишком близко к своей добыче и потому незаметный; но с того места, где я стоял, слышал его резкие выпады и тихое яростное фырканье жертвы.

Не видя, куда стрелять, я подобрал комок земли и, догадавшись о местонахождении зверя по тихому приглушенному шуму, доносившемуся из-под корней каштана, швырнул его над собаками в направлении звука. На мгновение шиповник закачался, будто его сдвинуло землетрясение; одна из собак завопила, опрокинутая, получив ещё одну отметину к и без того многочисленным украшениям; а затем, не далее, чем в десяти шагах от меня, галопом пронёсся самый большой дикий кабан, которого я когда-либо надеялся увидеть. Я мечтал о нём! Правда, заметил его лишь мельком, когда он промчался через открытое место, я мог бы наброситься на него, как набрасываются на бегущего кролика; и я никогда не прощу себе, что упустил из виду его огромный бок. Топот слышался далеко в чаще, а собаки вели преследование почти десять минут после того, как я упустил его; но больше мне не довелось его видеть.

До этого я часто слышал о невероятных размерах старых одиноких кавказских кабанов, потом и сам видел в Тифлисском музее экземпляр, убитый великим князем или кем-то из его друзей в Царском лесу Караса, который, по словам, весит двадцать один пуд; а так как шестьдесят два пуда приходится на тонну, то вес составляет около 780 фунтов. Но в глубине души я убежден, что кабан, проскочивший мимо меня из тёмной норы у корня старого каштана, едва ли был вдвое меньше. Каждый рыболов знает, что упущенная рыба, самая тяжёлая из тех, что когда-либо поднималась вашей удочкой; конечно, я мог неверно оценить размеры моего кабана и поэтому не прошу никого верить в его огромные размеры, хотя сам в них не сомневаюсь.

Едва ли стоит удивляться тому, что кабаны вырастают здесь до невероятных размеров, ведь их никогда не беспокоят и в изобилии имеются все любимые виды пищи. Леса полны всевозможных плодов, собираемых только медведями и кабаном; на каждом склоне холма есть участки папоротника, корнями которого питается кабан; в определённое время года он находит множество рыбы, выброшенной на берег, и тогда устраивает настоящее пиршество. Что же касается каштанов, то некоторое представление об их обилии можно составить из того факта, что, стоя сегодня на коленях в одном случайно выбранном месте, я набил карманы, ни разу не изменив своего положения; и всё же их единственное применение — прикормить дикого кабана, сжирающего их с шелухой, или более привередливого Бруина, который ест ядра, а шелуху оставляет на своем пути.

Однажды днём я заметил старого медведя, пробиравшегося сквозь завесу колючей лозы вверх по скользкому склону холма. От выстрелов он с яростным рёвом опрокинулся и, кувyrкаясь, понёсся мимо меня вниз по склону с такой скоростью, какой он никогда бы не до-

стиг при обычном способе передвижения. Увы, когда мы попытались найти его у подножия холма, где он должен был лежать, там никого не оказалось; хотя собаки взяли след, им помешал большой ручей, который он пересек, и мы вернулись с пустыми руками.

Дважды за этот день я был очень близок к большой дичи и ничего не видел. Оказавшись в зарослях, откуда выскочил старый кабан, я даже не думал о скором возвращении, как вдруг снизу раздался звук ружья Степана и резкий лай молодого пса, что подсказало мне о каком-то происшествии.

Прямо на меня, вверх по склону холма, неслись собаки, я стал лихорадочно искать дерево, с которого можно было бы наблюдать за приближающейся дичью, не опасаясь быть растоптанным. Но в пределах досягаемости не было даже пня. Вокруг меня был, пожалуй, ярд открытого пространства, за которым шиповник образовывал стену, непроницаемую везде, кроме небольшого отверстия, образованного старой кабаньей тропой, куда я вошёл. Выбираться оттуда через единственный видимый выход, стоя на четвереньках задом к приближающемуся врагу, казалось неразумным;

Внезапно, хотя собаки были ещё только на полпути к вершине холма, медленно пробираясь сквозь почти непроницаемые для них, также, как и для нас, заросли, я услышал рядом с собой тяжёлое дыхание, наполовину вздох, наполовину фырканье, а затем тихое шарканье в укромных уголках чащи. Почти сразу же за этим последовало ещё одно сопение, и я понял, что медведь намеренно ходит вокруг меня, вероятно, пытаясь выбраться по той дороге, по которой я вошёл. Было бы предпочтительнее оказаться в другом месте, я знаю, что Бруин, загнанный в угол — страшный враг; я ожидал, что, когда собаки придут на место происшествия, он уйдёт по собственной тропинке, посчитав меня за обычное

препятствие на своём пути, я ни на минуту не усомнился, что это именно тот зверь, которого разбудил лай.

Пока я стоял в ожидании, прелестная дикая кошка с тонкой коричневой шерстью, разлинованной почти так же, как у тигра, прокралась змеей через отверстие, совершенно не обращая на меня внимания, и исчезла в кустах за ним. С минуты на минуту ожидая медведя, я отпустил кошку и сразу же пожалел об этом, потому что наша стая с непрерывным лаем выскочила на открытое место, и, обезумев от злости, помчалась за котом, не обращая внимания на более крупную дичь поблизости. Потом, при осмотре мы обнаружили, что там действительно был медведь, но ушёл одной из скрытых тропинок, которыми были прорезаны все заросли. Собаки загнали кошку на дерево, и мы провели наш обеденный час, выкуривая её оттуда.

В другой раз я слишком близко подобрался к большой дичи в рододендроновом кустарнике, когда наши собаки, облаяв кого-то на другой стороне холма, торопливо пробирались туда. Я услышал справа и слева от себя чьё-то сопение и топот и, резко рванувшись вперед, чуть не налетел на что-то, приближавшееся с другой стороны. Если бы заросли рододендрона не были такими высокими, я мог бы увидеть свою цель и отлично повеселиться; как бы то ни было, я почти десять минут рыскал по кустам, ожидая, что вот-вот наткнусь на медведя, который, вероятно, так же сильно боялся столкновения, как и я.

Усталые и счастливые, после хорошего охотничьего дня, во время которого развлечение в виде бега наперегонки с собаками оказалось приятным разнообразием по сравнению с обычным бесшумным преследованием, мы направились домой. Собаки, наконец, держались у наших ног. Когда мы спустились на равнину к старому врагу, заснеженному Головинскому ручью, взошла туманная и тусклая луна, совы начали странно ухать; за-

тем, повинувшись внезапному порыву, собаки покинули нас и вновь разбудили эхо ночным хором, достойным адской стаи охотника на демонов. В лоскутном одеяле лунного света мы мельком увидели, как кто-то бежит впереди собак, и с радостью присоединились к погоне, от волнения забыв о своей усталости.

После десятиминутной охоты в зарослях шиповника они загнали зверя в густой кустарник, где несколько больших деревьев заслоняли серебристый лунный свет, создавая непроглядную тьму. Эту часть леса была излюбленным местом отдыха медведей по ночам, так как избобиловала их любимым шиповником, и потому мы действовали с некоторой осторожностью, а выйдя из лунного света в темноту, шли плечом к плечу, буквально ощупывая дорогу ружьями.

Собаки, как я и ожидал, были прямо у наших ног, и сидели, подняв головы под высоким деревом, на одной из ветвей которого я едва различил в лунном свете нарост, бывший, как мне подсказывал опыт, дикой кошкой.

Стрелять из ружья при луне не так легко, как днём; и, хотя кошка упала, не думаю, что она сильно пострадала; вероятно, её вообще не задело, просто она была сбита с ног сломанным суком. Несмотря ни на что, спустившись вниз, она раскидала собак направо и налево и снова скрылась в чаще. Ещё долго, выкуривая последнюю трубку, мы слышали, как они играли свою «музыку» то ли над ней, то ли над случайно встреченным несчастным шакалом.

Наш знаменательный день с собаками был последним, когда удача улыбнулась нам в Головинском. С этого дня дела становились всё хуже и хуже. Больше кабаны не попадали под наши ружья, а на диких кошках и свежем медвежьем мясе даже черкес вряд ли прокормится. Когда же закончился наш запас медвежьего мяса, и оста-

лась только шкура, мы пришли в отчаяние и, услышав о местечке милях в десяти от Головинского, где водилось много кабанов и которое в последнее время никто не тревожил, наняли у казаков двух лошадей и, взяв одного из них проводником, отправились туда попытать счастья. Как обычно, проводник знал дорогу не больше нашего, поэтому мы потратили почти весь день на то, чтобы добраться до цели, и, прибыв туда, не нашли не только никаких следов хижины, о существовании которой нам рассказывали, но и каштановых лесов.

Прибавьте к этому, что несмотря на красоту пейзажа, превосходящую Головинский, трава через каждые сто ярдов становилась всё пышнее и пышнее. А когда мы поднимались по долине, туман, стоявший вокруг белой стеной, менее чем за четверть часа промочил нас до нитки.

Не покажется таким уж странным, что, потратив весь день, чтобы добраться туда, я тотчас же отдал приказ о контрмарше, посчитав, что провести одну ночь в этом логове лихорадки было бы, конечно, опасно и, возможно, смертельно для некоторых из нас.

Как показали последующие события, я был не так уж неправ, ибо на следующий день, несмотря на поспешное отступление, Степан и казак металась в жаре, а у меня был приступ сильной усталости и головной боли, которые, если бы я поддался, вероятно, привели бы к тому же самому. Степан сказал мне, что погода становится опасно знойной, поднялся восточный ветер, который на Черноморском побережье всегда является предвестником беды для черкесов. Говорят, что лихорадка никогда не приходит, когда ветер дует с моря; но, появляясь из-за холмов, захватывает своих несчастных жертв.

Когда мы сегодня взбирались на холмы или поднимались вверх по водотокам, порывы холодного ветра на минуту затихали, и на нас обрушивался мягкий горячий

воздух, словно только что вырвавшийся из жерла какой-нибудь печи. Затем свежий ветерок снова сдувал его. Горячие порывы повторялись с большими промежутками в течение всего дня и были, как уверял меня Степан, верными предвестниками лихорадки. Так ли это было на самом деле или нас до такой степени напугала его паника, я не знаю, но на следующий день мы сильно заболели. У Степана была настоящая лихорадка, и он, как все русские и черкесы, сразу слёг, не сопротивляясь.

Я где-то читал о докторе с африканского побережья, который заставлял больных лихорадкой отвлекаться на какую-либо работу, после чего лихорадка оставляла их. Я должен от всей души поблагодарить этого доктора за пример, ибо я действовал, как мне казалось, по его принципу, и, выбрав самый суровый участок местности, который я знал, в одиночку отправился на охоту с собаками. Сначала меня шатало, мои колени подкашивались при каждом шаге. Я был болен, плохо видел, у меня кружилась голова, и чувствовал себя хуже, чем когда-либо раньше, даже первых полмили Россальской «бумажной погони» в детстве; но постепенно всё улучшилось, как это всегда бывает, если вы не останавливаетесь, и я с удовольствием стряхнул с себя лихорадку, никогда больше не вспоминая о ней, хотя и провел несколько дней в Потти, о котором барон фон Тильман говорит в своей превосходной книге о Кавказе, что «ни один европеец не провел там и ночи, чтобы не заболеть лихорадкой».

Я твердо убеждён, воздержание от воды во время охоты или во время путешествия надёжно защитит от лихорадки, и если, несмотря на это, туманы и озноб на болотах вредны для здоровья путешественника, то хорошая порция сильных физических упражнений, предпринятый сразу же при появлении лихорадки, искоренит болезнь.

То, что туземцы болеют, не вызывает удивления. Они живут очень бедно, англичанин умер бы от голода, ес-

ли бы жил в таких условиях. Они спят в испарениях, пронизывающих человека насквозь, как дождь, и, что ещё хуже, во время охоты или в пути при перегреве и переутомлении они ложатся у каждого ручья и пьют, как голодный скот. Своё освобождение от лихорадки я объясняю тем, что никогда не прикасался к кавказской воде для питья, кроме одной чашки чая утром и одной ночью не пил в течение всего дня; хотя мой язык иногда пересыхал и, казалось, почти гремел во рту, привычка вскоре позволила мне обходиться без воды, не испытывая дискомфорта.

Хотя я сам избежал болезни и полагаю, при подобных предосторожностях иностранец вполне может провести некоторое время на Кавказе и спастись, особенно уехав отсюда поздней осенью и вернувшись к концу марта, не могу назвать Кавказ, особенно Черноморское побережье и окрестности Екатеринодара и Кубани, иначе как рассадником лихорадки. Там, где растительность столь же густа и часты и обширны болота, как вокруг Поти и Ленкорани на Каспии, летнее время опасно даже для самых благоразумных.

Ещё два или три дня после посещения долины тумана и лихорадки я продолжал охотиться около Головинского, несмотря на то, что Степан был слишком болен, чтобы мне помочь. Но день за днём всё сильнее убеждался в том, что если мне не удастся проникнуть в лес глубже, чем раньше, то мои усилия будут напрасными. Поэтому я принял решение вернуться на Геймановскую дачу, в старые развалины, где я добыл своего первого кабана на этом берегу, и, проведя там несколько дней в поисках раненной мной пантеры, вернуться в Туапсе, а оттуда в Керчь. К этому меня подталкивал целый ряд причин, среди которых отнюдь не последней была пустота нашей кладовой.

Вот уже больше недели основную часть моего рациона составляли каштаны, хлеба не хватало, а мяса не бы-

ло. Часто по ночам мне приходилось затягивать пояс, чтобы уменьшить вакуум, который я никак не мог заполнить. Но это метод, идёт вразрез с природой, и я с жадностью стремился вернуться хотя бы в Туапсе.

Часть 9. Возвращение в Керчь

Назад на дачу Геймана — Медведи — Охотничье оружие Степана — Путешествие в Туапсе — Восхитительный обед — Беседа с губернатором — Насекомые — Немецкая ферма — Опасное приключение — Свадебный пир — Отъезд из Туапсе в Екатеринодар — Ярмарка в Крымской — Русские разбойники — Крестьянки — Опасности дорог — Недорогое путешествие — Екатеринодар — Столовая в гостинице «Петербург» — Казначейство — Скачки — Поверженный соперник — Кавказская рыба — Прибытие в Керчь.

О моем втором посещении дачи Геймана я скажу очень мало, так как, хотя это и интересно для меня, для читателя это повлечёт за собой лишь много повторений. Я добыл двух медведей, из которых один, как я полагаю — самый крупный экземпляр бурого медведя, которого я когда-либо видел; его голова, препарированная Бертоном с Уордур-стрит, теперь находится в моей библиотеке и никоим образом не противоречит моему описанию. С кабанами у нас было не так уж много толку, но мы, по крайней мере, сделали достаточно, чтобы получить свежий запас мяса, хотя и самого грубого сорта. Однажды ночью я послал Степана обратно вдоль берега по его собственной просьбе, чтобы он привёл своих собак из села Головинское.

Это был ночной марш-бросок в десять вёрст. Когда он вернулся на следующее утро, я пожалел, что не сопровождал его, так как по дороге он встретил в разных местах двух медведей, которые ночью, по-видимому, были гораздо смелее, чем днём. Он выстрелил в одного из них и промахнулся. Зверь обернулся и стал искать источник шума. Если верить Степану, он mauvaisquartd'Neure

(франц. — пережил неприятную минуту), неподвижно стоя за большой корягой, а косолапый сидел и высматривал его. Однако ветер был для медведя неподходящий, и в конце концов он двинулся дальше, оставив Степана идти своим курсом. Степан твёрдо решил никогда не стрелять в медведя ночью, в одиночку и будучи пешим — к этому решению он благоразумно пришёл, когда через полчаса встретил другого медведя, идущего со стороны его собственной дачи.

Вернувшись домой, Степан обнаружил, что собаки ушли в казачью станицу, а в их отсутствие медведи спустились с холмов, чтобы навестить его, опрокинули ульи и даже сломали дверь хижины. Сам я сомневался в том, что казаки не опередили медведей в этом погроме, но так как это был ущерб, который нельзя было исправить, то мало имело значения, кто виноват.

Возвращаясь серым утром, у Степана был шанс добыть морскую выдру, которую он подранил и упустил. Я думаю, что о Степане будет справедливо сказать, что с хорошим ружьём он не был таким уж необычайно плохим стрелком, как можно было бы предположить по его постоянным промахам. Однако то оружие, которым пользовался Степан, убедило бы любого охотника, что находиться с ним рядом — это главная опасность на охоте.

Способ заряжания ружья у Степана тоже был любопытен: две пули — одна обычная, другая измятая в рванный кусок свинца — снаряжались с усиленным зарядом пороха; таков был его обычный заряд. Но в этот раз к нему прибавили ещё заряд пороха и дробь на фазана, чтобы избавиться от необходимости извлекать первый заряд, а на другой день положили ещё одну пулю на всякий случай. Удивительно, что это ружьё не оказалось более смертельным для самого Степана, нежели для старой медведицы, в которую он всадил это необыкновенное «ассорти» из пули и дроби!

Но теперь я должен был попрощаться со Степаном, чьим последним долгом было достать мне лошадь с ближайшей казачьей станицы, чтобы перевезти меня и мои медвежьи черепа в Туапсе. Я простился со своим слугой с искренней доброжелательностью, ибо, хотя он и был плохим проводником и ещё худшим охотником, он был верным, услужливым парнем и честным до крайности.

От дачи Геймана до Туапсе, говорят, всего тридцать восемь вёрст; но дорога по гальке у подножия утёсов была такая плохая, что мне потребовалось двигаться с восьми утра до шести вечера, чтобы проделать этот путь. Я не останавливался даже для того, чтобы поесть, но неуклонно ехал верхом среди скал и валунов с татарским седлом, натирающим ноги. Жаркое солнце лилось на серые утёсы, пока всё не стало казаться белым жаром, и вся жизнь, казалось, замерла, за исключением мириадов ящериц, которые упивались яростным солнечным светом у подножий. Но всему должен быть конец, и в шесть часов вечера я уже отдыхал на телеграфной станции. Передо мной был сытный обед и бутылка пива, которое если и не было Басским, то, во всяком случае, имело некоторое слабое сходство с любимым напитком британцев.

В воскресенье утром, 9 ноября, я получил вежливое послание от губернатора Туапсе, в котором он предупредил меня, что, поскольку Кавказ всё ещё находится на военном положении и порядок ещё не совсем урегулирован, я должен сделать ему одолжение, а именно — не останавливаться ни в каком черкесском ауле. Если же я пренебрегу этим предупреждением, то за моими речами и действиями станут следить. Более того, он просил, чтобы я прекратил охоту в его округе.

Это звучало грозно. Однако, побеседовав с губернатором, я нашёл, что он вовсе не склонен быть грозным, и действительно, его единственным желанием было

не допустить, чтобы я попал в неприятности, вмешиваясь в политику. Хотя в то же время губернатор, очевидно, имел собственные мысли относительно истинной цели моего визита на Черноморское побережье, так как он, как и все другие русские, которых я встречал, казалось, не мог поверить, что кто-то может посетить далёкую страну только ради развлечения. Несколько раз я получал предупреждения от различных английских резидентов на Кавказе, что меня подозревают в том, что я являюсь британским агентом, и поэтому я был полностью описан полицией и находился под тщательным наблюдением.

К несчастью для меня, судно заходило сюда только по средам, так что у меня было три утомительных дня, чтобы провести их в Туапсе.

Один из них я провёл в гостях на горной ферме, принадлежащей немецкому барону, и работал с двумя его управляющими, молодыми немцами. Здесь я увидел коллекцию насекомых, собранных на ферме, и среди них узнал, помимо упомянутых мною ранее видов, обе британские разновидности бабочек с ласточкиным хвостом, маленькую древесную белую, мраморную белую, бирючину и слоновую ястребиную моль, а также «мёртвую голову», которая здесь в изобилии водится. Там были также дубовые яйцеголовые и оленьи жуки, а также ещё один ястреб-мотылёк нежного палевого цвета, который показался мне странным.

Возвращаясь с горной фермы, я попал в переделку, которая могла закончиться очень плохо. Дорога на ферму, расположенную на большой высоте над морем, зигзагообразно петляет вокруг пропасти. Крутая и неровная дорога с нависающими опушками леса время от времени проходит по грубым деревянным мостам, перекинутым через пропасти значительных размеров. При дневном свете эти пропасти и их деревянные мосты не так опас-

ны, потому что хотя мост и дрожит, когда по нему проезжают дроги, вероятность несчастного случая невелика, пока вы и лошадь можете видеть, куда идёте.

После дневной охоты я задержался у молодых немцев допоздна, чтобы разделить с ними вечернюю трапезу, так что уже стемнело, когда я готовился ехать домой. Я рассчитывал на луну, но так как ночь была ненастная, то меня постигло разочарование, но я всё-таки тронулся в путь на молодой лошади почти в полной темноте, ещё и не зная дороги. Однако немцы утешили меня, сказав, что дорога в Туапсе — единственная от их фермы, и от неё нет ответвлений; кроме того, лошадь знает путь.

За ужином управляющие рассказали мне, что один из них, ехавший в Туапсе за несколько недель до моего приезда, был атакован каким-то животным с деревьев, нависавших над тропой; и, хотя света было недостаточно чтобы различить зверя, парни предположили, что это была рысь или леопард. Не слишком огорченный этой опасностью, но обеспокоенный мостами, я пустился в свой одиночный путь. Всё шло хорошо, пока я не оказался на полпути к реке, которая отделяет Туапсе от подножия холма. Затем, когда я добрался до самой тёмной части дороги, где деревья нависали над ней больше всего, моя лошадь внезапно повернула назад и попыталась бежать домой.

Несмотря на все мои усилия, я некоторое время не мог привести её дальше определенного места; и когда наконец я задействовал каблучки и хлыст, она внезапно бросилась прочь и, закусив удила, помчалась изо всех сил галопом от этого места к Туапсе, или, вернее, к реке, которая дала этому городу название. Было бесполезно пытаться остановить этого зверя со сжатыми зубами при помощи слабой узды, и, мчась в темноте по самой неровной дороге, я мог только сидеть неподвижно и надеяться, что проницательность лошади спасут её шею и мою собственную.

У меня не было времени нервничать, когда мы пересекали первый мост, который, казалось, раскачивался, когда мы мчались по нему. Пара прыжков, и мы были на другой стороне. До следующего моста мой разум мучили видения лошадиных копыт, соскальзывающих с моста на одном из столбов, и неизбежного падения, которое должно было последовать. Но у лошадей замечательное зрение, и если их предоставить самим себе, то они видят так же хорошо в тёмную ночь, как и их всадники днём. Несмотря на то, что там был мост, мы вскоре оказались по грудь в воде и, наполовину вплавь, наполовину вброд, благополучно добрались до другого берега.

Среди прочих событий, которые помогали мне скоротать время в ожидании парохода в Туапсе, был и свадебный ужин крестьянина. На самой церемонии я не присутствовал, но предполагаю, что она была такой же, как и все другие венчания в греческой церкви, с венками, надетыми на головы главных участников и символическим завязыванием платка.

Ужин и его церемонии были мне чужды. Во время празднования вошла счастливая пара, но не для принятия участия в веселии вместе с остальными, а просто для совершения определенных действий. Первым делом было принять благословение от стариков. Так они и поступили, обратившись поочередно к каждой из четырёх сторон света. После того, как были принесены закуски, всем, кроме жениха и невесты, подали по очереди бокал вина или крепких напитков, пирог и цветной носовой платок.

Пирог вы съедаете, носовой платок кладёте в карман в качестве свадебного подарка от «новобрачных» и выпиваете вино; но если вы пьёте его с определённым умыслом, то можете открыто, не чувствуя себя виноватым в грубости, заявить, что оно кислое. При слове «горько» (или «кисло») несчастные жених и невеста должны были прилюдно обменяться объятиями, и это случалось так

часто, как вы предпочитали повторять свою жалкую шутку. В обмен на пирог, вино и платок каждый гость должен был положить на поднос для молодой пары какой-нибудь свадебный подарок. В этот раз подарки делались от каждого деньгами.

После завершения этих церемоний главные персонажи удалились, оставив гостей развлекаться. На этой свадьбе, казалось, был целый хор старушек, занятых пением, танцами и всякими шутками. Эти отвратительные бабули снискали благосклонность гостей, а также бесчисленные подношения чистой водки, распевая мрачные песнопения, кои для моего необразованного уха более подходят для похорон, нежели для свадьбы.

Всё это они дополняли непристойными выходками и большим количеством грубого шутовства. Единственным музыкальным инструментом был тот, который пользовался большой популярностью среди класса «мужиков» — я имею в виду концертину¹. Что же касается других гостей (ибо я предполагаю, что старухи были приглашёнными, а не наёмными шутами), то они уселись за стол, чтобы спокойно поесть и выпить, и так хорошо справились с возложенной на себя задачей сделать из себя зверей, что свадебный ужин продолжался до утра третьего дня. Пьяная гармония наконец была нарушена тем, что один напившийся избил девушку, а другой разбил бутылку о голову первого, и в этот критический момент вмешался закон и взял званый ужин под своё покровительственное крыло.

В среду, 13 ноября, я с удовольствием стряхнул с ног прах Туапсе и, сев на один из пароходов русской компании, благополучно добрался до Новороссийска.

¹ гармонь

Я был вынужден вернуться в Екатеринодар, чтобы забрать свой багаж и получить все письма, которые могли бы прийти ко мне во время моего пребывания в Голловинском; и, желая увидеть как можно больше мест Кавказа, я решил отплыть в Новороссийск и оттуда по суше отправиться в Екатеринодар. Я не думаю, что моё беспокойство было вознаграждено, так как местность, через которую я проезжал, была не очень интересной и больше походила на окрестности Темрюка, чем Туапсе.

В Новороссийске я нанял четырехколёсную телегу с двумя лошадьми и возницей, чтобы добраться до Екатеринодара и по пути заехать в Красный Лес. Расстояние составляло 114 вёрст. С учетом остановок, маленькие охотничьи лошадки с тяжёлой телегой проделали этот путь за 33 часа. Удивительно, как русские лошади нетребовательны к пропитанию: ни одна из лошадей в пути не получила ни зёрнышка.

По дороге в Екатеринодар мы остановились в большой станице Крымской. По-моему, первоначально это была казачья слобода, и здесь мы встретили ещё одну из тех ярмарок, на которых русский мужик всё покупает и продает всё, с чем он хочет расстаться в течение года. Я забрел на ярмарку, пока поили лошадей, и увидел там смешение всех кавказских рас, отличавшихся друг от друга не только разнообразием живописных костюмов, но и бесконечным числом повозок и вьючных животных.

Модные дрожки, дроги из грубых брёвен, перевязанных верёвкой, неуклюжие фургоны, тяжёлые повозки, лёгкие телеги, похожие на огромные корзины на колёсах, почти шести футов высотой, и дом на колёсах, который мингрельцы называют арбой, — всё это было выстроено в ряд, образуя улицы ярмарки. Вокруг стояли животные, которые влекли их — от козла

до верблюда, от пони до упряжки из шести серых волов.

Лавка — это просто полотнище холста, расстеленное на земле, возможно, под частично перевёрнутой тележкой, а некоторые — под более претенциозным навесом. На холсте разложены товары торговца, в то время как сам он по большей части сидит, скрестив ноги, посередине. Самые большие лавки или, вернее, киоски, это обычно те, в которых продаются иконы, или изображения святых, на которые у благочестивого русского крестьянства имеется огромный спрос. Как правило, это безвкусные изображения Богородицы или одного из святых, заключённые в глубокую медную рамку, с большим количеством мишуры и аляпистых украшений вокруг. Их можно найти в каждом мужицком жилище. Перед такой иконой русский мужик читает свои простые молитвы Богу, ночью и утром, стоя с непокрытой головой, склонив голову около одной минуты, выглядя при этом довольно серьёзным. Около иконы всегда горит свечка.

Рядом с продавцом икон вы обнаруживаете если не глазами, то носом, продавца шуб, потому что эти овчинные одеяния чрезвычайно сильно пахнут. Рядом, среди толпы самых уродливых старух (здесь я не имею ввиду русскую «бабушку»), стоит коробейник, торгующий вязальными спицами и прочим хозяйством. Должно быть, им трудно работать из-за шума, который они производят, потому что звуки этой торговли заставили бы замолчать утренний Вавилон Биллингсгейта.

Позади ярмарки на равнине разведён длинный ряд костров, на которых татары жарят пикантный шашлык (кебаб). Это буфетное отделение ярмарки или, по крайней мере, часть его; другую часть можно найти за маленькими квадратными столиками на каждом углу, сервированными грязной бутылкой и двумя ещё более грязными стаканами, за которыми стоит мужик в крас-

ной рубашке, а вокруг него пьяные Иваны да Степаны обнимаются и дерутся или спорят и ругаются, ибо русский никогда не дерётся так, как наш английский ко-столом.

Никогда, хотя может быть это слишком сильно ска-зано, но за три или четыре года моего пребывания в России, хотя я и знал людей, убитых средь бела дня на базаре, я не видел ярмарки без одного или двух рядов настоящих кулачных боев. Русский громко орёт и обла-дает бездонным репертуаром брани, который он иногда дополняет готовыми изобретениями, но редко выходит за пределы определённого набора слов.

За этими же столами часто можно встретить *Машу*, скромную крестьянскую девушку, а также «старуху»; и когда они берут свой стакан, то берут его аккуратно, и так же ловко, как мужчины, опрокидывают одним глотком.

Русские крестьянки трудолюбивы, бережливы и вста-ют раньше всех, обыкновенно ещё до рассвета; но увы, слишком часто их можно застать лежащими на спине мертвецки пьяными на улице по утрам. Это, по крайней мере, относится к Крыму и Кавказу. Я могу говорить только о том, что видел.

На Крымской ярмарке я обнаружил выставочную будку, а так как выставочные будки не каждый день встречаются в таких местах, то я приступил к её иссле-дованию. Грубый шатёр со странными изображениями животных, грубо нарисованными на нём, служил постоянным местом представления. Вокруг него постоянно рыскал рыжебородый перс с длинной палкой, чтобы стукнуть по головам нищих мальчишек, которые, не имея возможности заплатить за вход, старались удо-влетворить своё любопытство, украдкой приподнимая уголок парусинового покрывала, скрывавшего тайны внутри. Избегая палки этого чиновника, я заплатил два-

дцать копеек (около шести долларов) и вошёл. Кроме меня, там был ещё один зритель, и, убедившись, что это самая большая аудитория, которую он мог получить, джентльмен с палкой любезно последовал за мной и приготовился к выступлению, предоставив маленьким мальчикам тем временем смотреть как можно больше.

В палатке, несмотря на всю её грандиозную рекламу, всё представление состояло только из трёх маленьких обезьян, привязанных к ящику и пытающихся добратся до двух львиных шкур, натянутых на вертикальные палки.

Эти персидские львы были славой шоу, но недавно покинули эту жизнь, не оставив ничего их скорбящему владельцу, кроме глупо выглядящих шкур, которые я теперь мог созерцать. После демонстрации некоторых огнеглотательных трюков и заклинания змеи, перс объявил представление оконченным; и после того, как я вызвал у него негодование, показав ему, что знаю всё о способе обезвреживания его смертоносных змей, я поспешно удалился, чтобы со мной не случилось чего похуже.

Осмотр ярмарки был прерван появлением моего кучера, объявившего, что лошади готовы к отъезду. Я заметил, что он казался встревоженным и таинственным, поэтому спокойно последовал за ним и попросил объяснений, когда мы выехали за город. Тут он признался, что в последнее время около Крымской было совершено два или три убийства на большой дороге; что присутствие такого скопища головорезов всех рас, как на ярмарке, отнюдь не способствовало безопасности дороги, и что он торопил меня покинуть ярмарку потому, что хотел уйти незамеченным до наступления темноты.

Со времени моего отъезда из Крымской и до прибытия в Екатеринодар я не слышал ничего, кроме историй о грабежах и убийствах, некоторые из которых, как мне кажется, были в значительной степени правдивы, хотя

и то, что многие из них были преувеличены, вполне естественно. Но едва ли стоит удивляться тому, что в таком нецивилизованном, полуосёдлом районе, как Кавказ, совершается много подобных преступлений, когда даже в Крыму, куда более цивилизованном и находящемся под властью закона, дорожные убийства и грабежи случаются и в городских кварталах.

Самое худшее в этих разбоях на российских почтовых дорогах — это то, что вы никогда не можете быть уверены, что ваш ящик не в стоворе с разбойниками с большой дороги; на самом деле, я слышал, как русские говорили, что это было почти всегда так.

Однако мы добрались до конечного пункта нашего путешествия целыми и невредимыми; но я благодарен за единственный несчастный случай, который только помог нам быстрее двигаться вперёд. Это была просто погоня, устроенная какими-то разъярёнными мужиками, в чью повозку мы врезались и сильно её повредили, когда, как обычно в таких случаях, мои ящики ответили им проклятиями и спаслись бегством. Такой тряски я ещё никогда не испытывал, но даже это я простил телеге, так как она доставила меня в Екатеринодар на полчаса раньше, чем я должен был приехать.

Чтобы дать некоторое представление о дешёвизне здешнего путешествия, скажу, что сумма, которую я заплатил крестьянину за то, что он довез меня за 114 вёрст от Новороссийска, составляла 14 рублей, а это по тогдашнему курсу (десять рублей за фунт стерлингов) было бы 1 фунт 8 центов английскими деньгами. Обед, который я съел по дороге в духане маленькой деревушки, через которую мы проезжали, состоявший из супа, курицы, чёрного хлеба и чая *ad libitum* для меня и моего кучера, вместе с сеном для лошадей, стоил 55 копеек, то есть около 1 доллара 1 цента. Если бы я ехал почтой из Новороссийска, то заплатил бы на треть меньше за своих ло-

шадей и ехал бы быстрее, потому что всю дорогу у меня было бы много лошадей, а не одна пара; но тогда я не мог бы свернуть с пути или остановиться там, где мне хотелось.

Приехав в Екатеринодар, я очутился в самом разгаре политической дискуссии за столом, где, между прочим, познакомился с неким Лорис-Меликовым, плантатором с Кавказа и, кажется, братом диктатора¹. Помня добрый совет князя Воронцова, я старательно избегал втягиваться в разговор, пока речь шла о политике, хотя некоторые вещи, которые эти полуобразованные офицеры с удовольствием говорили об Англии и её премьере (Лорде Биконсфилде), трудно было оставить без ответа. Однако офицеры не могли бы сделать ему большего комплимента, чем невольно сделали из-за ненависти, которую они выражали; и, утешая себя этой мыслью, я ел свой обед с аппетитом, не омрачённым презрением, которое они с удовольствием выражали к нации, управляемой евреем.

Эту фразу они постоянно бросали в мою сторону, считая горьким позором, что наш премьер-министр был иностранцем, и совершенно забывая, что не только один государственный чиновник, но и две трети их высших должностных лиц, фактически, почти весь мозг их страны, являются иностранцами и главным образом той расы, которую они больше всего ненавидят, а именно немцами.

Легко представить, что я скоро устал от общества в екатеринодарской гостинице «Петербург», и рано утром по приезду я был в казначействе, подавая прошение о проездном билете. Конечно, мне пришлось ждать

¹ Возможно, автор путает происхождение Лориса Меликова с его прозвищем «диктатор сердца»

больше получаса, пока клерки заполняли половину листа бумаги с несколькими подписями и моим собственным именем, и я имел возможность наблюдать некоторые заметные черты в этой общественной должности.

Большинство клерков курили папиросы (те, кто не курил, вероятно, не имели табака); никто из них не пользовался промокательной бумагой, а вместо этого либо промокал свою рукопись на побеленных стенах, либо посыпал её песком из одной из многочисленных старых коробок с сардинами, поставляемых, по-видимому, бережливым правительством для хранения этого ценного товара. Все они отхаркивались со свободой и частотой, если не с точностью пресловутого янки. Почти у каждого были какие-то украшения, и все они были в форме.

Но «подорожная» наконец была готова, и, вооружившись ею, я снова отправился в Керчь. На дороге эстафеты лошадей были реже, чем обычно, и в одном месте меня предупредили, что на следующей станции будет только одна эстафета, и поздравили почтмейстера (старого знакомого) с тем, что он успел её получить. Пока он говорил, русский офицер, имевший такой же пропуск, как и мой, и услышавший ту же историю от ямщиков, сделал энергичные усилия, чтобы выехать первым. В этом он потерпел неудачу, и я начал с опережением в полверсты или больше. Но вскоре он оказался в поле зрения, и, к моему ужасу, я обнаружил, что он, заплатив дополнительно, получил ещё одну лошадь, и таким образом управлял четырьмя против моих трёх, что было серьёзным преимуществом на этих ужасно тяжёлых дорогах.

Дорога была длинная, почти двадцать вёрст, и, пообещав моему кучеру большой *pour-boire* (франц. — чайные), если мы приедем первыми, я так разохотил его, что не прошло и десяти вёрст, как наш соперник снова скрылся из виду. Когда стемнело, я устроился поудобнее

на своём тюке соломы и, благодаря долгой практике, несмотря на тряску, крепко заснул.

Но вдруг я вздрогнул и проснулся. Эти проклятые колокольчики, которые носят лошади, казалось, окружали меня; в то время как мои собственные лошади яростно трясли ими впереди в последней отчаянной борьбе за лидерство, четвёрка моего соперника торжествующе звенела ими позади, когда он на мгновение нагнал нас. Наши лошади были смертельно избиты, и каждое усилие, которое они делали, почти отрывало колёса от тяжёлой глины. Четвёрка прошла мимо нас в темноте с насмешками ямщика. Но они тоже были сыты погоней по горло, и так как огни почтовой станицы уже были видны, то довольствовались тем, что держались прямо перед нами, двигаясь, как и мы, почти шагом.

Меня осенила блестящая мысль. Если обе «подорожные» имеют одинаковую срочность, то лошадей получает первая представленная из них. Мы были уже в нескольких сотнях ярдов от станции. Тронув своего кучера за спину, я велел ему не обращать на меня внимания; затем, сбросив с себя накидки, с проездным билетом в руке, я соскользнул с тарантаса в грязь и сделал значительный крюк, чтобы быть незамеченным, что, благодаря темноте и торжествующим победу соперникам, было нетрудно. После я побежал изо всех сил и, прибыв значительно раньше русского офицера, сдал свою подорожную и получил свежую упряжку прежде, чем мой соперник вошёл в контору.

Когда он встретил меня выходящим, его лицо было приятно наблюдать; но, когда я объяснил ему, как я поступил с ним, он принял это поражение как мужчина и пригласил меня разделить с ним корзину провизии и бутылку вина, прежде чем расстаться. Надеюсь, ему не пришлось долго ждать лошадей.

На пароходе, который доставил меня из Тамани в Керчь, был груз рыбы для керченского базара, пойман-

ной в озере между Таманью и Темрюком. Это были по большей части карпы, огромные молодцы весом от 25 до 30 фунтов, и один из рыбаков сказал мне, что они часто ловили до 40 фунтов в весе. Были там и осетры из устья Кубани, пойманные, как они говорили, в силки, что-то вроде наших обыкновенных кроличьих силков, когда они, как свиньи, рылись носами по дну ручья.

Были также *судак*, превосходная рыба для стола, и отвратительный сом — самая крупная, по-моему, из кавказских пресноводных рыб. Этот усатый водяной дьявол играет роль щуки в кавказских озёрах и реках, питаясь всякой другой рыбой и вообще всем, что он может найти. Из того, что я наблюдал, я должен сказать, что щука была редка на Кавказе, так как только один раз видел её, и то очень маленький экземпляр, вблизи Каспия.

Уродство сома привело изобретательный ум русского мужика к созданию всевозможных легенд о нём, таких как то, что он хватал за ноги лошадей и скот, когда они переходили броды, возле которых он лежал; и даже то, что он схватил и тем самым утопил человека при сходных обстоятельствах. Они также рассказывают о его росте до огромных размеров; один русский полковник, чей дом находится в Красном Лесу, утверждал, и часто сообщалось, что он застрелил одного сома из ружья на Кубани, где она проходит через Красный Лес, и вроде как рыба весила более 200 фунтов. Боюсь, это очень похоже на вес рыбака.

Каких ещё чудесных историй о чудовищах озёрных и речных я бы услышал, сказать не могу, ибо пароход был пришвартован к керченской пристани, и среди сердечных поздравлений полудюжины друзей моё второе путешествие по Кавказу подошло к счастливому концу.

Часть 10. Тифлис

Русско-турецкая война — Сухуми — «изобилие» дичи — Потти — Мои попутчики — Охота в Кутаисе — Прибытие в Тифлис — Гостиницы и другие особенности города — Британский консул — Шарманчики — «счастливый день» — Привычка пить — Местные вина — Немецкие поселенцы — Охотничья экспедиция — Караван — Караязская степь — Страна беззакония — Лихорадка — Охота на антилопу — Неприятное приключение: бег за жизнью — Раненая антилопа — Львы Тифлиса — Музей и базар — Гимназисты — Обилие мундиров и орденов — Явления русской жизни — Покупка проездного билета — Восхождение профессора Брайса на Арарат.

THE BAZAAR, TIFLIS.

Я прибыл в Керчь в самый подходящий момент, ибо в день моего приезда маленький городок встречал одного из героев турецкой войны, и так как он был моим старым другом, я явился на встречу, чтобы принять участие в веселье. Мы с моим другом были приглашены на большой ужин, состоявший из всей молодой крови Керчи, и вместе принимали почести: он как воин, а я как охотник, оба только что с общего поля славы и неудач в Азии.

О турецкой войне наш друг мало что мог сказать, кроме того, что неудачи казались ему более опасными, чем сам бой, так как турки были ужасными стрелками, и, хотя они были превосходными артиллеристами, ни один из их снарядов не разорвался. Это я часто слышал и до этого, и после.

Прибытие в воскресенье старого парохода «Коцебу» положило конец всем этим радостям, и, отвергнув массу приглашений от моих гостеприимных друзей в Керчи, я снова отплыл на Кавказ.

От Керчи до Поти мы проделали прекрасное и приятное путешествие по морю, спокойному и тихому, как озеро, вдоль берега, где далёкие горы переходят в близкие холмы, а те в свою очередь спускаются прямо в воду. От черты, где они касаются подошвами волн, уже начинается лес, который одевает их до самой вершины.

26 ноября в Сухуми небо было голубым и безоблачным, многие деревья всё ещё были покрыты зелёной листвой, часть диких роз была в полном цвету, а температура держалась как летом в Англии.

Однако сам Сухуми, несмотря на прекрасную погоду, представлял собой жалкое зрелище. Дома по большей части превратились в руины; город был полон солдат, разбивших лагеря среди развалин и делающих беспорядок ещё более хаотичным; сады уже наполовину скрылись в дикой растительности; великолепные аллеи из *bignoniacatalba*, некогда украшавшие город, были без-

жалостно вырублены, хотя я думаю, как дрова они бесполезны. Исчезла даже церковь, и я почти не видел женщин. Улицы повсюду заросли белладонной, одним из самых распространенных здесь сорняков.

Пока я размышлял об опустошённости Сухуми и собирал его дикие розы, свисток парохода неприятно резал слух, и мы с моим другом едва избежали того, чтобы остаться здесь на неделю, а к концу этого времени, я думаю, Сухуми нам изрядно бы надоел.

На пароходе я встретил некоего полковника Г., очень известного и успешного охотника не только на Кавказе, но и во всей России. Он провёл три года между Эльбрусом и Сухуми и посвятил много времени охоте, но признался, что ещё очень мало знает об этой стране. Он считал, что здешние места богаче дичью, чем любая другая часть Кавказа, и если под дичью мы подразумеваем только крупную дичь, то я полностью с ним согласен. На сравнительно небольшой площади он или сам добывал, или видел зубра (русский бык), оленя (русский изюбрь), косулю, сибирского горного козла, серну, горного барана (тур), леопарда, рысь, выдру, медведя (как он тоже сказал, как минимум двух видов), шакалов, и здесь, и только здесь — чёрного волка. Это зверь, о котором я часто слышал на Черноморском побережье, но никогда не видел. Вероятно, он лишь малочисленная разновидность обыкновенного волка, но судя по частым упоминаниям о нём, более-менее распространённая здесь.

По словам моего друга, лучшие места с зубрами находятся между реками Псебай и Верхний Зеленчук. Полковник Г. рассказал мне о другом животном, которое, по его словам, существует на Кавказе, на реке Кубани, а именно о бобре. Но так как я никогда не слышал о существовании бобра ни от уроженцев кубанского округа, ни от русских и иностранных натуралистов, с которыми

я впоследствии встречался, то думаю, что это последнее утверждение доблестного полковника должно быть принято *cumgranosalis* (*лат.* — с оговорками).

Приехав в Поти, я нашёл очень хорошую для такого города гостиницу, управляемую услужливым старым французом, и, хотя Поти практически построен на болоте, лихорадка не коснулась меня.

Здесь меня встретил англичанин, который в то время исполнял обязанности вице-консула Великобритании, а сам служил агентом в крупной английской лесопромышленной фирме. Этому джентльмену, мистеру Кэрроллу, я очень благодарен за его полезные советы относительно моего путешествия. Древесина, которую он в основном вывозит с черноморского побережья, это, по его словам, бук, растущий в большом количестве в окрестных лесах; а также кап орехового дерева — нарост, по виду похожий на огромный гриб, но твёрдый, образованный красивой зернистой древесиной, из которой вырезают тонкие слои, используемые в Англии для шпонирования. Стоимость поиска и транспортировки этих материалов из лесов в глубине Кавказа до Поти при затруднённом сообщении, делает их чрезвычайно дорогими.

Из Поти в Тифлис я ехал с двумя англоговорящими попутчиками — немецким помещиком и английским горным инженером, направлявшимися в имение первого близ Кутаиса в поисках угля, которого там, как предполагалось, было много. Уголь, как они говорили, весь хорошего качества, в пластах значительной толщины.

Инженер, который много повидал на Кавказе, уверял меня, как и многие другие, что в большинстве небольших речных русел между Батуми и Туапсе, несомненно, есть золото, хотя и не в таких больших количествах, чтобы иметь какое-либо серьёзное значение.

От Поти до Риона пейзаж не очень привлекателен, первая часть представляет собой просто просеку через болотистый лес, где растительность так густа, что препятствует развитию составляющих её деревьев; следовательно, она имеет жалкий, чахлый вид, и кроме того, способствует лихорадке. В Рионе, однако, нас ободрил вид великолепных заснеженных вершин вдаль; и вот, встретившись с правительственным лесничим, которому я рассказал свою историю скитаний в поисках дичи, я был уговорён остаться и пострелять несколько дней в окрестностях Кутаиси.

Отыскав местных лесничих, старшим над которыми был мой друг, мы приготовились к любым чрезвычайным обстоятельствам посредством неизбежного в таких случаях чаепития с «папиросами» (сигареты), а затем поехали в имение князя Мирского, где и провели ночь. Утром мы отправились на охоту и добыли несколько косуль. По татарскому обычаю, как только этих животных убивают, туземцы едят их почки, ещё тёплые и сырые.

Мне посчастливилось добыть очень большого волка в качестве своей доли в общей добыче. Он показался мне очень красивым парнем, когда я впервые увидел его с передними лапами, поставленными на старый пень, красивой шерстью, свирепо глядящего через плечо в направлении потревоживших его визжащих собак. Мне показалось, что он больше склонен драться, чем бежать. Его шерсть была того странного цвета, который я так часто замечал у крымских зайцев примерно в одно и то же время года — серебристо-серая, переходящая в разных местах в нечто вроде розового.

Поблагодарив моих друзей за эту забаву и подумав, что совершенно чужой человек в Англии вряд ли встретил бы такое гостеприимство, я на следующий день снова отправился в Тифлис. Вторая половина путешествия была гораздо интереснее первой: местами пейзаж напо-

минал Швейцарию. Старый город Сурама — одно из самых живописных зрелищ на пути: огромные развалины замка простой архитектуры, стоящего на небольшом возвышении, с домиками его вассального городка, похожими на цыплят под тенью его крыльев. Станция, которая является концом железнодорожного пути из Поти в Тифлис, ни в коем случае не является Тифлисом, как я выяснил, но расположена довольно далеко от окраины немецкой колонии, которая образует продолжение Тифлиса за Курой.

Тифлис, увиденный с дрожек после долгого и скучного путешествия, даже при свете звезд — это зрелище, которое нельзя забыть. В какой-то момент вы чувствуете, что город, в котором вы сейчас находитесь, настолько отличается от всех, которые вы видели раньше, насколько это возможно. Несмотря на присутствие Великого Князя и маленькой немецкой колонии, европейская цивилизация всё ещё чужая на улицах Тифлиса. Татарин, грузин и перс — все они естественны и соответствуют этому месту, но вдруг мелькнувшие среди них высокие шляпы с Бонд-стрит или русская униформа совершенно не гармонируют с окружающей обстановкой.

Когда мы пересекали мост через Куру, навстречу двигалась длинная вереница верблюдов, и я был очень впечатлён, впервые увидев этих странных мягконогих чудовищ, шагавших по безмолвной, освещенной звездами улице, с головами почти на одном уровне с крышами одноэтажных домов. То и дело издавая низкий рёв, они покачивались со своими тюками, как маленькие башни, немые и бесшумные, словно призраки.

В первую ночь в Тифлисе мне некогда было восхищаться и удивляться живописному смешению людей и вещей вокруг. Всё моё время было более чем заполнено охотой за отелями. Ни в одной гостинице города не было свободных номеров, хотя за ночь я посетил больше го-

станиц, чем когда-либо на всём Кавказе. Дело оказалось в том, что назавтра генерал-лейтенант собирался уезжать из Тифлиса, и весь свет Кавказа собрался в городе, чтобы проститься с ним.

Наконец я нашёл место в самой худшей комнате самой худшей гостиницы, высоко между стропилами, поддерживающими крышу, без всякой мебели. Даже кровать оказалась всего лишь кушеткой, на два фута короче моих ног. Однако если ночью у моей комнаты были свои недостатки, то днём она имела свои преимущества, потому что утром вид с моего четвёртого этажа (я думаю, единственного четвёртого этажа во всём Тифлисе) был великолепен.

Город расположен на берегу пересекающей его Куры, широкой реки с крутыми берегами. Над её тёмными водами возвышаются ярусы домов с плоскими крышами и балконами, где дамы летними вечерами дышат свежим воздухом и курят папиросы, если мужья не могут позволить себе отвезти их на фешенебельный летний курорт в горах.

Местами прекрасные современные здания европейского типа нарушают однообразие азиатского пейзажа, а на улицах великолепные экипажи контрастируют с грубыми бревенчатыми повозками на огромных деревянных колесах, медленно тащимыми непослушными буйволами. Верблюды жалостливо смотрят на вас сверху кроткими, печальными глазами; казаки и джентльмены в модных парижских костюмах толкают друг друга на мостовой; на углах улиц сидят свирепые фигуры с усами длиной в несколько дюймов, в головных уборах из овчины, буквально в четверть их роста, занятые мирным занятием — вышиванием туфель или подушек, которые впоследствии выставляются на продажу в абхазских сералях, стоящих бок о бок с магазинами, торгующими товарами с парижских бульваров; и повсюду

в этой странной мешанине скользят грузинские женщины в белых шарфах, которые больше напоминают простыни, обёрнутые вокруг их голов, открывающие только лица и несколько дюймов многоцветной тубетейки.

То тут, то там можно увидеть тифлисского водоноса, ведущего лошадь, нагруженную бурдюками с драгоценной жидкостью; перса, торгующего ястребами, или группу сванов в тубетейках из белого фетра.

Однако, когда я впервые выглянул со своего высокого наблюдательного поста на следующее утро после приезда, Тифлис едва проснулся, и описанные мною выше сцены были видны лишь частично; остальное постепенно появлялось по мере того, как день разгорался.

Когда в шесть часов утра я сидел на балконе со стаканом чая и плотным хлебным кольцом, которое здесь называют «бублик» и которое составляет обычный завтрак русского человека, внизу на улицах шевелились только дворники и несколько неуклюжих крестьянских повозок, въезжавших на базар. Я был рад покинуть свою комнату, когда улицы оживились, и отправиться на поиски чего-нибудь похожего на английский завтрак, прежде чем приступить к делам; и, хотя в столь ранний час мне с трудом удалось уговорить официанта снабдить меня чем-нибудь более сытным, чем хлеб, я в конце концов добился успеха в одном столичном отеле (название которого, к сожалению, забыл), который с тех пор стал моим домом.

Моей первой задачей было, конечно, найти нашего английского консула — обязанность, которая, если бы путешествующие англичане всегда соблюдали её, существенно способствовала бы их комфорту. Кроме того, это элемент вежливости, которым не следует пренебрегать.

Для лондонца, не знающего дороги, первое, что приходит в голову — это окликнуть извозчика, на которого

он смотрит как на верного лоцмана. Руководствуясь верой в безошибочное топографическое знание этого племени лихачей, я подозвал дрожки и, тщательно объяснив кучеру, куда мне нужно ехать, сел в кабину, полностью доверившись руководству моего лоцмана. Быстро забыв обо всём, я погрузился в созерцание сцен на улицах, по которым мы проезжали.

Более дикой мешанины, чем Тифлис, быть не может. Здесь нет двух одинаковых домов, нет двух групп сплетников, говорящих на одном и том же диалекте; на каждой улице мелькают десятки костюмов, принадлежащих разным национальностям; и, как я впоследствии выяснил, вы можете, покинув эти главные улицы, погрузиться в другой мир, настоящий Вавилон, свернув вниз к реке и выйдя на базар.

Лавок там много, и все они хороши; одна из лучших в городе принадлежит шотландцу. Наиболее привлекательными для европейцев являются те, где продают персидские работы, подушки, ковры и оружие. При совершении покупок в них, однако, также хорошо взять с собой друга, который знает кое-что о товарах, предлагаемых к продаже, а также их приблизительную стоимость и уловки их продавцов. Будучи докой в этом, приобретая предметы для курения, я потратил едва сотню фунтов вместо примерно 250, которые первоначально просили продавцы за каждую вещь! Ничто так не раздражает иностранца, как эта вынужденная торговля перед каждой покупкой.

Но вернемся к моему извозчику. Проехав по всему Тифлису, по главной улице, по трущобам, которые в конце концов заканчивались пустынными холмами, и по площадям, где не было выхода и ничего, кроме магазинов, окликнув и обратившись с расспросами к нескольким десяткам прохожих, он остановился и с большим самодовольством сказал мне, что англий-

ского консула нет, но что он найдет мне двух или трех других консулов, французских, немецких и т. д. На мгновение я растерялся, не зная, что делать, так как хозяин гостиницы не дал мне нужного адреса, а теперь, когда мой извозчик подвёл меня, я не знал, куда ещё обратиться. Но увиденный поблизости телеграфный столб вдохновил меня. Там, где стоят эти высокие и стройные столбы, поблизости должен быть англичанин или немец, и, велев своему извозчику ехать вдоль телеграфа, я вскоре нашёл всё, что мне было нужно, а также доброго друга в лице начальника телеграфистов господина Гюнцеля.

Наш консул, как я выяснил, был как раз тем человеком, который мог мне помочь — старым индийским офицером и охотником, которому были вполне понятны все мои желания. Капитану Лайаллу я многим обязан за его постоянную помощь и гостеприимство. С ним и господином Гюнцелем я провёл следующие несколько дней, посещая тифлисских сановников, являя им свои рекомендательные письма и собирая все сведения о Ленкорани и тамошней дичи.

За исключением князя Гагарина, бывшего когда-то губернатором Ленкоранского округа, все мне говорили, что там водится много крупной дичи, а тигры — обычное явление. Увы! Я слушал многих и, несмотря на голос предчувствия, закрыл уши для одного.

Один русский джентльмен, к которому я зашёл, показал мне письмо, только что полученное от англичанина, занимавшегося написанием монографии о крокусах, с просьбой помочь ему раздобыть некоторые луковицы этого цветка, предположительно существующего в Ленкорани. Я сделал всё возможное, как обещал моему другу, чтобы раздобыть несколько луковиц во время моего пребывания у Каспия; но так как на земле не было листьев, а туземцы не обращают никакого внимания

на цветы и не отличают их друг от друга, то моя попытка потерпела полное фиаско.

Количество музыкальных инструментов на улицах Тифлиса наводит на мысль, что его население очень музыкальное. Мой старый враг, шарманка, очень популярна здесь, особенно в немецкой колонии. Армяне, по-видимому, очень любят её, и за время моего короткого пребывания в Тифлисе я дважды видел дрожки, в которых гуляли армянские пары, с шарманкой и шарманщиком. Инструмент играл изо всех сил, а пассажиры ехали с сияющими лицами, ясно свидетельствующими, что они делают правильные вещи, поэтому без стеснения гремели по улицам.

Кто знает местных, скажут вам, что это их любимое занятие — напиться как следует и нанять шарманщика на весь день. Его заставляют играть, пока празднующие не посетят такое количество кабаков по дороге, что уже не способны сесть в дрожки, а затем, сойдя в любимом питейном заведении, они сажают своего шарманщика на стол, рассаживаются вокруг и под звуки любимого инструмента предаются объединённым чарам Вакха и Аполлона.

На следующее утро они возвращаются домой из сточной канавы с сознанием того, что провели счастливый день так, как полагается, и считают память о нём предметом гордости. Странно, но в России и здесь простые люди завидуют пьянице, а не жалеют его. Быть пьяным является для них в высшей степени желательным состоянием, и стыда за это они не испытывают. Самый известный англичанин, когда-либо живший и путешествовавший среди кавказских племён, был обязан своей популярностью исключительно тому огромному количеству крепкого напитка, которое он мог выпить, не причинив себе никакого вреда. Черкесы также обладают почти невероятной способностью пить

большое количество вина без какого-либо видимого ущерба.

Лучшее местное вино, или, вернее, одно из лучших вин этой страны — Кахетинское, как красное, так и белое — достойно восхищения и превосходит любое из импортных вин, которые можно встретить в Тифлисе. Есть ещё одно вино, которое особенно любят дамы — «Донское». Это что-то вроде Мозеля, красного цвета и невыносимо сладкое на вкус. Тифлисцы пьют водку и грубое местное вино в своих кабаках и духанах, а также низкосортное пиво, очень сладкое и больше похожее на мёд, чем на какой-либо из современных напитков (*видимо, речь идёт о медовухе — прим. ред.*). В самом Тифлисе полно пивных, но они существуют скорее для военных и немцев, чем для туземцев.

Германцы, я думаю, очень непопулярная нация и на Кавказе, и в России, не из-за какого-либо врождённого порока их натуры, а из-за того, что, будучи более цивилизованными, чем их соседи, они совершенно отказываются смешиваться с ними, живут отдельно в своих колониях, со своим собственным обществом, школой и церковью, процветают больше, чем другие поселенцы, и своей степенной трезвостью и упорядоченной, бережливой жизнью составляют контраст с окружающими, слишком благоприятный для них самих, чтобы быть приятным их соседям. *Nemets* и *colbasnik* — болван и колбасник — вот те прозвища, которыми их награждают.

На четвёртый день после моего приезда в Тифлис, город, несмотря на его новизну и постоянно меняющиеся пейзажи, начал надоедать мне, и я с некоторым трудом организовал охотничью экспедицию в соседнюю степь Караязы. Здесь Великий Князь устраивает охотничьи вечеринки с большой добычей, хотя празднества такого рода, как можно предположить, значительно мешают делу. Но, увы! Для нас не существовало никаких царских лесов

с бесчисленными загонщиками и огромным количеством кабанов и высоких благородных оленей. Нашими охотничьими угодьями были обширные степи за пределами заповедников, где в основном собираются антилопы (*subgutturosaе*) и головорезы, разыскиваемые правительством в Тифлисе.

Итак, рано утром, когда звёзды уже собирались уходить на дневной отдых, а в небе только-только начинал пробиваться слабый розовый свет, наш отряд выехал из Тифлиса: английский консул и я верхом, остальные — на колёсах. Наш путь лежал через татарский базар, где огнебородые персы и хитрые армяне уже были на ногах, а затем через широкую Куру, и через земли, которые без искусственного орошения этой Курой были бы совершенно бесплодны. По дороге мы встретили причудливую кавалькаду, если это можно назвать кавалькадой, поскольку там была только одна лошадь — огромный караван ослов, коричневых и белых, числом в несколько сотен, часть из которых везла тюки с товарами, а часть — их владельцев.

То тут, то там среди отряда прогуливалась чёрная коническая палатка, то есть, ничего не было видно, кроме палатки с четырьмя тонкими ножками, трусившими под ней. Это был татарин или перс на осле, с буркой на шее, свисающей свободными складками до колен животного и полностью скрывающей его и всадника. Караван направлялся в Персию, и был единственным, который я видел, хотя караваны верблюдов и повозок часто встречаются между Батуми и Тифлисом.

Караязы, или «чёрное лето» — название, которое эта степь заработала от чрезмерной вирулентности лихорадки, свирепствовавшей там после введения искусственного орошения. Она находится в тридцати пяти или сорока верстах от Тифлиса и, кроме того, что содержит заповедник Великого Князя и убежища тифлисских разбойни-

ков, является жилищем для нескольких групп татар и одного немецкого плантатора.

Именно к дому этого последнего мы повернули наших лошадей, после того как переправились через широкие тёмные воды Куры. Вся дорога между Тифлисом и переправой была голой и неинтересной: справа — низкие серые холмы, казавшиеся высохшими и безжизненными, у ног — серая пыльная степь, а слева — голые некрасивые берега, где то тут, то там сидели огромные стервятники, сытые и угрюмые. У переправы полоса невысокого леса придавала пейзажу некоторое разнообразие, но он остался позади, как только мы миновали реку; а вдалеке во все стороны простиралась ровная степь, настолько лишенная сочной травы, что казалась чем угодно, только не приятными пастбищами для многочисленных стад овец и антилоп, которые бродили по её просторам.

Час езды верхом в тщетных попытках разглядеть антилоп, в места обитания которых мы вторглись, привёл нас к каналу с мостом и сторожевой будкой или чем-то в этом роде; и как только мы перешли мост, крик дюжины кур и появление нескольких татар возвестили нам о прибытии к конечной точке нашего путешествия. Навстречу вышел сам плантатор — молодой парень, говоривший на многих языках, как и на своём собственном, простой мальчишка среди самой отвратительной шайки рабочих, которую когда-либо видел человек, но управлявший ими настолько хорошо, что его предприятие окупалось.

Его дом был простой хижинкой, совершенно лишённой каких-либо удобств и изысков той цивилизации, в которой он, по-видимому, вырос; и его дело действительно должно было быть прибыльным предприятием, которое соблазнило бы человека вести ту жизнь, которую вёл наш друг Адольф. Тифлисское правительство

назначило его мировым судьёй, наделив исключительными полномочиями и привилегиями; но, как он сам сказал нам, он был судьёй только по названию, неспособным применить меру, которую он мог бы счесть необходимой, совершенно бессильным наказать или приговорить к наказанию. Адольф настолько привык к злу, которым был окружён, что стал совершенно невосприимчив к нему. Убийства, конокрадство и прочие преступления происходят почти ежедневно. Как бы открыто ни было совершено преступление, его невозможно осудить, так как никто не смеет свидетельствовать против лиц, совершивших его, прекрасно зная, что в этом случае пострадавший будут жить в ежечасной опасности для своей жизни.

И даже в тех редких случаях, когда преступления были полностью доказаны и преступники благополучно доставлены в Тифлис, их снова отпускали на свободу под тем или иным предлогом, так что даже само название правосудия теряло в этой стране всякий смысл. Шесть или семь лет, в течение которых Адольф жил в Караязы, у него один раз подстрелили лошадь, в другой раз пуля пробила бурку, а в третий раз, когда он ехал в Тифлис, пуля, выпущенная из винтовки скрытого убийцы, сломала челюсть сопровождавшему его слуге. Если при исполнении своих судейских обязанностей он станет противен кому-либо из соседей, то его лучшие лошади будут изувечены, скот перестрелян, а дом сожжён.

Труд здесь так дорог, а рабочих так мало, что он не может позволить себе выбирать наёмников, и даже если человек приходит к нему под полицейским конвоем, он должен взять его и быть довольным. Таким образом получается, что его работники — самые отъявленные негодяи Тифлиса.

Одного человека, который был моим проводником, разыскивала тифлисская полиция за убийство, и речь,

произнесённая моим хозяином, как нельзя лучше иллюстрировала полное беззаконие Караязы. «У нас часто бывает баранина, — рассказал он, — но, поскольку у меня нет овец, и я не покупаю её, я не знаю, откуда она берётся; думаю, некоторые из моих работников крадут её. Набеги на овец и крупный рогатый скот — обычное дело, и между деревнями часто происходят бои с грабежами. Украденный скот обычно перегоняют через реку и продают в Елизаветполе. Я полагаю, что каждая деревня ответственна за проступки её жителей, и таким образом соседи преступника до некоторой степени превращаются в полицейских — любителей, которые наблюдают и сообщают о его деяниях. Но так как преступление редко является результатом деятельности одного человека, то преступник редко попадает в тюрьму; и даже если это случается, деревня платит неадекватный штраф, и на этом всё заканчивается».

Сам Тифлис находится под военным законом, и в тот момент, когда я уезжал в Караязы, трое мужчин были приговорены к смертной казни за вопиющее безобразие, совершённое среди бела дня на улицах. Двое из них должны были быть повешены, а одного, учитывая его дворянское звание и почётную должность, должны были расстрелять.

Рассказы о кавказском беззаконии можно было бы продолжать до бесконечности. Как заметил наш консул, положение страны так плохо, что честный рассказ об этом беззаконии не нашёл бы доверия в Англии. Я хотел бы сказать на эту тему больше, потому что путешественники, которые недавно писали о Кавказе, придерживаясь большей части почтовых дорог и, к счастью, избежав нападений, придавали слишком спокойную окраску описанию страны, через которую они проезжали. В другой раз я мог бы поведать несколько больше о «безопасности» российских почтовых дорог.

То, что лихорадка, от которой Караязы получила свое зловещее название, была чрезвычайно опасной, можно представить из того факта, что в одно лето из деревни с тремя сотнями жителей в живых осталось только девять. Всё это место летом кажется поражённым чумой, и даже река имеет свою болезнь в виде маленького червя, который, зарываясь в кожу тех, кто купается в ней, разъедает целые суставы, пока поражённая часть не высыхает. У одного человека из тех, кого мы видели в Караязы, высохла фаланга пальца, и он приписал болезнь этой причине.

Около десяти часов мы закутались в бурки, поблагодарив звёзды за то, что не остались в Караязской степи, хотя, как охотничье угодье, она во всех отношениях прелестна. Перед тем как лечь спать, нас предупредили, что встать придётся рано. Но благодаря слишком подвижному устройству наших кушеток, мы встали задолго до необходимого времени.

В час ночи туманный воздух кажется холодным и неудобным; мы были рады заняться подготовкой наших лошадей к дневной охоте, и, чувствуя себя слепцами, идущими за слепыми, мы быстро шагали за нашим проводником в окружающую нас темноту. Проехав версты три, которые показались нам тридцатью, мы послушались совета проводника и, стреножив лошадей, закутались в бурки, чтобы лежать в темноте и ждать, пока тусклый свет, пробирающийся над равниной, не покажет нам антилоп, пасущихся в пределах ружейного выстрела. Было слишком холодно чтобы заснуть, и, хотя доверчивые стада не появились с серым рассветом, лежать было тем не менее приятно.

Постепенно вокруг нас из темноты вырастала равнина, более плоская, чем может представить любая фантазия, и ни деревце, ни куст не нарушали однообразия и не давали укрыться ни одному живому существу. Во-

круг плоскости медленно поднималась цепь невысоких холмов с рекой и невысокими горами, идущими под прямым углом к ней; а с двух других сторон до самого горизонта тянулась сплошная степь. И вот мы встали, стряхнули с себя холод и оцепенение, которое он принёс в нашу кровь, и с мечтой о горячей ванне, которой так часто лишали нас обстоятельства, пристегнули бурки к лошадям, вставили патроны в винтовки и, выстроившись в линию, направились через всё ещё тусклую степь к низким холмам за ней.

Когда рассвело, нам начали мерещиться призрачные фигуры, уносящиеся за горизонт в невидимую даль. Наконец, мы ясно различили стадо из тридцати антилоп. Когда они бежали по равнине, задрав короткие жёсткие хвосты, их рога почему-то не были видны издали, они казались мне похожими на больших серых собак, без каких-либо оленеподобных признаков. Как только мы нашли одну группу, вся равнина вдруг ожила антилопами, одни бегали, другие стояли неподвижно, пристально вглядываясь вдаль. Одно дело ждать и желать их увидеть поближе, а совсем другое — своими глазами созерцать такую фантастическую картину.

Постоянно обстреливаемые татарами, преследуемые овчарками, хотя и не пострадавшие ни от того, ни от другого, антилопы были испуганы, как всякое живое существо. О том, чтобы преследовать их, не могло быть и речи, все наши попытки окружить их они делали тщетными, прорывая линию ещё до того, как мы начинали приближаться к ним. Мы не могли подойти ближе, чем на пятьсот ярдов, и после нескольких часов непрерывной погони и нескольких выстрелов на бесполезных дистанциях мой друг Л. почувствовал утомление, бросил это занятие и отправился домой.

К полудню мы достигли невысоких холмов, окаймлявших равнину с той стороны, которая была дальше

от канала и нашего дома, и в своем нетерпении поймать антилопу я обнаружил, что потерял из виду моих спутников с лошадьми. Это меня мало беспокоило, так как я знал обратную дорогу, и если я не найду своих друзей до наступления темноты, то вполне смогу вернуться пешком.

По всей этой равнине близ Тифлиса, да и вообще около любого города на Кавказе, пасутся большие стада овец; в Караязы их пасут татары, чьи загоны и хижины находятся на невысоких холмах, к подножию которых я уже почти добрался, но об этом я узнал позже. Ещё в полумиле от холмов я заметил большое стадо антилоп, скачущих галопом к какой-то цели, для достижения которой им пришлось пересечь линию моего марша примерно в четверти версты впереди меня. Стадо выглядело так, как будто в него недавно стреляли, и некоторые из животных были далеко позади вожаков, которые уже перешли мне дорогу. Надеясь, что эти отставшие не свернут с общего пути, я побежал изо всех сил, чтобы перехватить их, и был вознагражден возможностью два раза выстрелить, но, по-видимому, безрезультатно.

Мои выстрелы не только не затронули антилоп, но и привели меня к неприятному приключению. На некотором расстоянии паслось огромное стадо овец, и при звуке моего ружья дюжина огромных серых собак, охранявших эти стада, бросилась ко мне, громко выражая своё неудовольствие моим присутствием.

Мне и раньше часто досаждали эти несчастные звери в Крыму и в других местах, и я даже видел, как они прыгали в повозку на путника, проезжавшего через одну из татарских деревень, которых там было множество, но никогда прежде собаки не выглядели так серьёзно, как сегодня. Через минуту они окружили меня со всех сторон и, хотя всё ещё держались на почтительном расстоянии, оглушили меня своим жутким лаем, решитель-

но пресекая все мои попытки прорваться сквозь их круг. Подобрал несколько камней, я попытался таким образом освободиться от своих мучителей, но безрезультатно, пока один из них, более крупный, чем остальные, не укусил другого за ногу и не заставил того громко завывать.

Тогда пастухи, которые до этого момента наслаждались травлей чужака издалека, совершенно не заботясь о том, что может случиться с жертвой, подняли крик, и, оставив свое стадо, один из них подбежал к месту действия. Крики пастухов подействовали самым вдохновляющим образом на атакующие силы, которые сразу же сомкнулись вокруг меня, один зверь бросился прямо к моему горлу и встретил ствол ружья в зубах, в то время как другой, более хитрый пёс, схватив меня сзади, сомкнул зубы в одном из сухожилий колена. Это было больше, чем могли выдержать мои плоть и кровь, поэтому вместо того, чтобы переживать понапрасну, я вытащил свой револьвер и выстрелил в двух нападавших; зверь, который укусил меня сзади, получил первую пулю.

От этого вся стая на мгновение отлетела в сторону; поэтому, воспользовавшись случаем, прежде чем они успели снова собраться, я бросился к пастуху и, будучи чрезвычайно раздражен, довольно грубо схватил его за шиворот и дал понять, что, если он не отзовет своих животных и не будет держать их на расстоянии ружейного выстрела, я пушу в него следующую пулю. После переговоров и бурных жестикуляций я захромал прочь, чувствуя себя гораздо менее уверенно, чем полчаса назад, так как я мог не найти лошадь.

Но на этом моё приключение не закончилось. Некоторое время я пытался выслеживать стада у подножия холмов, и в конце концов меня привела сюда антилопа, которая, как мне показалось, была ранена. Следуя за ней, я, должно быть, вернулся на холм, противопо-

ложный тому месту, где произошла моя стычка с собаками, потому что, прежде чем я понял, где нахожусь, я наткнулся на трех татар, сидевших вокруг костра, один из которых был знакомым утренним пастухом. Увидев меня, они вскочили и позвали к себе. Их костёр не был на моем пути, а моя антилопа всё ещё была в поле зрения, поэтому я продолжал свой путь.

Их приглашение превратилось в приказ, но я мысленно послал их подальше, с тревогой высматривая лошадей. Так как я не подошёл, то двое татар подбежали ко мне, а третий с вершины холма издал крик-сигнал, похожий на клич австралийских аборигенов. Моей первой мыслью было встать и сражаться, потому что их намерения были явно враждебными; кроме того, я знал, что они заставят ответить за ущерб, который я нанес их стае, защищаясь этим утром.

Но минутного раздумья было достаточно, чтобы понять: если я не собираюсь пустить в ход ружьё, то мои шансы против этой четвёрки (ибо откуда ни возьмись появился ещё один) будут крайне малы; поэтому я бросился бежать. Поднявшись на один холм и перевалив через его вершину в долину, отделявшую его от другого такого же холма, я бежал от одного холма к другому и третьему... Погоня продолжалась, преследователи увеличивались в числе каждый раз, когда я оглядывался назад, пока, когда я остановился, чтобы посмотреть, не испугает ли их моя винтовка, их стало больше дюжины. Выстрел из ружья остановил их на мгновение или два, но, прежде чем я был уже далеко у подножия холма, с которого стрелял, я услышал, что они снова приближаются.

И тут я почувствовал, что всё действительно очень серьёзно. Я убил их собаку, и поэтому мне нечего было ждать пощады. Я смертельно устал, а укушенная нога делала бег невозможным. У меня было с собой только

полдюжины патронов, я не мог надеяться на хороший бой, будучи так плохо снабжен боеприпасами, и действуя против стольких негодяев, в таком месте, где не было ни камня, ни куста, за которыми можно было бы спрятаться. Я почти не сомневался в том, что они быстро разделаются со мной, если поймают; ссора в их глазах оправдала бы любое оскорбление, а моя хорошая винтовка была бы дополнительным стимулом для них, чтобы упокоить меня навечно.

Но тут меня спас овраг. У подножия небольшого холма, на котором я всё ещё находился, была широкая трещина; я прыгнул в неё, пока мои преследователи были ещё на другой стороне вершины, и, следуя по дну, обогнул немного основание холма и стал ждать. Крича, как демоны, татары перевалили через холм и, к моему бесконечному облегчению, предположив, что я только что взобрался на следующую возвышенность, удвоили свои усилия, чтобы настигнуть меня в том направлении, в котором, как им казалось, я шёл. Когда они скрылись, я повернулся и пробежал некоторое расстояние по своему следу, а затем направился к равнине. Я рад написать, что нашёл там своих друзей и лошадей, и больше не слышал ни собак, ни татар.

День уже клонился к вечеру. Мой друг Г., сильно расстроившись от того, что трудился много часов и ничего не добыл, вернулся к Адольфу. Всё ещё стремясь заполучить хотя бы одну голову в качестве сувенира из Караязы, я взял свою лошадь и проводника, чтобы сделать последнее усилие, прежде чем отказаться от погони.

Я слышал, что, объезжая стадо всё более и более узкими кругами, иногда можно получить возможность выстрелить с более близкой точки, чем можно было бы надеяться. Решив испробовать всё, чтобы добиться успеха, я испробовал этот метод и, проехав столько бесполезных кругов, от которых у лошади закружилась голова, я нако-

нец приблизился на четыреста ярдов к небольшому стаду. Насторожившись, оно уже готовилось убежать, когда, полагаясь скорее на пешее положение, чем на конное, я выскользнул из седла и, учитывая расстояние, выстрелил в ближайшего оленя. От звука выстрела всё стадо обратилось в бегство, а мой олень немного отстал. Почти не надеясь на успех, я снова выстрелил в него, и на этот раз мне показалось, что он пошатнулся, как будто пуля попала в цель. Но он оправился и помчался дальше, а я, поймав лошадь, присоединился к своему проводнику и приготовился вернуться домой с пустыми руками.

Когда я рассказал ему, что кажется попал в последнюю антилопу, в которую стрелял, он настоял на том, чтобы следовать за стадом и посмотреть, не удастся ли нам догнать раненого зверя, который, по его мнению, далеко не уйдёт. И он был прав, потому что, пробежав меньше мили, антилопа упала, и, к моему невыразимому удовольствию, я смог вернуться назад с прекрасным молодым оленем на седле. Обе пули попали ему в спину, но не раздробили ни одной крупной кости.

Несмотря на тяжёлый день и распухшую ногу, я пережил триумфальный момент, когда положил свою с трудом заработанную добычу перед моими скептически настроенными друзьями. Но после того, как все они горячо заверяли меня, что даже за неделю охоты я никогда не получу антилопу без помощи собак, теперь, когда перед ними лежал олень, они утверждали, что это всего лишь удача, и что это будет первая и последняя моя добыча.

Воодушевлённые моим успехом, мы остались в Карязы ещё на день, и тогда же мне снова повезло. После долгого, терпеливого выслеживания, используя единственный слегка возвышающийся холмик между мной и горизонтом, я приблизился на двести пятьдесят ярдов к трём кормящимся антилопам. Одна из них — велико-

лепный старый самец с красивой головой — стоял боком, глядя на меня. Я слышал отчётливый удар своей пули, попавшей точно в цель, и, находясь почти рядом, ожидал увидеть его падение. На мгновение животное рухнуло на колени, а затем, придя в себя, вскочило и направилось прямо к месту моей засады, с ужасающей скоростью миновав меня не более чем в тридцати ярдах. Я выстрелил в него из другого ствола, но, хотя я целился довольно точно, пуля разрежала степной воздух далеко позади. Если бы у меня была лошадь — был бы шанс догнать; но, хотя я и пробежал некоторое расстояние, чтобы посмотреть, не упадет ли моя добыча, после нескольких сотен ярдов мне пришлось отказаться от этой затеи, и в последний раз я видел антилопу в тот день исчезающей из виду с полудюжиной овчарок, следовавших за ней по пятам.

На следующий день мою антилопу нашли лежащей на земле и погрызенной собаками или волками; к счастью, её голова, которую мой друг Льялль раздобыл для меня, почти не пострадала. Пуля «экспресса» попала самцу точно в середину лопатки, расколов её по центру. Непостижимо, как это животное ухитрилось уйти с такой раной.

К вечеру антилопы, которых за последние день-два изрядно потревожили, начали собираться в стаи, и я раза два наткнулся на большие стада, одно из которых насчитывало от 150 до 300 голов. Эти антилопы, я полагаю, не относятся к обычной разновидности, так как встречаются только между Чёрным и Каспийским морями. Рога, изогнутые назад ото лба, отходят друг от друга у основания и снова изгибаются навстречу друг другу на кончиках. От основания до точки, в которой начинается внутренняя кривая, они состоят из поперечных колец. Самая красивая голова из всех, что у меня есть, имеет по двадцать четыре кольца на рогах, каждый

из которых длиной по четырнадцать дюймов. У этой особи морда совершенно белая от старости, все красивые чёрно-коричневые отметины, характерные для молодых самцов, выцвели у этого ветерана. По возвращении в Тифлис я сделал ещё одно открытие относительно этой антилопы, а именно, что из всего мяса, которое я когда-либо ел, её мясо было самое вкусное.

Как и всякая другая дичь, антилопа очень дешёва на базаре, потому что, хотя русские далеко не любители охоты, у каждого крестьянина есть ружьё, и он стреляет ради наживы. Среди русских на севере, я не сомневаюсь, найдется много настоящих охотников, увлечённых людей, которые наслаждаются тяжёлой дневной работой с привкусом опасности и не особо заботятся о полном мешке, если это не связано с их собственным мастерством. Но о русских, которых я встречал за три-четыре года в Крыму и на Кавказе, я не могу сказать этого. Русский, хотя у него всегда есть что рассказать англичанину о приручении фазанов и т. д., по существу является любителем стрельбы в упор, если он крестьянин, или облавы, если он джентльмен. В Караязы (заповеднике Великого Князя) все охоты ведутся методом облавы. В другом крупном охотничьем центре на Кавказе, где князь охраняет охотничий промысел, и где в изобилии водятся дикие овцы и серны, даже серн искусно обманывают, и они становятся жертвами погони. А охота на оленей, как мы ее понимаем, и охота на серн, как её понимают суровые швейцарцы — это спорт, неизвестный здесь никому, кроме дагестанских татар.

Хотя близ Тифлиса имеется обильное количество антилоп, все те, что попадают на базаре, добыты конными татарами, и ни одна из них не бывает добычей русского.

И всё же, по-своему, русские очень любят охоту. Они устраивают праздник и бывают чрезвычайно гостепри-

имны по отношению к незнакомцу, принимая его в свою компанию; но если этот незнакомец страстный охотник и его ум полон видений большой дичи, которую можно найти в её родном укрытии, то вид огромных запасов еды и вина, необходимых для трехдневной кампании, вызовет отчаяние в его сердце. Мне очень жаль это говорить, потому что некоторые русские были очень добры ко мне, но выезд на охоту, как правило, означает здесь повод для необычайного обжорства, которое ведётся с такой скоростью, что, несмотря на огромные запасы, экспедицию завершают уже на второй день, съев и выпив всё без остатка.

Вернувшись с охоты на антилоп в Караязской степи, я должен был провести в Тифлисе четыре или пять дней, дожидаясь, пока все мои бумаги будут готовы для поездки в Ленкорань. Оставив почти всю свою европейскую одежду в Керчи, я был не в том состоянии, чтобы бывать на светских приёмах, поэтому проводил время, осматривая Тифлис и наблюдая за жизнью вокруг меня. Время, потраченное таким образом, не слишком утомляло. Во-первых, я побывал в музее, где профессор Радде самым добродушным образом оказывал почести собравшимся и приумножал интерес к коллекции художественных полотен рассказами о своих путешествиях по Амуру. Изображения природных объектов на картинах удивительно живописны: дикие козы изображены в естественных позах на своих родных скалах, а стервятники объедают мёртвого верблюда даже слишком реалистично. Но одна из самых красивых вещей во всей коллекции — это великолепная люстра из рогов русского благородного оленя в профессорской столовой. При виде этой красоты мне сказали, что в Боржоме, в охотничьем домике Великого Князя, вся мебель целиком сделана из оленьих рогов и других охотничьих трофеев.

После музея самой интересной достопримечательностью для меня был татарский базар. Здесь я намеревался приобрести туземный костюм, в котором мог бы путешествовать, не привлекая к себе особого внимания, как если бы носил европейскую одежду без своей охотничьей молескиновой куртки.

Наш консул любезно вызвался пилотировать меня; но, прежде чем приступить к выполнению такого задания, необходимо было сделать некоторые приготовления, среди которых, пожалуй, главными были огромные сапоги, доходящие выше колен, чтобы мы могли с комфортом пробираться по грязи, и старая одежда, чтобы обмануть алчных армян. Татарский базар — это сеть чрезвычайно узких улочек, лежащих вдоль Куры, на которых торговцы всех племён и народов предлагают свои товары.

Каждая улица имеет свою специфику: одна — сапожная, другая — ювелирная или оружейная; здесь продаются овощи и дичь, там развешаны меха. И эта система имеет свои преимущества, так как вы можете одним взглядом охватить все товары конкретного вида, которые есть на базаре. Весь ассортимент Тифлиса перед вами, и, если что-то здесь недостаточно хорошо для вас, вы не сможете найти лучшего в другом месте.

Но, с другой стороны, соперничество лавочников становится сначала забавным, а затем и опасным. В какой-то момент кажется, что бьющиеся за заказ торгаши вот-вот разорвут вас на куски; в следующий момент они уже готовы вступить в вольную борьбу друг с другом. Но всё постепенно успокаивается, когда, прилепившись к одному магазину, вы просите то, что вам нужно. Появляется требуемая вещь, вероятно, худшая из имеющихся на складе, и владелец нежно и восхищенно подносит её к вашим глазам, изливая похвалы в самых ярких выражениях Востока.

Эта одежда вам не нравится несмотря на то, что подходит для ношения пророком, вы хотите лучшего. Ну, бог знает, что понравится джентльмену! И тогда, как по вдохновению, купец вспоминает какой-нибудь другой образец требуемой вещи и, вынимая его, изливает свою хвалебную речь в терминах, в десять раз более ярких, чем те, которые описывали качества первого.

Демонстрации хлама продолжаются до тех пор, пока вы будете терпеть это, а затем со вздохом мошенник достаёт что-то действительно стоящее. Вы решаете, что это вам подходит, и, спросив цену, быстро получаете ответ, что только ради вас продавец возьмет за него «очень дёшево», что на деле означает двойную рыночную стоимость. Мой друг научил меня следующему шагу в этом процессе, и я должен признать, что он значительно улучшил старую систему моих торгов, которая требует по крайней мере полчаса пререкательств. Нужно просто предложить половину запрашиваемой цены, а получив отказ, развернуться и намеренно выйти из магазина. Торговец отметит каждый ярд вашего отступления новым снижением цены или благовидными предложениями. Не обращайтесь внимания, продолжайте свой путь в упрямом молчании, и шансы десять к одному, что, прежде чем вы исчезнете из виду, мальчик-служка догонит вас и приведёт обратно в магазин, чтобы отдать покупку за полцены.

Одна из особенностей продавцов заключается в том, что они постоянно хотят пожать вам руку, угостить сигаретой или иным способом завязать знакомство со своим клиентом. Когда вы стоите и торгуетесь с ними, они сидят, скрестив ноги, перед открытой лавкой и стараются привлечь ваше внимание к одному или другому из бесчисленных бродяг, которые кишат на узких улочках базара, прося милостыню. Это, я полагаю, дети лавочников, и вы должны бросить им медяк за удовольствие быть обманутыми их отцом.

Эти базарные беспризорники — забавные существа. Низкорослые, ясноглазые, необычайно быстрые и резкие на язык, они не испытывают ни страха, ни уважения к старшим. Губы, которые минуту назад горячо целовали вашу руку за полученный медяк, в следующее мгновение тараторят со скоростью шестидесяти миль в час, ругая какого-то седобородого старца, в столкновение с которым пришёл их владелец. От беспризорников можно слышать довольно оскорбительные речи, но это не вызывает никаких замечаний и никакого наказания.

Я встречал армянских юношей, которые занимались торговлей, один двенадцатилетний подросток имел собственную лавку и, казалось, не мог соперничать с окружавшими его взрослыми мужчинами. Но эти армяне начинают жизнь рано и быстро развиваются, переходя от младенчества к зрелости в одночасье. Мне говорили, что их женщины выходят замуж в двенадцать лет, и я часто видел армянских девушек, которые выглядели довольно взрослыми в этом возрасте.

В одной лавке, которую держал перс, меня чрезвычайно позабавило восхищение владельца бородой моего немецкого друга. Было забавно наблюдать рыжебородого купца в высокой конической шляпе из чёрного фетра, нежно поглаживающего ладонями бороду изумленного немца. Однако я думаю, что украшение моего спутника произвело такое впечатление лишь потому, что показанные нам ковры были «самыми лучшими», а цены «не слишком высокими».

Базарные улицы настолько узки, что в некоторых местах их можно пересечь одним прыжком. Повсюду грязь выше шиколотки. Из-за угла на вас может наехать телега, которую со страшным скрипом тянет понурый буйвол, а если вы избежите этой участи, то наверняка вас собьёт с ног рослый водонос с голыми тёмными ногами, круглой шапочке из белого войлока, распахнутой на груди

единственной рубахе, обнажающей кожу цвета меди и с огромным глиняным кувшином драгоценной жидкости на невытом плече. При этом вы не должны терять самообладания, ибо ударить или толкнуть одного из этих «дворян» в их собственных владениях означает навлечь на свою голову гнев всего базара. Здесь ни у кого нет понятия о честном бое: через мгновение вас будут бить и закидывать камнями так же безжалостно, как валлийца на английском ипподроме; и если вы, полумёртвый, сбежите оттуда без ножа между рёбер, то можете считать себя везунчиком.

Самыми интересными для меня были лавки меховщиков, где я видел много рысьих шкур, привезённых, по их словам, с черноморского побережья, а также оружейные лавки, в которых выставлялись клинки с красивыми рукоятями из чёрного серебра, изготовленные самыми примитивными инструментами.

Купив костюм и насмотревшись на базар, я вернулся в Тифлис, когда улицы были заполнены гимназистами, возвращавшимися из школ. Разница между русским гимназистом и английским школьником так же велика, как разница в климате, в котором они живут. У русских юношей везде один и тот же костюм: синий сюртук с медными пуговицами и полувоенная фуражка. Всей своей осанкой он напоминает маленького старичка, наполовину солдата, наполовину учёного, но в целом — вполне степенного светского человека. Насколько я видел, гимназисты не играют в игры, «медвежьих бои» им неизвестны, как и тот, более суровый вид боя, которым английские школьники развлекаются за часовней; они носят перчатки, если могут себе это позволить, говорят по-французски, хотя плохо подражают французским манерам; русский гимназист, как и немецкий студент, обожает очки, не стесняется дамского общества и курит с той непринуждённой грацией, которой позавидовали бы

первоклассники. Бедняги! Не по годам развитые социальные качества лишают их весёлости и неукротимой энергии, свойственных английским школьникам.

Улицы города повсюду пестрят мундирами: их носят все, от восьмилетнего мальчика до восьмидесятилетнего генерала. Но не пугайся, мирный путешественник Тифлиса! Многие, нет, пожалуй, большинство из этих воинственно выглядящих людей — такие же гражданские лица, как и вы. Это великолепное одеяние, которое, как вы полагаете, должно прикрывать мужественную фигуру лихого кавалерийского офицера — всего лишь официальная одежда телеграфиста или аптекаря. Все эти медали и ордена украшают грудь не боевого генерала, а сытого, довольного портного. Он даже сможет объяснить вам, за что он их получил. Я видел, как на приёме у губернатора грудь одного штатского сверкала медными планками и орденами, но не мог понять причины этого феномена.

В противовес воинственному виду штатских, Тифлис, как и другие города юга России, имеет довольно странные образцы настоящих офицеров. В любой день недели вы можете услышать на бульваре звон шпаги и заметить прекрасную даму, сопровождающую молодого драгуна в полном мундире и с белой тряпкой на шее или лице, словно его одолевает зубная боль. Такую повязку мы привыкли видеть на красных лицах английских посудомоек, но в сочетании с парадным мундиром она кажется странным придатком героического облика.

Русские — непостижимая загадка для иностранца. Они строжайше запрещают ввоз самых безобидных иностранных газет, изымают целые статьи из тех, что рассылаются по почте местным жителям; и всё же книга мистера Гренвилля Мюррея «Русские наших дней» разрешена к продаже, и она так быстро разошлась, что я ни за какие деньги не купил бы даже подержанное изда-

ние Таушниц; а ведь никто не хлещет русские пороки и слабости более правдивой и беспощадной рукой, чем автор этой чрезвычайно умной книги. В каждой фазе русской жизни есть то или иное противоречие. Владелец магазина, который хорошо говорит на полудюжине языков, не может сказать, какую сдачу вам дать без помощи счёта.

Рождённый в дикой, суровой стране, с великолепными возможностями для занятий полевыми видами спорта и с большим количеством мужества и мускулов, чтобы преуспеть в них, русский джентльмен мало заботится об этом, или вовсе не заботится. На юге, что я точно знаю, мало кто, кроме военных, ездит верхом, и они это делают не ради удовольствия; ещё меньше тех, кто хорошо катается на коньках, причём лучшие из них — наполовину немцы из Риги; у русских нет игр, которые соответствовали бы нашему крикету, футболу или теннису. Альфа и омега светских развлечений — танцы и карты. Бильярд, в который играют в России, больше напоминает кегли. Несмотря на пышные одеяния священников и пышность религиозных церемоний, мало кто из образованных русских верит во что-либо, хотя крестьянин так же истинно религиозен, как и любой крестьянин в мире. Литература, которую больше всего читают в России дамы и бездельники — это книжки Поля де Кока и подобных ему французских романистов.

Представители общества чуть выше среднего класса, что означает определенное положение и богатство, не могут жить без духов и косметики; однако в путешествиях, вдали от дома, они умываются как слоны, набирая воду в рот, выплёвывая ее на руки и затем перенося на лицо. Многие презирают носовые платки, используя их разве что для надушивания. Они встречают знакомого мужчину с поклоном придворного Людовика XV и за просто могут плюнуть на ковёр дамского будуара.

Тем временем я прибыл в контору, где продают *подорожные* или проездные билеты, так как на завтра намеревался путешествовать в Ленкорань. За конторкой сидели два клерка в форме, перед ними — счётная доска. Я объяснил, что мне нужно и после десяти минут, проведённых в перелистывании книги тарифов, пререканиях и щёлканьи счётами, мне говорят, что плата составляет девять рублей, и тут же предлагают обратный билет. Если бы я согласился, к чему бы это привело? К новым рассуждениям и более жаркому спору, чем предыдущий. Наконец получен ответ: девятнадцать рублей десять копеек. Мне показалось абсурдным, что обратный билет стоит более чем в два раза дороже, чем прямой, поэтому я отказался и попросил один. Тут начинается консультация, в результате которой с улыбками и извинениями мне говорят, что они допустили небольшую ошибку: одна подорожная обойдётся в десять рублей. «Хорошо, — отвечаю я, — только дайте мне её наконец».

Тут появляется посторонний сотрудник и второй клерк поворачивается к нему, чтобы поболтать и выкурить сигарету с другом, забредшим из другой конторы. Пока эти взъерошенные прыгуны обмениваются замысловатыми поклонами и высокопарными речами, мне приходится копить раздражение в ожидании. Наконец, когда джентльмен в грязной рубашке и похожем на тюремную одежду мундире отвесил последний поклон и пожелал товарищу доброго дня, клерк номер один призывает клерка номер два вернуться к моей подорожной.

Они пересчитывают всё в четвёртый раз и, мило кланяясь и улыбаясь, обнаруживают, что допустили ещё одну невольную ошибку: реальная сумма составляет десять рублей четырнадцать копеек. Чтобы предотвратить дальнейшие расчёты, я протягиваю сторублёвую купюру, и тут возникает очередная проблема: сколько дать сдачи? Стремясь поскорее уйти, я решаю это за них, но встре-

чаю лишь недоверчивый взгляд, а костяшки на счётах дребезжат сильнее, чем прежде.

Наконец они выписывают восемьдесят девять рублей восемьдесят шесть копеек и со вздохом облегчения протягивают мне девяносто рублей, добавив: «теперь мы должны вам восемьдесят шесть копеек». Уже совершенно обессиленный, я возвращаю им одну пятирублёвку. Взамен получаю трёхрублёвую купюру и ещё два рубля, что совершенно не отличается от предыдущей ошибки. Моя совесть снова вмешивается в процесс, чтобы наконец заставить их заплатить только то, что они должны, но получаю на две копейки меньше, ибо, как я ни старался, ничто не могло понудить их быть абсолютно точными.

Радуясь, что наконец-то получил пропуск, я выхожу из кабинета размышляя, сколько же на самом деле стоит пропуск в Ленкорань и не будет ли в конце концов дешевле для России иметь образованных служащих в правительственных учреждениях, даже если придется платить им чуть больше? Я взял на себя труд записать этот инцидент в точности так, как он произошёл, ибо думаю, что меня могут обвинить в приукрашивании картины русского официального идиотизма.

Прижимая к груди подорожную, как знак освобождения от вынужденного пребывания в уже почти ненавистном мне городе, я поехал к друзьям, чтобы проститься и сделать необходимые приготовления к отъезду, отмечая по дороге громкие названия, которыми русские в Тифлисе величают свои питейные заведения. Например, рядом стояли два из них, самой низкой категории — «Райская Роза» и «Новый Мир».

Во время прощания с одним из моих друзей мы заговорили о книге профессора Брайса, с автором которой он познакомился в Тифлисе. Мой друг уверял меня, что никто здесь не поверит в факт восхождения профессора на Арарат: так глубоко укоренилось на Кавказе убежде-

ние, что на Арарат нельзя взобраться, так же как эти люди неспособны судить о ценности слова англичанина. Я был поражён этим замечанием, потому что профессор Брайс пишет в своей книге, что никто из туземцев не верит, что Паррот или Абих когда-либо поднимались на Арарат, и мне казалось символическим, что он тоже разделит их судьбу.

За последние день-два я заручился услугами поляка, бывшего егеря Великого Князя, который был также кем-то вроде помощника птицелова в Тифлисском музее. Поздно вечером моего последнего дня в Тифлисе он явился с узелком необходимых вещей в носовом платке и, передав ему пятикамерное револьверное ружьё, сделанное на основе револьверов Кольта, которое я купил за бесценок, мы с ним легли отдохнуть в последний раз за много недель. Эта винтовка, между прочим, оказалась исключительно точным огнестрельным оружием, единственным оружием, изготовленным на вращающемся принципе, с которым я когда-либо встречался, и о котором так много можно было сказать.

Часть 11. Путь в Дагестан

Старт из Тифлиса — Мой ящик — Повозки для путешествий — Кавказские дорожники — Караваны верблюдов — По унылой степи — Персидский ястреб — Подземные жилища — Стрельба в Кариуре — Елизаветполь — Отвратительное путешествие — Ястребы и скворцы — Бандиты — Борьба с коррупцией чиновников в Тифлисе — Гокчай — Утомительный охотничий день — Страх перед разбойниками с большой дороги — Мой проводник Аллай — Прибытие в Гердаул — Гостеприимные лезгины.

Субботним утром 14 декабря, еще до того как упряжки сонных буйволов поволокли деревенские товары на базар и утих собачий концерт, делающий тифлисскую ночь невыносимой, Иван вернулся после прощания со своей молодой женой, а я уже упаковал последние вещи. Несмотря на ранний час, мой друг Лайялль с сыном уже встали и любезно приветствовали вошедшего гостя, которого перед тем собирались поторопить. Не было и шести часов утра, как стук копыт наших лошадей эхом рассыпался по улицам немецкой колонии.

Рассвет медленно разгорался, когда мы мчались по мосту через Куру, где располагается татарский базар. Холмы чернели и чётко вырисовывались на фоне низких, пушистых облаков золотистого цвета, как волосы английской девушки, а выдающиеся вершины освещались ярко-красным утренним светом.

Накануне наш ящик был на свадьбе своей сестры и посвятил всё утро попыткам избавиться от головной боли, вызванной свадебными торжествами. По древней традиции он лечил подобное подобным. Но к счастью для всех путешественников русский ящик никогда

не ездит так хорошо, как в пьяном виде, поэтому наша *тройка* проворно цокала по улицам между заполняющими их утренними обитателями. Мы мчались галопом между бесчисленными арбами на высоких колёсах, крича, ругаясь, смеясь и поминутно награждая парфянским хлыстом их сонных владельцев. Я не представляю, как мы не переехали ни одного пешехода и не разбили ни одну бричку, потому что эти ямщики на полной скорости входят в самые крутые повороты и, видимо, не боятся ни за свои конечности, ни за жизнь.

Когда мы пересекали базарную площадь, а наш конный эскорт насилу поспевал за нами, на дороге неожиданно возник караван длинноухих животных, которых так любят брайтонские кокни¹. Ямщик завопил, но флегматичные ослы даже не двинулись с места. Тогда последовала одна из самых стремительных атак в истории, в результате чего вражеский строй, обременённый навьюченными мешками, дрогнул и отступил, и хотя потоки брани их ошеломлённых хозяев последовали тут же, они были слишком запоздалыми, чтобы достичь наших быстро удаляющихся ушей.

Перед выездом из города мы встретили группу музыкантов, возвращавшихся с ночной гулянки, которая здесь всегда следует за свадьбой. Они приветствовали нас музыкой, и в целом наш отъезд был полон счастливых предзнаменований. Но для меня они имели мало значения, ибо я сильно тосковал по путешествию, от которого так долго удерживали пустяковые проблемы в Тифлисе, я весь был полон восторга от своей долгожданной свободы.

¹ Низшие слои населения в Англии

На первой же станции мы сменили лошадей, выпили прощальный бокал, расставаясь с друзьями, и приступили к серьёзному делу путешествия.

Тем, кто никогда не ездил по России на повозке, невозможно дать адекватное представление о несчастьях, которые причиняют своим пассажирам неглубокие беспружинные телеги, трясущиеся по неровной колее, которая здесь важно именуется почтовой дорогой. Багаж заполняет кузов, и на нём, подтянув колени, путешественник должен держаться как можно крепче и постоянно напрягать все силы, чтобы удержать своё шаткое положение. Даже туземцы не всегда привыкают к этому способу передвижения и страдают от тряски и других неудобств. Что же касается меня, то я много путешествовал в почтовых повозках и, если не считать отсутствия укрытия в плохую погоду, почти не обращал на это внимания, умудряясь даже спать по дороге, хотя не понятно, как мне удавалось при этом не свалиться.

У первой от Тифлиса станции, на берегу Куры мы увидели большую стаю стервятников, собравшихся возле выброшенной на берег туши. Среди них был один большой чёрный гриф, очень редкая птица, которую я до сих пор тщетно пытался выследить и поймать.

Покинув станцию со стервятниками, мы ехали день и ночь, засыпая каждый раз, когда этого требовал организм. Дорога пролегла по равнине, ограниченной справа горами, а слева — прерывистой линией деревьев, отмечающей течение Куры. На всем протяжении пути шёл ремонт дорог, собравший самых свирепых на вид разбойников, каких только могут произвести народы Кавказа. Я полагаю, что им вполне могут быть приписаны убийства и прочие бесчинства на дорогах, о которых мы слышали.

Вереницы верблюдов, звякая колокольчиками, казалось, тянулись от нас до самого горизонта. Они двигались

как механизмы, а когда мы проезжали мимо, то видели их длинные шеи, раскачивающиеся в такт медленному, мягкому шагу, который своей размеренностью всегда внушал мне мысль о *regretummobile*. До вечера мы несколько раз натыкались на большие стоянки у водоёмов, где отдыхали сотни верблюдов; их огромные фигуры, стоящие на коленях, образовывали четырёхгранный форт, в стенах которого хранились тюки, привезённые ими с далёкого Востока. В составе стен этих «фортов» я заметил несколько белых дромадеров¹, которых, как мне рассказывали, очень ценят за их проворность.

Если не считать верблюжьих караванов и ослов, гружённых углём, встречающихся нам по три раза в день, ибо все они направлялись в Тифлис, да еще нескольких медленно ползущих фургонов с коврами из Шуши и Шемахи, наши первые два дня пути были совершенно неинтересны. Кругом тянулась мёртвая голая степь и унылые склоны холмов, где нет ничего более выдающегося, чем нарушающее монотонность пейзажа заброшенное татарское кладбище с его высокими неубранными надгробиями из белого камня. По мере того как вечер переходил в ночь, дорога петляла среди невысоких холмов, таких высохших и опустошённых, что казалось, будто мемориальные камни, мимо которых мы проезжали в тёмных и безлюдных местах, и без страшных рассказов Ивана довольно напоминали об убийствах и злодеяниях.

До большой станции Акстафа, где от главной дороги между Тифлисом и Шемахой ответвляется несколько различных путей, мы время от времени встречали других путешественников в тарантасах. Покинув Акстафу, мы остались единственными путниками на дороге. Пример-

¹ Одногорбый верблюд.

но в трёх станциях от Елизаветполя мы наткнулись на первый экземпляр персидского ястреба, которого я ещё не видел. Это была большая птица в кожаном колпачке с бубенчиком. Насколько я мог судить издалека, таким же мог быть английский сокол, если бы англичане продолжали заниматься соколиной охотой. Где бы я ни встречал персидское жилище между Тифлисом и Каспием, я неизменно находил ястреба на насесте у порога, а двух его товарищей по охоте — высоких, взъерошенных борзых — греющимися где-нибудь поблизости. Собаки работают с ястребом в начале охоты: загоняют зайцев и выставляют куропаток и рябков.

Жителям этих степей борзые и ястребы служат вместо охотничьего ружья, мало употреблявшегося татарами и персами. Каждый из них носит винтовку — чрезвычайно длинное оружие с крошечным прикладом, меньше человеческого запястья, с кремневым замком, задним и передним прицелами, с небольшим отверстием в каждом, через которые охотник смотрит на свою жертву. Как только вы поймаете антилопу в два прицела одновременно, вы можете быть уверены, что попадете в неё; но ружьё требует большого количества манипуляций прежде чем желаемый результат будет достигнут; и в то же время вряд ли справедливо ожидать, что ваша добыча останется неподвижной. Кроме того, дуновение ветра или капля влаги обеспечат промах. В общем и целом, антилопы здесь находятся в безопасности.

Миновав Красный Мост — место, известное случаями дерзких грабежей на дорогах, мы проехали подземную деревню, вернее, поселение из домов, крыши которых находились почти на одном уровне с землёй. Под этими крышами чаще всего находятся конюшни, в тёмных и плохо проветриваемых берлогах которых люди и лошади живут вместе. Атмосфера здесь хуже лондонского тумана в Ист-Энде, и эти жилища не убивают сво-

их обитателей только потому, что татарин и скакун проводят по меньшей мере восемнадцать часов из двадцати четырех на свежем воздухе внешнего мира. В этом заключается секрет здоровой жизни и железных мускулов всех счастливо избежавших цивилизации детей природы. Их дома, правда, не таковы, чтобы заслужить полное одобрение санитарного инспектора девятнадцатого века; но, с другой стороны, они используют их, как медведь свою берлогу, только как место, где можно лечь спать или лечь, когда болен или ранен. Окна в их представлении совершенно излишни. Они возвращаются домой только потому, что слишком темно, чтобы работать или играть на улице; и никогда утреннее солнце не растрчивает энергию впустую, проливая свет на окна, угрюмо закрытые занавесками.

Мне часто казалось, что если бы эти полувцивилизованные люди любили чистую воду так же, как свежий воздух, они могли бы прожить сколько угодно дней. Холодная ванна никогда не приходит им в голову, если только её не принимают случайно, переправляясь вброд через горный ручей или, вопреки ожиданиям, под небесным душем.

На Караери, последней станции перед Елизаветполем, я остановился немного отдохнуть и позаниматься спортом, чтобы прервать монотонность нашей нелёгкой поездки. Караери — наихудшая станция, какую только можно себе представить: лошади и люди размещались здесь по большей части вместе. Но место выглядело вполне подходящим для охоты, и, действительно, внешний вид нас не обманул. Никогда, даже в хорошо сохранившихся парках и лесах старой Англии я не видел такого количества зайцев. Они вскакивали и разбегались во все стороны на каждом шагу.

Рябчиков тоже было много, но поднять их в воздух было чрезвычайно трудно. Когда они всё же взлетают, то

оказываются прекрасной целью для выстрела, а если уж становятся добычей — очень хороши для стола. Мясо у них самое белое из всех известных мне птиц.

Мы видели дроф и диких уток, потому что местность была полна крошечных журчащих ручьёв. Обилие воды могло бы сделать сельское хозяйство лёгким и прибыльным, но эти естественные преимущества здесь не используются.

Было довольно много антилоп, два или три раза большие серые лисы уходили прочь тем лёгким галопом, который свойственен Рейнаду¹, когда за ним не гонятся собаки.

Почти четверть часа я тщетно пытался выследить стаю крупных красноватых птиц явно промыслового вида с пронзительными голосами, напоминавшими крик кроншнепа. Что это были за птицы, я не мог узнать, так как они были очень пугливы и нигде больше не встречались мне. Татары знали их не лучше, чем мой тифлисский егерь, и я очень сожалел, что не смог раздобыть ни одного экземпляра.

Караери — прекрасное место, чтобы разбить поблизости лагерь, если вы хотите основательно насытить свой аппетит к охоте на дичь и поупражняться с ружьём, проведя день или два в охоте на антилоп; также в сырую погоду, когда земля прилипает к их летящим ногам, вы можете присоединиться к татарам в великолепном галопе с борзыми и с уверенностью в том, что в конце концов поужинаете олениной.

Но большая охота, особенно на антилоп, вызвала бы, как я сразу понял, зависть и неприятности среди наших немногочисленных соседей; поэтому, проведя прекрас-

¹ Рейнард Лис — герой европейских средневековых басен.

ный день, увенчанный разнообразной добычей и, благодаря искусству Ивана, вкусным ужином, я отправился по темноте в Ганжу, так туземцы называют Елизаветполь.

Если какой-нибудь англичанин прочтёт то, что я написал, и, соблазнившись надеждой на успех, пойдёт по моему следу, пусть он последует моему совету. Никогда не верьте никому между Чёрным морем и Каспием; или, по крайней мере, никогда не стройте надежд на заманчивые перспективы, предлагаемые вашему воображению высказываниями туземцев. Для меня Ганжа была страной совершенного покоя, где в действительно хорошей гостинице я мог бы сложить свои усталые конечности и после хорошего ужина забыть на чистых простынях о ранах, нанесённых мне беспощадной тряской дорожной повозки. Я признаю, что видение чистых простыней казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой, но когда я обнаружил, что обитатель лучшей комнаты лучшей гостиницы не получает даже самовара, ибо семья хозяина не может с ним справиться, и не находит лучшей кровати, чем пол и бурка, я действительно почувствовал тщету всех человеческих надежд.

Название Ганжа гораздо лучше подходит для города, чем Елизаветполь. Оно имеет совершенно азиатское звучание, как и город имеет совершенно азиатский вид: дома с плоскими крышами, слепленные вместе, без всякого замысла или логики в расположении; дороги, лишённые тротуаров, где ямы то и дело сменяются камнями; где в одно время вас ослепляют пыльные бури, в другое — по колена засасывают бездонные болота грязи; открытые канализационные стоки вдоль обочин и достаточное количество деревьев, растущих где попало, чтобы обеспечить лихорадку в должное время года. В городе не было ни одного приличного дома, и ничто: ни искусство, ни природа, не могло привлечь или задер-

жать путешественника. Здесь есть большой базар, под чем-то вроде аркады, состоящей из ряда куполообразных крыш; персидские ковры, овечьи шкуры и сушёные фрукты составляют основные товары. Под одним куполом трудятся сапожники, под другим снимают мерки, а пока вы ждёте, вам делают тюрбан из овчины любого цвета и формы. Снаружи, на углу улицы, бродячий цирюльник бреет головы правоверным, чей поднос с безвкусным сладким табаком лежит на земле рядом с ним, пока он проводит операцию. На площади, около гостиницы, перс с бородой и густыми усами, пылающими хной, громко расхваливает достоинства сокола, которого носит на запястье, чьи большие блестящие глаза едва ли менее дикие, чем глаза его хозяина.

Человек и птица были бы прекрасным этюдом для карандаша художника, такими дикими и живописными они были; и когда птица прижималась к его медной груди под расстёгнутой рубашкой или ударяла клювом со своего насеста по неосторожной руке потенциального покупателя, я был уверен, что удовольствие перса принять круглую сумму не будет омрачено болью расставания с этой храброй птицей.

Но ни я, ни мой спутник не хотели оставаться в Ганже дольше, чем это было необходимо, и, как только удалось раздобыть лошадей, мы снова пустились в путь.

Дороги Кавказа везде отвратительны, но всё же есть одна степень зла, о которой ничего не знает тот, кто не проехал от Ганжи до следующей станции. Единственное, с чем можно сравнить эту дорогу, — сухое русло горного водопада. Огромные валуны устилают путь, и руки несчастного пассажира чуть ли не вырываются из суставов при тряске на почтовой телеге, ибо ничто, кроме решительного захвата за сиденье, не обеспечит вам хотя бы мгновение неподвижности. Всю дорогу мы время от времени натыкались на русла ручьёв, чья полноводная

ярость усеяла дорогу памятниками их горной родины, откуда они вышли; в то время как справа и слева от нас частые кукурузные поля показывали своим наливающимся урожаем, что горный поток несёт с собой как зло, так и добро.

После второй станции от нашей последней отправной точки пейзаж стал гораздо красивее. Каменистая степь становилась всё уже, по обеим сторонам показались высокие горные хребты, покрытые снегом и ярко освещенные в ясной атмосфере утра, которое можно было назвать осенним, хотя был уже глубокий декабрь. Эти далёкие вершины принадлежали уже Шуше и Лезгии.

Куропатки то и дело искушали меня остановиться. И хотя они копошились на открытых, отлично простреливаемых местах, мы обнаружили, что вспугнуть птиц без помощи собаки невозможно. Когда стемнело, мы увидели стаи скворцов, кружащих, вытягивающихся и вновь собирающихся в сумеречном небе.

Когда мы приблизились к тростниковым зарослям, куда стремился их полёт, мы стали свидетелями интересной птичьей жизни. Там росло несколько деревьев, скажем, с полдюжины, и так как на них не было листьев, мы могли видеть на каждом дереве по два-три ястреба. Когда скворцы стремительно падали вниз, к своему ночному пристанищу, ястребы соскальзывали со своих насестов и, пикируя, разбивали наступающее войско. Но как ни проворны были мародёры, скворцы и вполтину не пострадали так, как можно было ожидать, и, наконец, все странники успокоились в своем тростниковом жилище, за исключением одного маленького отряда, который, прибыв позже остальных, был особенно потревожен ястребами и, казалось, почти потерял всякую надежду благополучно добраться домой.

На дереве в некотором отдалении от камышей, на полпути к самой высокой ветви, в полной апатии вос-

седал великолепный экземпляр царя птиц. Постоянно преследуемая ястребами и изрядно напуганная, маленькая стайка скворцов кружила у его одинокого трона и наконец собралась чёрной толпой вокруг своего покровителя. К нашему удивлению, он не обратил на это никакого внимания, не шевельнув ни перышком. Ястребы были сбиты с толку и боялись приближаться к скворцовому «святилищу», а маленькие птицы слишком устали, чтобы снова попытаться добраться до своего тростникового ложа, и были слишком напуганы, чтобы обращать внимание на воцарившегося среди них монарха.

На одной из станций мы встретили группу крестьян, которые перевозили солдатские вещи из одной деревни в другую, а по возвращении были остановлены, избиты и ограблены разбойниками. На другой мы наткнулись на армянского купца с *чапаром*, или вооружённым курьером, который был так отвратительно дерзок со мной, что я вынужден был устроить ему довольно грубую встряску, что сильно напугало его; и при появлении моего слуги, который объяснил почтмейстеру, кто я такой, этот малый стал таким же раболепным, как прежде был дерзок по причине ветхости моего сюртука.

Здесь же мы услышали о разбойниках с большой дороги, которые украли на почтовой станции несколько лошадей, почтмейстеру позже посчастливилось вернуть их. Воры были пойманы, но я был уверен, что это не будет иметь для них никакого вреда, так как пустяковая взятка исправит ситуацию с местными властями, и вскоре они смогут честно возместить свои потери.

Позже мы встретили на дороге двух таких особ, вооруженных до зубов и хорошо держащихся в седле; но хотя они и удостоили нас внимательного осмотра, сверкающие ружейные стволы произвели на них отпугивающее действие, и мы беспрепятственно поехали дальше. Однако наш кучер перенёс нервное потрясение, которое со-

вершенно расстроило его веселье до конца поездки. Мне говорили, что у этих разбойников-татар револьверы теперь довольно популярны, и большинство из них владеет по крайней мере одним из этих опасных орудий.

Рассказы о кавказских беззакониях вызвали у моего слуги удручающее впечатление о Тифлисе. За три месяца до моего приезда на Кавказ все государственные учреждения здесь были настолько коррумпированы, что император прислал своего тайного агента К., с приказом проверить положение дел, с полномочиями увольнять и наказывать гражданских чиновников. Он должен был зачистить авгиевы конюшни в Тифлисе. При поддержке группы сыщиков, привезенных с собой из Петербурга, он вскоре стал грозой города. Ходили слухи, что трое самых худших чиновников в высших кругах умерли от страха вскоре после его появления.

Возможно, не приезд К. стал причиной их смерти, но то, что им посчастливилось таким образом избежать наказания — исторический факт. Одной из первых тайных операций К. было обращение в полицию. Переодевшись мужиками, он и его люди с важным видом бродили по улицам, очевидно, пьяные, как лорды. Трудность состояла в том, чтобы нарваться на неприятности, но через некоторое время им это удалось, и они были доставлены в полицейский участок. Здесь К. и его люди пытались отделаться извинениями и оправданиями, которые, естественно, были тщетны. Затем, повернувшись к своим людям, он сказал: «Эй, братцы, давайте дадим доброму начальнику полиции по рублю за каждого; тогда он увидит, что мы, добрые христиане и не можем напиться!». Рубли были выплачены, псевдомужики получили свободу, а на другой день К. уволил начальника полиции и весь его штаб. Таким образом, он прошёл через каждую ветвь гражданской администрации, везде встречаясь с препятствиями, но всё ещё упорно выслеживая корруп-

цию, где бы он её ни заподозрил. Трёх генералов, занимавших гражданские посты, он вынудил уйти в отставку; в конце концов, чувствуя, что сопротивление военных в городе, всё ещё находящемся под их законом, было для него слишком сильным, К. уехал.

Горький белый туман полз по земле, заставляя нас промокать до нитки, несмотря на защиту из тяжёлых одеял, он останавливал все разговоры своим холодным неудобством; так что через три часа мы остановились отдохнуть на следующей почтовой станции, чтобы снова подняться в семь и приветствовать такое же яркое утро, какое я часто видел во время своего долгого путешествия. Пейзаж был прекрасен, кое-где росли деревья, местами протекали ручьи. В небе светило солнце, на земле искрился иней, а каждое дуновение пронзительного утреннего ветерка приносило с собой бодрость духа и охотничий аппетит. Местность теперь стала холмистой, даже вблизи почтовой дороги, и время от времени мы видели стаю красноногих куропаток, которые с ужасающей скоростью взбирались по голым склонам холмов. Эти птицы, казалось, заняли теперь место рябков. Проехав двадцать верст от Аджи-Кабула, мы добрались до Гёйчая, и здесь моя почтовая повозка задержалась на некоторое время, прекратив наконец трястись и побрякивать колокольчиками.

Гёйчай — большое село, с широкой главной улицей. Она начинается в Тифлисском конце базаром, проходит мимо каких-то казарм, где расквартированы военные, и заканчивается в обычной кавказской деревне. По дороге через местный базар мой взгляд остановился на только что убитом туре, или горном баране. Вид благородной головы с огромными рогами в сочетании с далёким видом тех вершин, где она так недавно обитала, был слишком силён для моего сопротивления, и я тут же решил, что тоже попытаюсь добыть тура в диких горах Дагестана.

На почтовой станции я слышал самые восторженные рассказы о количестве дичи, которое можно было встретить в двух днях пути от деревни; но вместе с этим пришло известие, что эти горы имеют дурную славу из-за разбойников. Почти никто из жителей деревни никогда там не бывал, и не пойдёт туда ни за какую плату, которую я пытался предложить. Я всё ещё сомневался и через своего человека распространил много подобных предложений, но даже десять рублей в день были отвергнуты мужиками, для которых сотня была бы целым состоянием, обеспечивающим всю их жизнь. Однако, хотя я и начинал верить в существование разбойников, особенно после того, как среди бела дня была угнана почтовая повозка, я решил подождать ещё день и посмотреть, не придёт ли кто-нибудь принять мое щедрое предложение.

День ожидания был потрачен на охоту на зайцев и красноногих куропаток на ближайших холмах, крутые склоны которых просто кишели этими проворными птицами, бегающими, как мухи, по почти отвесным склонам утёсов или летящими, как пули над головой, когда мой спутник гнал их на меня. Трудность приближения к птицам — хотя они постоянно были на виду, но никогда не поднимались и не прекращали бегать — напомнила мне о других днях, проведенных в бороздах полей Нортгемптоншира; хотя, даже передвигаясь с помощью крепкого татарина, я обнаружил, что голые скалы и покрытые грязью осыпающиеся склоны гор более труднопроходимы, чем мокрые гребни вспаханного поля. Холмы были покрыты карликовыми лиственницами и гранатовыми деревьями, плоды которых, увы, были уже собраны.

Усталые и измученные жаждой, к трём часам мы увидели над крутым утёсом большое гранатовое дерево, по-видимому, еще не вырубленное. Его яркие плоды просвечивали сквозь листву красным и жёлтым, и мы

с татарином четверть часа пытались добраться до него. Наконец нам это удалось, и мы обнаружили, к нашему величайшему разочарованию, что каждый плод был полным, часть противоположной стороны была отломана, а все внутренности выклеваны птицами, которые не оставили ничего, кроме обманчивой шелухи. Я описываю это как один из многих подобных случаев, произошедших с нами в Дагестане.

Когда мы пустились за красноногими куропатками, с нами была собака, но погоня была так тяжела, что часа через три бедное животное не захотело больше пройти ни ярда и решительно легло отдохнуть. Его пример был заразителен, и хотя мы продолжали идти ещё некоторое время, вскоре так устали от козьих прыжков, необходимых в этих горах, и от вечного движения куропатов, что бросили охоту и вернулись домой. Там нас ждали хорошие новости. Один из лезгийских татар, живший во второй горной цепи от Гёйчая, пришёл днём, чтобы принести на базар дичи, и, услышав о нас, вызвался проводить нас до обиталищ туров и серн за гораздо меньшую сумму, чем я напрасно предлагал русским мужикам.

Аллай, как его называли, был человеком около 6 футов 3 дюймов роста, крепкого и жилистого телосложения, который, к сожалению, не говорил ни единого слова ни на каком другом языке, кроме своего собственного лезгинского. Староста предупредил меня, чтобы я остерегался его, потому что, несмотря на его кротость и простодушие, Аллаи подозревался в том, что знает о разбойниках гораздо больше, чем ему полагается. И всё же, разбойник он или нет, это не имело для меня никакого значения, так как Аллаи был единственным человеком, который мог послужить моей цели, и мне казалось, что я вижу способ обезопасить себя и слугу от любого оскорбления, которое наш проводник мог бы замыслить. Мой план состоял в договоре с ним о том, что за его услуги и услуги его бра-

та, а также за пользование двумя лошадьми, в первый день я заплачу ему определённую сумму, которая вместе со всеми моими ценностями, надёжно хранится у моего друга в деревне, и станет его достоянием только по моему благополучному возвращению из поездки.

Это соглашение вкупе с другой предосторожностью дать знать русским военным властям, расквартированным в деревне, куда я направляюсь, позволяло мне чувствовать себя в относительной безопасности, даже если бы Аллаи был главарём всех разбойников от Чёрного моря до Каспия, и поэтому, несмотря на все мрачные предупреждения старосты и его друзей, мой слуга и я вместе с Аллаем и его братом на следующее же утро бодро поскакали к синим горам.

Первым нашим привалом должна была стать армянская горная деревня Гердаул. Дорога была прекрасна до крайности, требовалось много красоты, чтобы загладить её колдобины. Большой частью наш путь лежал по голому руслу горного потока, крутые изгибы которого были повсюду усеяны огромными валунами, где ни один зверь не мог передвигаться быстрее, чем на фут. Холмы, по большей части голые, были дерзко изломаны и неровны в очертаниях; на вершине часто встречались заросли маленьких елей и гранатов, а кое-где на белых склонах холмов виднелись такие же маленькие островки растительности. Преодолев эту первую гряду холмов, в которых, казалось, кишела мелкая дичь, мы вышли на плоскогорье, отделявшее нас от заснеженной гряды, где лежала наша цель. На самом краю этого горного «стола» стоит деревня Гердаул.

Фасады составляющих её домов открываются со склона холма: простые белые конусы поднимаются над плоскогорьем. Гораздо внушительнее выглядят ряды стогов сена в форме сахарных голов, громоздящиеся на высоких деревянных помостах, где их укрывают

от мародёрствующих буйволов или используют в качестве укрытия для скота в бурю или ночью.

Когда Аллаи представил нас, старейшина деревни приветствовал меня и пригласил в свой дом, где у пылавшего огромными поленьями очага лежали подушки, ковры и тапочки. К несчастью, никто из жителей деревни не знал никакого языка, кроме татарского, на котором Иван говорил очень плохо, а я узнавал лишь слова, подхваченные за последние два дня. Однако для голодного путника и охотника знание языка не является особой необходимостью. Среди охотничьего племени, а лезгинские татары являются таковыми, вполне достаточно знаков. Взаимная симпатия к братьям по занятию делает всё остальное.

Вскоре мне принесли чай, и когда один за другим вошли смуглые деревенские жители, вокруг меня собралась довольно большая компания. Каждый мужчина, входя, вежливо здоровался со мной, а затем, скрестив ноги и подтянув их под себя, чтобы присесть на корточки, принимал медитативную позу на полу. Между собой они были очень неразговорчивы и никогда не заговаривали со мной, если я не обращался первым. Когда я это делал, то вместо того, чтобы забавляться моим искажением их языка, они выглядели серьёзными и делали все возможное, чтобы разгадать смысл моих речей.

Через некоторое время хозяин принес мне чашу с душистой водой, и после того, как я вымыл руки, свои омовения совершил он сам и его гости. Их пальцы были все в коричневых пятнах от какой-то краски и омовение имело лишь незначительный видимый эффект. Я заметил, что все татары и другие жители Лезгии украшали свои руки таким образом.

После того как чаша была опорожнена, принесли дичь, которую я подстрелил, а также одну гердаульскую курицу и огромный поднос с варёным рисом. Все это

было подано мне самим хозяином, и его любезность дошла до того, что он своими смуглыми пальцами ловко разорвал дичь на куски и, выбрав самую лучшую часть, предложил её мне. Эти люди не пользовались никакой столовой утварью, кроме серебряной чаши для мытья и серебряного подноса, на котором подавали в большом количестве жареную в масле дичь, рис и изюм. Каждый по очереди брал себе из тарелки пальцами, скатывая рис в аккуратный шарик так, чтобы не уронить ни зернышка. Я бы с радостью сделал то же самое, но в первые попытки на стол просыпалось больше риса, чем попало в рот.

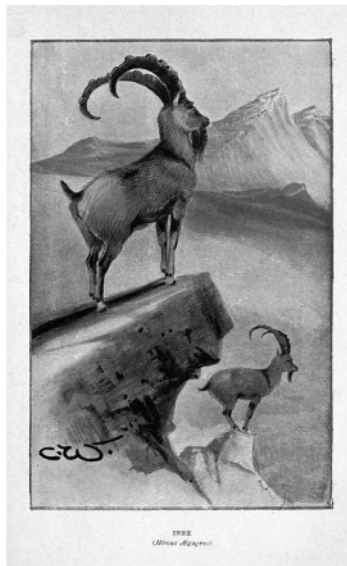
За трапезой последовало великолепное туземное вино, на которое мой проводник-лезгин косо взглянул, хотя впоследствии я убедился, что его угрызения совести возникали только на людях, а пристрастие к крепким напиткам лишь усиливалось вынужденным воздержанием.

После очередного омовения мясо было убрано, и я достал трубку, когда, к своему ужасу, обнаружил, что потерял кисет с табаком. Однако вскоре табаку нашлось много, и на следующее утро мне подарили прелестный вязаный кошелёк для душистой травы, отделанный пурпуром и золотом ловкими пальцами одной из невидимых дочерей хозяина.

Я редко наслаждался чем-либо более роскошным, чем возлежание на покрытых подушками коврах Гердаула, с румяным огнём очага, хорошим местным вином и лучшим табаком, окружённый толпой живописно диких парней вокруг и далёким видом на горы через открытую дверь, и только далеко за полночь я мог решиться оставить всё это для царства сна.

Часть 12. Горы Лезгистана

Гердаул — способ охоты на куропаток — винные погреба — экспедиция среди холмов — туземные дома — негостеприимная деревня — опасная поездка — радушный приём — пастухи-лезгины — русская любовь к царю — ненужное образование — альпинизм — великолепные пейзажи — благородный олень — растительность — серна — утомительный спуск — счастливый народ — фотографирование пейзажей — бабушка — «проявление» наших фотографий — горный шалет — снежные вершины — дикие козы и овцы — трудное восхождение — заманчивая погоня — повисая над пропастью — холодный ночлег — горные индейки — черные фазаны — ястребы — совет путешественникам — возвращение в Гейчай.

Всё население Гердаула — армяне, и эта деревня, как и большинство армянских деревень, процветает. Армяне — такие же хорошие колонисты, как и немцы; бережливые, трезвые, трудолюбивые и проницательные, они неизменно находятся в лучшем положении, чем их соседи, которые так же неизменно называют их ворами и ненавидят всей душой.

Всё же я надеялся, что в случае с армянами Гердаула была более весомая причина, так как там меня очень хорошо приняли и честно обошлись. Деревенские женщины почти не попадались нам на глаза, хотя мы то и дело замечали их фигуры, занятые какой-нибудь домашней работой, пригоном скота или шитьём ковров.

Перед каждым домом стояла большая рама, сделанная на манер ткацких рам в Англии, только она была размером с фасад хижины. На них, не имея никакого изделия, с которого можно было снять копию, армянские крестьяне делали те ковры, которые продаются в Тифлисе как второсортные персидские или как откровенно армянские, из Шуши или Шемахи.

Нередко в дверном проёме рядом с ковровой рамой стоит еще одна, поменьше, покрытая холстом, на котором нанесены яркие краски. Это предмет совсем для другой цели и является собственностью юношей дома. Вооруженный этим безвкусным изделием и своим старым ружьём, армянский охотник добудет столько красноногих птиц, сколько ему понадобится для котла. Порядок действий таков. Обнаружив стаю, человек приближается, прикрываясь щитом, так что с самого начала птицы не видят своего врага. Когда их внимание привлечено, стрелок останавливается и, выставив перед собой щит, наблюдает за птицами через бойницу в его центре. Сначала стая, вероятно, отступает перед странной вещью, которая приближается к ним, но как только она останавливается, они тоже останавливаются.

Затем щит постепенно оттягивается назад; так же постепенно, вытянув вперед головы, птицы следуют за ним. Некоторое время идет борьба между любопытством и страхом; в конце концов любопытство берёт верх, и вся стая подходит к западне ярдов на двадцать, оживлённо обсуждая между собой этот вопрос. Вдруг их канонир пронзительно свистит: мгновенно все птицы сбегаются, и в этот миг заряд дроби пронзает их насквозь, оставляя две трети их числа мёртвыми на земле. И все же куропатки настолько глупы, что, как говорили мне некоторые армяне, если стрелок не покажется, стая будет собираться вокруг щита до тех пор, пока не будет убита последняя птица. И хотя красноногих куропатов в этих горах так же много, как москитов летом, правительство все же сочло нужным объявить использование этих смертоносных машин незаконным и наложить за их использование большой штраф. Конечно, в этих горах закон — мёртвая буква, и армяне очень скоро истребят птицу, которая сейчас во множестве роится вокруг них.

Прогуливаясь по деревне, я заметил несколько высоких холмов, резко поднимающихся посреди улиц, как большие муравейники. Это были входы в подвалы, где погребены огромные красные кувшины с хорошим местным вином. Как бы ни было легко открыть эти неохраняемые хранилища и извлечь содержимое, вино в совершенной безопасности, поскольку община слишком мала, чтобы кража могла остаться незамеченной. При рождении мальчика богатый армянин покупает и закапывает кувшин вина до тех пор, пока сын не достигнет совершеннолетия или дело не дойдёт до свадебных празднований. Я был бы рад присутствовать на одном из этих пиршеств, так как здешнее вино нужно только выдерживать достаточно долго, чтобы оно стало превосходным.

Наш собственный «винный погреб» на марше был размером примерно с обычную подушку, обшит козьей

шкурой и с деревянным соском в углу. Для безопасности я всегда носил его на своих плечах, а по ночам использовал как изголовье.

Наполнив этот переносной погреб и поблагодарив хозяев, мы продолжили свой путь через столовую землю к холмам за ней. День был 18 декабря, воздух свежий и бодрящий, без заморозков — настолько мягкий, что во время поездки я заметил несколько жёлтых и медных бабочек.

Казалось, что всё живое здесь было представлено ястребами и воронами. Дуэли между ними повторялись постоянно, и, к моему удивлению, ворон обычно брал верх. Однажды я наткнулся на великолепный экземпляр сокола и подъехал как можно ближе к тому месту, где он сидел, чтобы выстрелить в него и добавить к моей коллекции птиц. К моему удивлению, он подпустил меня на расстояние дюжины ярдов, а затем, медленно развернувшись, отлетел еще ярдов на двести. Я последовал за ним; он снова подождал, позволив мне подойти ближе, и пролетел всего несколько ярдов, прежде чем снова спуститься. На этот раз, когда я подошел к нему, он, очевидно, надулся и решительно отказался сдвинуться с места, пока я не ударил его хлыстом, после чего он медленно улетел с мёртвой перепёлкой в когтях. Я не мог не восхититься его угрюмой отвагой и оставил его спокойно заканчивать обед.

Как только мы покинули равнину, все изменилось. Хребет, к которому мы приблизились, представлял собой настоящие горы, густо поросшие лесом, полные громко-голосых стремительных потоков, высоких столбов белого тумана и старых деревьев, с которых гирляндами седых бород свисал мох. Владыки Дагестана поднимали свои сверкающие белые короны так близко, что казалось, будто они защищают нас.

Проехав несколько миль по берегу одного из ручьёв, мы пришли к вечеру в татарскую деревню, славившуюся

своим шёлком. Здесь со всех сторон были прекрасные сады, великолепные ореховые деревья и бесконечные ряды шелковицы, на листьях которой кормятся шелко- вичные черви. Дома отличались от тех, что стояли у почтовой дороги и на равнине. Это были не глинобит- ные хижины, а скорее коттеджи, нижняя половина ко- торых сооружалась из смеси земли и камня, а верхняя — из брёвен и плетней, покрытых деревянной или соло- менной крышей.

Когда мы ехали по главной улице, женщины надвига- ли на глаза белые платки и убегали прочь, как кролики, когда вы проходите мимо их нор. На окраине деревни на- ходилось большое кладбище с высокими деревьями и се- рыми старыми камнями, на которые падали тени. В этой полутьме женщина в белом одеянии, свойственном её народу, напомнила мне сто одну историю о привидениях, которыми меня пугали в детстве, заставляя хорошо себя вести.

На окраине деревни я подстрелил прекрасную серую белку, первую белку, которую я видел на Кавказе, где их шкурки очень ценятся. Тифлисские скорняки требуют за такую шкурку, один рубль семьдесят пять копеек.

Когда свет померк, и мы начали ощущать углы и неровности в сёдлах, что ясно говорило об усталости, показалась ещё одна деревня; и здесь мы решили отдох- нуть, хотя Алла́й ни в коем случае не одобрил этого предложения. Мы попросили еды, но нас учтиво обру- гали в лицо; и когда, наконец, в центре базара мы на- шли *дюшан* (постоялый двор), он был настолько непри- ветлив, что необходимо было сильно проголодаться, чтобы соблазниться войти внутрь. Под широким наве- сом находилась комната, открытая с трёх сторон, углуб- ленная на несколько футов в землю, а внутри находи- лось некое сооружение, понижающееся ступенями от задней стены до окна. На нём сидели посетители,

а под ними и рядом с ними шло приготовление *шашлыков*.

Как только мы вошли и уселись, толпа самых мрачных личностей, каких я когда-либо видел, окружила наше седалище, чтобы поглазеть на нас и сделать замечания. Даже львы в зоопарке не наблюдали за приготовлением корма с таким жадным и дерзким любопытством, как мы, и уж конечно, никогда не наблюдала за ними такая дурная компания, как обладатели бегающих глаз и высоких скул, которые толпились вокруг нас. Эти лица были достойны китайской иллюстрации ада, я не знаю ничего другого, с чем их можно было бы сравнить. В своем стремлении получше рассмотреть нас, они подпирали деревянные стены дома. Всё это время их языки были заняты делом, и по тому, как они постоянно плевались и жестикулировали, их замечания вряд ли могли быть приятными для нас. Я снял с себя козью шкуру, которая оскорбляла толпу. Если бы они знали, что мои сёдельные сумки набиты свининой, то моя судьба была бы очень неприятной. Мой слуга в этот момент вышел из себя и обругал человека с крючковатым носом, который уже некоторое время заглядывал ему в рот.

Всё, что я пытался сделать, было бесполезно; Иван не успокаивался, и всё увеличивающаяся толпа так возбудилась, что я нисколько не удивился, когда прибыл гононец от деревенского старосты, предупреждая нас, что мы не должны даже мечтать о том, чтобы провести ночь в деревне, потому что, хотя он и хотел защитить нас, люди были вне его контроля, и нам неизбежно перережут горло. И вот, хотя тучи уже сгущались, а день клонился к вечеру, мы покинули дюшан и углубились в тень гор, оставив позади сердито ропщущую толпу, которая за один опрометчивый поступок затравила бы нас, как терьеры травят крыс.

Когда мы устало тащились вверх по перевалу, Алла́й подъехал ко мне и со многими восклицаниями умолял не только ехать с ружьём наготове, но и как только я увижу человека за кустом или валуном, сначала выстрелить в него, а уж потом задавать вопросы. Он боялся, что кто-нибудь из деревенских негодяев, которых мы только что покинули, прорвётся вперёд, устроит засаду и откроет по нам огонь, когда мы приблизимся. Сам он, очевидно, был полон решимости пустить в ход свое ружьё при первой же возможности и доставлял неудобство своей нервозностью на протяжении всего путешествия; тем более, что у нас была возможность убедиться, что в большинстве случаев Алла́й был так же отважен, как и другие.

Всему есть конец, даже изгибам горного потока; и когда наши конечности ныли от усталости, вид крошечной деревушки в самом глубоком углу тенистого ущелья подбодрил нас надеждой на отдых. Ещё две минуты ушло на то, чтобы отразить нападение шумной своры собак; наконец, отворяется дверь, поднимается пылающая лучина, смуглое лицо хозяина всматривается в столь же смуглое лицо нашего проводника, и со множеством приветствий нас вводят в однокомнатную хижину лезгинского пастуха.

Вскоре у очага были разложены подушки и ковры, мне принесли домашние туфли, и гостеприимные добрые люди принялись за работу, чтобы услужить нам как можно лучше. В комнате было мало признаков цивилизации — собственно говоря, ничего такого, что могло бы показаться странным в шатрах древних измаильтян. Мужчины были грубыми и загорелыми до медного цвета от ветров и непогоды их дикого горного дома. Их одежда была грубой и рваной, и все они были вооружены до зубов, никогда не откладывая свои кинжалы от заката до восхода солнца; но глаза у них были широко открытые, честные и смотрели незнакомцу прямо в лицо; они

обращались со мной почтительно, как с почётным гостем, но при этом спокойно и уверенно.

Женщины удалились, едва мы вошли, и всё время нашего пребывания они оставались в какой-то пристройке, достаивая нас лишь редкими взглядами двух очень хороших личиков, которые исчезали из виду в складках их завистливых шарфов ещё до того, как мы их замечали.

После того как с курицей и рисом было покончено, два лезгинских мальчика пришли посмотреть на гостей своего отца; и никогда в жизни я не видел таких крепких, красивых парнишек, как эти загорелые пастушки семи и восьми лет. Рано утром, ещё до восхода солнца, эти два молодых горца проснулись от «звонка» шайтана — длиннородого вождя их козьего стада. Я наблюдал, как славные маленькие мужчины с посохами в руках, в грубых тогах из овечьей шкуры вели свою сотню или больше коз вверх по крутым горным тропам, к пастбищам, которые нависали высоко над деревушкой в долине; и часто в течение дня мы мельком видели их с подопечными на каком-нибудь крутом пастбище или слышали отдалённые звуки грубых флейт, которыми они развлекались.

С таким ранним обучением, как это — в семь лет полагаться на свои собственные ресурсы и заботиться о таких своенравных животных, как козы на горном пастбище — неудивительно, что лезгины породили таких лидеров, как Шамиль и Мансур-Бей. Нет ничего странного и в том, что, проводя год за годом свою жизнь в уединённом величии гор, они становятся ведомыми священниками, суеверными людьми. Шамиль имел бы очень мало влияния, если бы он не был «пророком».

Я часто слышал от русских, что единственная причина, по которой черкесская война продолжалась так долго, заключалась в политике России держать Кавказ в ка-

честве учебного заведения для молодых офицеров и необученных рекрутов; но хотя это часто повторялось людьми, которые были сведущи этом деле, я скорее поверю, что пламенное рвение, жесткие сухожилия и нехитрые горные дома лезгин были более вероятной причиной, чем расчетливая жестокость их врагов.

Как бы то ни было, нынешние лезгины, по крайней мере те, что остались — это честная раса крепких горцев, мало любящих Россию и нисколько не заботящихся о познании внешнего мира. Те, у кого я останавливался, никогда не ездили даже в Гейчай более двух раз в год, и, смею сказать, ещё не знают, что царь Александр II умер. Но злой дух, совершивший его позорное убийство, никогда не лелеялся в груди лезгина или черкеса, как и в груди самих русских мужиков. Я знаю простых людей России уже три или четыре года, и некоторых из них знаю хорошо, потому что у меня всегда была привычка селиться в крестьянских избах и делить чёрный хлеб с мужиком, когда он охотился возле своей деревни, и я никогда ещё не слышал от бедняка ничего, кроме любви и уважения к императору.

Современные мужики и черкесы не так косноязычны, как некоторые хотят, чтобы мы думали; и есть очень немного действительно великих людей России, которые их не ненавидят и не оскорбляют; но император всё ещё остается для них любящим отцом, в чью нежную милость — если бы только они могли добраться до неё через толпу чиновников, которые окружают его и препятствуют осуществлению его справедливой воли — мужик беспрекословно верит.

Величайшей ошибкой императора было не освобождение крепостных крестьян, ведь этим он возбудил враждебность богатого боярского сословия, а уменьшение платы за обучение в университетах до такой степени, что первоклассное образование стало доступным для тысяч

людей, которые после учёбы должны вернуться на должности, для которых они уже слишком высоко образованы и в которых их учёность вызывает только недовольство.

Разве не видно, что чрезмерное образование, которое мы навязываем рабочим классам Англии в настоящее время, имеет сходный эффект? Я признаю себя виновным в том, что очень мало знаю о политике; но когда я слышу со всех сторон жалобы на то, что домашняя прислуга становится вымирающей расой, став слишком интеллектуальной для того состояния жизни, к которому (цитирую прекрасную старую фразу катехизиса) Богу угодно было призвать её; когда я узнаю о трудностях в поисках сельскохозяйственных рабочих или старомодных сельских слуг; когда каждая женщина умеет играть на пианино, но не умеет варить картошку, я начинаю задумываться, не слишком ли далеко зашло образование и не стали бы некоторые классы счастливее без него, а их работа лучше? Есть старая поговорка, что «малое знание хуже незнания», и даже в Англии мы не можем претендовать на большее, чем дать рабочему классу «малое знание», производящее вредные последствия, которые может или не может излечить совершенное образование.

Но эти предметы выше моего понимания, и я с радостью убегаю на горный склон. Когда первый бледный луч зари проник в крошечное окошко нашего сарая, мы встали с лож и спустились вниз, чтобы окунуть руки и лица в ледяные воды горного потока. Ночью лёгкий снегопад сделал долину белой, и резкий мороз покрыл сединой длинные мхи на горных деревьях. Мы не стали завтракать, а просто собрали всю нашу посуду, решив совершить двухчасовое восхождение, прежде чем сесть есть и пить, и закрепили на ногах ужасные железные когти, без которых часть подъёма была бы невозможна.

Для такого человека, как я, мало привыкшего к альпинизму, первые два часа подъёма были очень утоми-

тельной работой; и когда мы наконец остановились, чтобы отдохнуть и позавтракать, вершины казались ещё дальше, чем когда-либо. Рядом с валуном, вокруг которого мы завтракали, росла мушмула, её полузамерзшие плоды приятно освежили после тяжелого труда. Но Алтай не дал много времени на отдых, так что, наскоро покончив с едой и несколько минут понаблюдав за солнцем, пробивающимся сквозь горные туманы, мы снова прильнули к скалам и продолжили свой путь вверх по крутым склонам, покрытым буковыми лесами, сухие опавшие листья которых рассыпались у нас под ногами и обнажали предательский черный лёд.

Здесь мы наткнулись на медвежьи следы и услышали крик благородного оленя на соседнем склоне горы. Вглядываясь в пропасть, мы увидели трёх *маралов*, как называют их туземцы, далеко за пределами выстрела на другой стороне. Добраться до них было бы делом целого дня, так что оставалось только смотреть, а дикий крик другого оленя, которого мы не могли видеть, эхом разносился по лесу и заставлял наши сердца вздрагивать от этого звука. Далеко внизу, в бездне, лесистые вершины небольших гор поднимались словно острова из бурлящего моря облаков вроде тех что на родине мы называем «подушками канцлера»; моря, которое с приближением вечера поднимается всё выше и выше, пока вся вершина горы не погружается в его холодные волны. Но здесь, над облаками, вне видимости земли, которую они скрывали, все было ярко, как итальянским летом, несмотря на снег и лёд, до четырёх часов пополудни.

Я нашёл здесь две разновидности примулы, украсивших заснеженный лес: одну, самую обыкновенную, тёмно-сиреневую, другую — чисто белую; мы также заметили несколько душистых фиалок, которые вместе с примулами составляли красивый рождественский букет. Деревья в лесу, через который мы проезжали, были

сплошь буковые, повсюду покрытые бородастым мхом, который придавал им причудливый старомодный вид; среди них было несколько мушмул и груш; в то время как ежевика под ногами затрудняла наше продвижение вверх. Папоротник и костенец были единственными представителями семейства папоротниковых, которых я заметил днём.

В этом нашем первом путешествии по горному склону мы едва достигли верхнего края лесистой полосы, и именно здесь, оставив позади деревья, я сделал свой единственный на сегодня выстрел. Проходя через небольшое углубление в склоне горы, где всё ещё было темно и холодно, так как солнце ещё не проникало туда после ночи, я услышал прыжок и шорох: серна дала мне хороший шанс, который я по большей части упустил, только ранив животное и, в конце концов, потеряв его после дня, потраченного в погоне.

Итак, мы повернули назад с больными ногами и пустыми руками, тащась вниз с горы к поднимающимся волнам тумана, которые ползли нам навстречу, и, погружившись в них, почувствовали себя на какое-то время людьми, заблудившимися в ночи, где ни вершины гор вверху, ни огни долины внизу не были видны; где деревья принимали странные очертания, как на картинах Доре; где все было сырым, тёмным и холодным, так что не верилось, что где-нибудь внизу нас ждут яркий огонь, подушки и уют.

Наконец внизу замерцали огни домов, как звёзды в ночном тумане, и мы поспешили дальше, скользя и спотыкаясь по мокрой траве в своей кожаной обуви, падая и проезжая ярдов двадцать или около того на ноющих спинах, мы достигли нашего лезгинского дома и вскоре забыли все мелкие невзгоды (за исключением ненавистных зажимов «кошек»), которые мешали нам оценить великолепный горный пейзаж.

Лезгины ведут счастливую жизнь, возможно потому, что она у них очень проста. Стада коз обеспечивают работой сильных, красивых подростков. Поле кукурузы перед домом снабжает всю семью хлебом. Дерево, растущее в расселине скал, похожее на терновый куст, давало нам отвар из корня. Его листья настолько напоминали чайные, что я сначала обманулся, поверив, что вижу именно чай. Трудолюбие женщин устилает пол изобилием ковров, подушек и циновок; изготавливает обувь для мужчин, ткань для одежды, где не используется овчина, и вкусный напиток из мушмулы, растущей в горах.

Гора посылает жителям чистой воду, снабжает неограниченным количеством топлива, а также готовит им лакомства, столь же разнообразные, как и у самых богатых русских в стране: мушмула, буковые орехи, каштаны, грецкие орехи, груши и ягоды дюжины различных видов. Их религия запрещает пить вино, так что, никогда не употребляя его, они не чувствуют в нем нужды. Яблоки можно купить в соседней деревне самого большого размера и самого лучшего качества по три пенса за сотню. Фазаны и «красноножки» водятся в изобилии, их легко поймать или подстрелить (хотя я никогда не слышал, чтобы для них ставили силки), а для сильных и отважных молодых людей леса хранят благородных оленей и горных баранов.

Осенью дикие свиньи подходят слишком близко к кукурузному полю, и, отстреливая их, лезгин не только защищают свой урожай, но и получают отличную кожу для своих мокасин. Медвежий жир снабжает топливом лампы (сделанные по образцу погребальных лампад Греции), а ревматического больного — наружным средством, которое превосходит растирание Эллимана, тогда как те, кто страдает простудой, принимают его внутрь, как англичане принимают кашу, и, смею сказать, с таким же хорошим результатом. Из бородатого мха лезгин

делает краску, которой окрашивает свои руки и придает им мужественный терракотовый оттенок, или «хороший, быстро отмывающийся цвет», как говорят галантерейщики; если же он денди, то использует ещё и более тёмный оттенок для своих усов и для единственного «локона страсти», который ему позволяют сохранить религия и цирюльник.

Лучшая из всех добродетелей лезгин — это чистота в доме. За всё время моего пребывания среди них мой ночной покой ни разу не нарушался нападениями насекомых или более серьёзных противников.

Воскресенье мы провели в горной деревушке, каждый за своим занятием. На рассвете Аллаи отправился в более высокие горы искать дичь. Иван скоротал утро, скрестив ноги на полу за стиркой белья, а в полдень мы все трое собрались на возвышенности, примерно в двух часах подъёма, чтобы фотографировать пейзажи с помощью одного из патентованных аппаратов Руша. По дороге мы встретили деревенского хаджи, который очень заинтересовался и пообещал зайти вечером посмотреть на нас и наши фотографии.

В долине термометр показывал 70°, а на возвышенностях, с которых мы пытались делать снимки, 54° на солнце; между тем трава там была покрыта льдом, который не показывал никаких признаков таяния. По дороге мы собрали довольно красивый букет — примулы, фиалки, белые цветы земляники, незабудки, малиновый клевер и один золотистый лютик. Что касается фотосъемки, то мы выбрали несколько превосходных видов и сделали их очень тщательно, уходя вполне довольные тем, что домашние смогут разделить наш энтузиазм по поводу лезгинских пейзажей.

На обратном пути нас встретила восхищённая толпа, среди которой выделялась одна женщина, её любопытство превозмогало свойственную лезгинкам застенчи-

вость. Мы воспользовались случаем и быстро сфотографировали её, но увы! Это была всего лишь *бабушка*.

Поскольку бабушка — это разновидность женского рода, насколько я знаю, неизвестная в Англии, я воспользуюсь случаем и опишу её. Бабушка — обязательное учреждение в России, ни одно домашнее хозяйство не обходится без неё. Как правило, она является матерью семейства, иногда — тещей, а иногда просто пожилой родственницей, которая хочет иметь дом и готова взять на себя ведение домашнего хозяйства в обмен на приют. Кем бы бабушка ни была, откуда бы ни явилась, она — движущая сила, управляющая домом каждого *мужика*: спокойная, покровительствующая жене, не жалующаяся, когда муж напивается, не разжигающая ссоры, не назойливая, а просто тихая старая карга, присматривающая за детьми, обладающая способностью к тяжёлой работе и достаточным опытом, чтобы помогать жене во всех её мелких неприятностях.

Её угол находится на вершине печки, куда она уходит рано вечером, и выходит оттуда, чтобы приготовить самовар задолго до рассвета. Её слабости — водка и папиросы, а самое большое счастье — деревенская свадьба, на которой она обычно выступает в качестве одного из тех хоров, о которых я уже говорил. Излишне, пожалуй, добавлять, что внешне она достаточно ужасна, чтобы внушить благоговейный трепет самому младшему ребёнку.

Сфотографировав *бабушку*, мы приступили к вечерней трапезе, во время и после которой гости быстро прибывали, пока у нас не начался довольно многолюдный приём. Фотографии, очевидно, были самым ожидаемым номером, и как только наши трубки были раскурены, старый хаджи распорядился, чтобы фотографии были выставлены. Чтобы выполнить эту просьбу, нужно было всё наладить. Стоять за треногой с чёрной тряпкой на го-

лове и направлять машину по мере надобности нам с Иваном удавалось довольно легко; но когда с помощью химикатов и прочей дьяблерии¹ нам пришлось продемонстрировать результаты нашей возни на склоне холма, мы начали нервничать. Но постарались сделать вид, что всё в порядке и понимаем, о чём идет речь. Камин был накрыт буркой, лампа погашена, и удивленные гости расселись в кружок, строго наказав не повышать голос громче шёпота и не шевелиться, кроме как на свой страх и риск.

Затем свечу уговорили остаться на перевернутом блюде за жёлтой суконной ширмой, откуда она проливали жуткий свет на всех обитателей хижины. Скрестив ноги, с серьёзным лицом, похожим на свиное при дневном свете, сидел главный фотограф, и Иван обслуживал его с должной серьёзностью. Чаши с водой и склянки с различными зловещими снадобьями придавали всей этой сцене дьявольский вид, который, учитывая дикие лица вокруг, наводил скорее на мысль о колдовстве, чем о фотографии. Первая пластина, полученная после тщательной промывки, подвергалась воздействию проявочной жидкости. Трижды и четырежды тёмная жидкость омывалась взад и вперёд по чистой поверхности. Интерес гостей перерос в возбуждение, неуверенность в себе — в панику. Туда-сюда, туда-сюда перетекала чёрная вода, но на стекле не было видно никаких признаков возвышенного пика или живописной деревни.

Ужасные подозрения начали овладевать нами. Безусловно, ошибки с нашей стороны не было. Помнится, что в тот единственный раз, когда мы пытались фотографировать, мы заставили группу татар на четверть часа за-

¹ Diableries (фр.) — «бесовское действо», часть мистерии

мереть во всевозможных живописных и неудобных позах на главной улице Керчи; что мы также заставили себя и слуг наших друзей работать в течение двух утомительных часов, готовясь к проявке, после чего мы открыли слайды и обнаружили, что не вставили пластинки. Но на этот раз ошибки не было. Один за другим мы открывали предметные стекла и заливали их содержимое жидкостью для проявки; но увы, ничего из того «блестящего» появления, о котором так выразительно говорит мистер Рух, не произошло. Напротив, поверхность пластин сохраняла раздражающее сходство в совершенной чистоте.

Наконец, однако, когда почти все пластины были разочарованно отвергнуты, появилось что-то тёмное, что не смывалось, и такое маленькое, что даже Аллаю не удалось с первой попытки дотронуться до него большим пальцем. Какие аплодисменты она встретила, какие размышления о том, что она может представлять! Мы отчётливо помнили, что фотографировали величественные снежные вершины, для чего чуть не разбили себе сердце тяжким трудом; мы знали, что сфотографировали деревню из излучины горного потока ценой мокрых ног; но что это было? Может быть, это шляпа Аллая? Может быть, это вид сзади на сутулого Ивана? Может быть, это был причудливый портрет самого фотографа, когда он появился под своим таинственным одеянием?

Как бы то ни было, мы объяснили легковёрным лезгинам, что, пройдя дома процесс увеличения, фотографии, несомненно, дадут англичанам правильное представление о дагестанском пейзаже. Выслушав это объяснение, они остались довольны, а мы молча решили отдать наш фотографический аппарат при первой же возможности.

Следующая запись в журнале, который я вёл в это время, сделана после моего возвращения из Дагестана. 23 декабря Иван, Аллай, два других лезгина и я отправились

к более высоким горам, где, как говорят, обитает тур, или горный баран. После целого дня трудного восхождения мы достигли разрушенного балагана, которым пользовались горные пастухи в разгар лета, это самая высокая точка, до которой добирались стада. Когда мы дошли до него, крыша была частично снесена, а стены разрушены; снег окружал нас, насколько хватало глаз, и образовал сугроб внутри хижины со стороны, противоположной пролому в стене; он с трудом таял в сломанном деревянном корчике над костром, разложенном в середине хижины одним из наших людей для чая; в то время как снаружи твёрдые профили снежных вершин обложили нас со всех сторон.

Мы отправились в путь в пять утра, и когда добрались до балагана, снег уже мерцал от звёзд. Однажды днем я мельком увидел стадо диких коз, чёрных, с прекрасными рогами и огромными бородами. Они были в пределах 150 ярдов, и я легко мог бы заполучить одного, но, к несчастью, мой слуга уговорил подпустить их немного ближе, чтобы быть уверенным вдвойне. На мгновение они скрылись за большим валуном, и я ждал, что первый козёл появится с моей стороны, решив выстрелить, как только он это сделает.

Но мои надежды были обречены на разочарование. В следующий раз, когда я увидел этих коз, они неслись как сумасшедшие вниз по склону горы в четверти мили от нас. Несколько раз мы видели следы медведей, а однажды я услышал, как один из них убегает, вероятно, на расстоянии выстрела от меня, но я не мог вовремя заметить его среди елей. В другой раз мы набрали на крутой подъём, с вершины которого посыпались мелкие камешки, сообщившие нам о бегстве трех туров; но хотя мои люди и заметили их мельком, они были слишком далеко. Мой слуга Иван стрелял в серну и промахнулся, так что после тяжёлого дня восхождения мы добрались до пристанища с пустыми руками.

Оказавшись среди снега и льда на голых скалах, вырубая ступеньки для нашего восхождения и карабкаясь скорее руками, чем ногами, я не так уж сильно возражал против этого; хотя бег по осыпающейся морене, когда она уходила из-под нас, был для меня новым и поразительным опытом. Почти отвесные травяные склоны, которые нам пришлось пересечь, после того как мы выбрались из леса, были самым тяжёлым испытанием. Под руководством Адольфа Фоллигэ из Шамони я позже попробовал заняться альпинизмом в Швейцарии, нескольких серн можно увидеть не дальше от Шамони, чем Эгюий-дю-Миди. Но хотя он не выбирает лёгких путей, когда преследует свою любимую дичь, и часто останавливается, чтобы помочь своим менее козлоподобным последователям, я никогда не пересекал с ним таких трудных мест, как эти лезгийские травяные склоны.

Плохо фиксируя альпеншток, короткая тонкая трава выскальзывает из-под железных когтей зажимов; приклад винтовки, перекинутой через плечо, сталкивается с крутым склоном и почти выбрасывает вас в пространство; когти зажима цепляются за другой сапог, когда вы осторожно переступаете с ноги на ногу, и каждый раз вы гадаете, сделаете шаг или останетесь на месте.

Таким образом, требовался основательный мотив, чтобы заставить меня продолжать трудиться, когда дневное путешествие подошло к концу. И он наконец появился! Когда мы на мгновение остановились у двери хижины, чтобы полюбоваться окружающим пейзажем, семь великолепных благородных оленей, вскидывая головы, последовали друг за другом вокруг валуна соседней скалы. Между нами и ними лежала огромная пропасть, которую можно было преодолеть только трудным и утомительным восхождением, но прекрасная голова оленя была бы достойной наградой; поэтому, несмотря на уста-

лость, я взял с собой одного из татар и, как только табун скрылся за грядой, двинулся по их следу.

Следуя за ними по пятам, мы должны были пересечь пласт замёрзшего снега, висящий как карниз над краем бездонной пропасти. Мой проводник шёл первым, выкапывая ямы прикладом винтовки, чтобы ставить ногу, и я следовал за ним с относительной лёгкостью, хотя требовалось немалое мужество, чтобы смотреть вниз с нашей опасной тропы.

Тем не менее возбуждение от погони не давало места головокружению, и когда мы пересекли этот снежный навес, идти стало довольно легко, пока мы не подошли к небольшой пропасти, которую нужно было перепрыгнуть. Если бы мы не смотрели на неё слишком долго, прыжок не казался бы таким ужасным, так как он был вполне по силам третьеразрядному спортсмену. Как бы то ни было, я не без колебаний достиг противоположного края и кинул проводнику верёвку. Но дальше мне пришлось идти одному, так как мой лезгин повернул назад, отчаявшись когда-либо приблизиться к оленям.

Почти час я продолжал идти по тропе, заглядывая за очередной гребень холма, ожидая увидеть стадо с другой стороны; и так заманчива была погоня, что даже сейчас, оглядываясь назад, я не могу отделаться от ощущения, что если бы я только добрался до следующего обрыва, то получил бы свою награду.

Но человеческое тело не может двигаться вечно, как бы сильно ни желала этого воля, и мои несчастные конечности напомнили мне некоторыми болями и спотыканиями, что они достигли предела своей выносливости. Так что я неохотно сдался и повернул назад. И тут начались мои трудности.

Подъём назад, как и все подобные подъёмы, казался вдвое длиннее, чем казалось при спуске. Мои глаза отяжелели, а ноги налились свинцом. Впереди не было ни

цели, чтобы заманить меня вперёд, ни проводника, чтобы советовать или направлять мои шаги. Я уже начал жалеть о своем упорном преследовании благородного оленя. И всё же, несмотря на усталость, все шло хорошо, пока я не начал пересекать похожий на крышу снежный покров между мной и хижинкой. Здесь света было ещё меньше, а следы трудно было различить. На полпути я готов был закончить своё путешествие, и не только на эту ночь, но и навсегда.

Одна моя нога выскользнула из ямы и я упал ничком. Инстинктивно я сжался, изо всех сил вдавливая ствол винтовки в снег, и так, в худшую минуту моей жизни, я висел, опираясь одной ногой на ступеньку, когда как другая свободно болталась на гладкой поверхности. Я не смел подняться, боясь, что какое-нибудь дополнительное давление сломает мою единственную опору или ослабит хватку винтовки в снегу, и таким образом отправит меня в полёт вниз по склону, через край которого я неизбежно попаду в вечность.

Однако тогда был Сочельник, и какой-то добрый ангел поддержал меня; я в страхе и трепете медленно сделал усилие, с трудом принял вертикальное положение и через несколько минут вышел с этого предательского снежного склона с чувством облегчения, которое возместило мне все перенесённые хлопоты.

Обстановка в хижине ничем не напоминала рождественское веселье. Талый снег и немного чёрствого хлеба были нашей единственной пищей; наша единственная музыка — неприятный ветер, незаметный снаружи, который теперь свистел сквозь щели в стенах. Даже лезгины не могли уснуть, хотя лежали почти на углях костра, откуда выходил едкий слепящий дым. Всю ночь мы бродили по комнате, как дикие звери в клетке, тщетно пытались согреться. Время от времени кто-нибудь из нас глотал несколько капель талого снега из полусгоревшего куска

деревянной чаши, стоявшей на огне. Раз или два нам удавалось заснуть на несколько минут, но они быстро заканчивались вздрагиванием от холода, которое возвращало нас из страны грёз.

Не думаю, что кто-нибудь спал в ту ночь: звёзды были такими же яркими, как всегда, когда мы вышли из хижины, чтобы согреться зарядкой и отметить начало нового дня. За несколько минут до того, как мы покинули нашу мрачную ночлежку, пронзительный свист со всех сторон заставил меня поверить, что здесь есть и другие человеческие существа, кроме нас. Когда наши глаза привыкли к свету, нам открылся истинный источник шума. Вокруг нас деловито кормились стаи больших серых птиц и энергично насвистывали во время еды. Лезгины называют их горными индейками. Хотя они и были почти ручными, я обнаружил, что стрелять в них в этом тусклом свете из винтовки «экспресс» было нелегко, и единственная, которую я убил, упала в расщелину, где мы были вынуждены, несмотря на голод, оставить её. Если бы я выстрелил сразу, как только вышел из хижины, то легко убил бы нескольких, так как они позволили бы мне приблизиться к ним на расстояние дюжины ярдов, настолько они были не пугливы. Но в этот ранний час у нас была надежда, что идя по какой-нибудь из хорошо протоптанных троп возле хижины, мы увидим тура или дикого козла, спускающегося к пастбищам внизу; имея в виду такую возможность, мы оставили индеек в покое до тех пор, пока наступающий рассвет не сделал их диковатыми. Перед рассветом мы увидели несколько птиц, которых горцы называют чёрными фазанами. Своим полётом и формой они всячески оправдывали это название. Как и индейки, фазаны исчезли на рассвете, словно по волшебству. Вершины, еще полчаса назад оглашённые криками и оживлённые суетливыми существами, теперь были

неподвижны, и если бы не следы на снегу, можно было бы подумать, что это были всего лишь кошмары, рассеянные дневным светом. Алла́й указал на причину внезапного исчезновения птиц: двух ширококрылых ястребов-ягнятников, которые появились с первыми лучами зари, паря вокруг вершины горы.

Позже, когда из-за недостатка припасов и недовольства моих спутников я возвращался в долину, я снова увидел этих горных королей. Мы растянулись на выступе скалы, где было довольно тепло от солнца, и, утомлённые восхождением, отдыхали в его радостных лучах, когда между нами и ним возникла тень. Подняв глаза, мы увидели фигуру одного из этих бородатых разбойников, нависшую над нами. Пуля из моего «экспресса» срезала горсть его перьев; на мгновение огромная птица зашаталась, словно собираясь упасть, но, к моему огорчению, выпрямилась и поплыла дальше, ровная и спокойная, как всегда, чтобы закончить свой путь вокруг соседней горной вершины и, увенчав дерзость, вернуться к нам точно так же, за исключением того, что на этот раз пуля пролетела не так близко от цели.

Времени у меня оставалось всё меньше, и хотя мне пришлось покинуть свой горный дом с пустыми руками, я решил не сдаваться и немедленно вернуться на почтовую дорогу, чтобы продолжить путь к Каспию. Если бы у меня был хороший проводник, который к тому же был страстным охотником и преследователем, и если бы я приехал на месяц раньше, я уверен, что результат моего визита с охотничьей точки зрения был бы совершенно иным. Легко видеть, что дичи чрезвычайно много, и я всё ещё с нетерпением жду лучших времён, когда, лучше зная эту землю и своих людей, я смогу извлечь выгоду из прошлого опыта и собрать ягдташ, которым мог бы гордиться любой добытчик. Я полагаю, что честь охотника, собравшего богатую добычу в стране, совершенно

ему незнакомой, без хороших проводников, всегда очень высока.

В моём прощании с лезгинскими хозяевами было больше сожаления, чем обычно бывало на Кавказе, и предчувствия не обманули меня, ибо прошло много времени, прежде чем я снова встретил такой чистый, гостеприимный дом. Рождество я провел в Гердауле, где мы устроили прогулку за оленями среди гор в проливной дождь, что делало нашу охоту особенно неприятной. К несчастью, Иван рано утром подстрелил лань, и из-за её туши вся ватага армян, которые были у нас и загонщиками, и хозяевами, дралась, как собаки из-за кости. Видя, что в этот день больше не будет возможности развлечься, я оставил их мутузить друг друга за полфунта оленины, если им это нравится, и, чувствуя приступы ревматизма, поплелся к Гёйчаю, оставив Аллая следовать за лошадьми.

В одной из деревень на обратном пути меня встретила делегация, просившая разрешить освободить несчастного татарина, который по дороге в эту деревню употребил в мой адрес какое-то ругательство, о чём я, не зная диалекта, совершенно не подозревал. По-видимому, Аллаи нашёл время послать к старейшине деревни, представляя меня как князя, находящегося под покровительством русского правительства, и по его настоянию бедняга с тех пор был заключён в жалкую тёмную хижину. Разумеется, я дал необходимую санкцию, хотя и чувствовал, что лучше не исправлять ошибочное представление Аллая о моём положении, пока я снова не окажусь в безопасности в Гёйчае.

Я могу здесь упомянуть, что, хотя мы, к счастью, избежали преследования, нам постоянно советовали взять с собой эскорт; и даже Аллаи обеспечил его за свой счёт, чтобы его брат и лошади благополучно вернулись на почтовую дорогу, когда он оставит нас с лезгинами. Сами

лезгины никогда не выходят из своих домов без одного хорошо вооруженного человека, чтобы защитить свои товары от вороватых татар, которые в изобилии водятся в этих малопосещаемых краях. Поэтому я особо упоминаю об этих вещах, чтобы никто из тех, кто последует по моим стопам, не попал в беду из-за недостатка должной осторожности, вызванного моей удачей.

На обратном пути в Гёйчай я увидел одну из прекрасных пятнистых лиан, которые иногда встречаются здесь, хотя Аллаи уверял меня, что они далеко не обычны.

Часть 13. Из Гёйчая в Ленкорань

Трудное путешествие — стрельба по дороге — Шемаха и Аксу — тарантасы и почтовые дороги — убогая станция — грязевые вулканы и нефтяные источники — дрофы — по дороге в Сальян — стаи диких птиц — чиновник-мошенник — обманутые надежды — добрый самаритянин — соперничающие хозяева — азиатская лихорадка — Муганская степь — пеликаны и мириады других птиц — татарские оргии — изгнанные сектанты: молохи и скопцы — прибытие в Ленкорань — персидский оружейник — товарищи-охотники.

На следующий день после нашего возвращения на почтовую дорогу, проснувшись, мы обнаружили, что перемена погоды, предсказанная горными проводниками, уже наступила. В воздухе не чувствовалось той бодрящей свежести, которая позволяла двигаться в течение дня с относительной лёгкостью и удовольствием, но непрерывный холодный дождь с редкими снежными зарядами заслонял солнце и превращал дороги в болота. За одну ночь холмы покрылись снегом, и если бы мы не покинули Гердаул, то могли бы остаться здесь на зиму. Как бы то ни было, перспектива нашего путешествия в Ленкорань была не слишком радужной. Каждый ручеёк, пересекавший дорогу, быстро разливался в бурный поток, и пятьдесят семь вёрст, составлявшие дневной путь и оканчивавшиеся в Аксу, были вёрстами невыносимых страданий и неудобств.

В Аксу почтмейстер отказался дать нам лошадей, утверждая, что при теперешней погоде попытка преодолеть гряду холмов между его станцией и Шемахой приведет только к разрушению почтовой повозки, потере ло-

шадей и переломам конечностей, особенно теперь, когда туман и ночная тьма сделали дорогу невидимой.

По дороге, не доходя до Аксу, мы встретили трёх разбойников, о которых так много слышали, во главе отряда «чапаров» (конная милиция), которые казались более похожими на разбойников с большой дороги, чем их жалкие пленники.

Утром 28 декабря мы выехали из Аксу в Шемаху, на расстояние сорока вёрст, по холмам, склоны которых были похожи на мокрые вспаханные поля. Здесь почтовая повозка не могла двигаться так быстро, как мы могли идти, так что мы утешались тем, что охотились по дороге и находили некоторое утешение в изобилии дичи, которая водилась на этих склонах. Красноножки, зайцы и фазаны кишели здесь, а с ними совы и другие хищные птицы населяли холмы, и мы очень весело проводили время. Волки тоже имеют здесь пристанище, о чем свидетельствует брошенная почтовая повозка, на лошадях которой на прошлой неделе бежал путник со своим ямщиком, оставив повозку с поклажей на произвол судьбы.

До того, как я увидел Аксу, мне казалось, что нигде в мире сороки не водятся в таком изобилии, как в Голуэе, вокруг Лореи или в некоторых излюбленных мною уголках Франции; но здесь, в Аксу, я насчитал семнадцать таких браконьерствующих негодяев, собравшихся, словно кучка воробьев. На холмах на полпути между Аксу и Шемахой я увидел целую стаю орлов и ястребов, занятых, я полагаю, полузамёрзшими мелкими птицами и зайцами. Два или три ягнятника соблазнили меня на длительную погоню; но хотя я попал в двух из них, мой четвёртый выстрел не сбил их на землю, и я признаюсь, что не смог убить их из винтовки, несмотря на их медленный полёт.

Шемаха — не тот город, чтобы долго задерживать усталого путника. Единственным постоялым двором,

который мне удалось найти, был подземный *дюшан*, куда можно было попасть по каменным ступеням, ведущим с дороги вниз, в некое подобие склепа, где на полу стояли лужи, вытекшие из грязи наверху; и здесь стряпня и выпивка были столь же отвратительны, как и жильё. Шемаха в основном состоит из азиатских домов с плоскими крышами и нескольких новых шикарных домов общероссийского образца, с белыми оштукатуренными стенами и зелёными крышами, которые выглядели ужасно холодными и неуместными среди снега и зимней бури.

Дороги этого города, все без исключения, самые плохие из тех, что я когда-либо видел; хуже может быть разве что русло горной реки. Всё кругом несёт на себе следы разрушений, вызванных частыми здесь вулканическими явлениями. Основные жители, видимо, армяне, а промышленность — производство ковров. Шемаха, как мне говорили, очень древний город, и в былые времена она была столицей губернии, хотя до русского владычества, при персах, большим городом был Аксу, почтовая станция у подножия холмов. Теперь Аксу опустился до очень незначительного положения; и даже если предполагаемая железная дорога из Тифлиса в Баку когда-нибудь станет реальностью, вулканические землетрясения, от которых она часто будет страдать, вероятно, помешают Шемахе когда-либо достичь реального значения.

После Шемахи почтовая дорога ведёт в Баку, главный порт по эту сторону Каспия. Но так как моей целью было попасть в Персию или, по крайней мере, достаточно близко, чтобы найти тигров, я свернул с главной дороги и направился на юго-восток, в Ленкорань. Дорога между Шемахой и Ленкоранью используется крайне редко, и мне было суждено увидеть, прежде чем я достиг Каспия, самые большие неудобства русского почтового путешествия. До сих пор на каждой станции было по мень-

шей мере три *тройки*; здесь же ни одна станция не имела больше двух. Поскольку одна из троек всегда оставалась на случай чрезвычайных ситуаций (например, для нужд специального курьера), оставалась единственная, которая выполняла всю работу. К счастью, кроме меня путешественников не было; в противном случае я мог застрять на какой-нибудь почтовой станции на границе Муганской степи.

Так как Шемаха не давала мне причин остаться, мы с моим слугой не замедлили возобновить наше путешествие. Проехав двадцать вёрст по неровной холмистой местности, мы остановились на ночлег на станции, название которой я специально записал, чтобы она приобрела дурную славу самой худшей почтовой станции в Российской империи, а вероятно, и во всём мире. Это может показаться самонадеянным для того, кто видел только одну сторону могущественной России; но следует помнить, что, говоря так, я просто полагаюсь на самих русских, которые уверяют меня, что почтовые дороги на Кавказе — самые плохие в империи, и в этом у меня есть некоторый опыт.

Хотя я тщательно изучил свою карту, я не смог найти названия станции, о которой я сейчас пишу; но тогда я испытал значительные трудности в распознавании многих других известных мест из-за различий в написании названий и даже в самих названиях, так как здесь не редкость встретить деревню, которая может похвастаться почти таким же количеством имён, как и жителей. По фонетическому звучанию к названию этого жалкого скопища лачуг больше подходит слово *Чейли*.

Когда мы приехали, уже наступила ночь, а вместе с ней и плохая погода. Мы устали, промокли и проголодались. Даже если бы мы захотели продолжить наше путешествие, лошадей не было; поэтому мы решили остаться и спросили дорогу в комнаты для гостей. Стан-

ция расположена на очень высоком и открытом месте. В самом холодном углу находится комната, в которой нам предстояло провести ночь. Пол был более мокрым и грязным, чем если бы это была просто земля; лужу посреди него нельзя было покинуть, если не встать на единственный предмет мебели в комнате — одинокую скамью, чрезвычайно шаткую от старости и недостаточно большую, чтобы вместить одного человека в лежачем положении. Очаг лежал в руинах, окно было выбито, дверь сорвана с петель, потолок частично обвалился, и даже цветная гравюра императора, без которой не обходится ни почта, ни государственная контора, висела мокрыми обрывками, хлопая «крыльями» по заплесневелым стенам.

Мы попытались вымести воду с пола, но это был напрасный труд; она возвращалась так же быстро, как мы её выгоняли. Что бы мы ни делали, чтобы укрыть комнату от ветра, наши баррикады были бесполезны против его ярости из-за многочисленных пробоин, которые он уже проделал в стенах. Мы просили дров или угля — их не было, еды также не нашлось. Мы пошли в конюшню, надеясь найти там убежище. В грязной слякоти, в атмосфере, которая удушила бы английскую лошадь за три минуты, над своими уздечками дрожали несколько жалких на вид животных, чьим уделом было жить и трудиться в Чейли. И всё же, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, несмотря на скудное содержание и отсутствие ухода, эти выносливые животные, похожие на мешки с костями, выполняют больше работы, чем наши хорошо ухоженные английские лошади, никогда не страдают от кашля, простуды, грязевой лихорадки или любой из ста одной болезни, которой подвержены наши тщательно оберегаемые животные. Вот что можно сказать о русском человеке: если он не обеспечивает своего зверя хорошей пищей и удобными стойлами, то,

по крайней мере, оставляет ему ту шубу, которую дала природа.

Тщетно пытаясь найти место для ночлега, мы с Иваном подкупили главного ямщика (он же был и почтмейстером), чтобы переночевать в его однокомнатной лачуге. Этот человек был молоканин и жил со своими родителями и детьми в состоянии неряшливой нищеты в этой единственной комнате. Его бедная жена всю ночь беспокоила нас своим глубоким мучительным кашлем, и это заставляло надеяться, что ей не придётся долго влачить жалкое существование в Чейли. Дети были похожи на грязные, вялые скелеты, слишком безжизненные даже для того, чтобы ссориться или играть. Глава семьи, казалось, выполнял свою работу возницы так же апатично, как лошадь на мельнице, не проявляя никакого интереса к своей работе и не испытывая никакого желания улучшить своё положение.

Апатия русского мужика — поистине удивительная часть его натуры. Это был человек не старше тридцати пяти лет, проводивший по полдня в праздности, с женой и детьми, умирающими у него на глазах из-за отсутствия хоть какого-то комфорта, который обеспечивал бы им недельный труд отца, и всё же он, казалось, никогда не думал о том, чтобы починить окна или крышу, спустить воду с пола или сделать что-нибудь, чтобы предотвратить вторжение удушливого дыма, так же как его жена не мечтала о том, чтобы очистить или сделать уютным своё жилище. Хотя это были молокане, религиозная секта, исповедовавшая чистую жизнь, не верившая в пост, как это практикуют православные русские, и, как правило, более крепкая, чистая и полезная, чем устои среднего русского мужика. Русские крестьяне — поселенцы на Кавказе — повсюду поражали меня тем, что со сменой страны их жизнь скорее ухудшалась, чем улучшалась.

До глубокой ночи мы с моим слугой лежали, не в силах заснуть, несмотря на усталость, в этой жалкой берлоге, коротая время, сбивая с ног мышей, которые превратили наши распростертые тела в игровую площадку.

Покинув Чейли, мы снова спустились на равнину, где погода была гораздо мягче и куда интереснее было путешествовать охотнику, так как обочины изобиловали дичью, вероятно, из-за близости Куры. Между третьей и четвёртой станциями из Шемахи, названия которых настолько нелепы, что всякое воспроизведение их на английском языке совершенно безнадежно, мы пересекли участок земли, покрытый грязевыми вулканами, некоторые из которых достигали пятнадцати футов в высоту. Здесь мы видели, как из земли вырывается *нафта* и в больших количествах бежит через почтовую дорогу. Кто-то сказал мне, что вся страна на многие мили вокруг была полна нефтью, которая почти не использовалась, так как трудности транспортировки делали разработку невыгодной. Если когда-нибудь будет открыта железная дорога из Тифлиса в Баку, я думаю, что эти нефтяные источники станут ценным достоянием.

Во время пребывания на следующей после грязевых вулканов станции мне посчастливилось наблюдать прохождение стрепета или малой дрофы (*otistetrax*). Этим великолепных птиц были миллионы по всей степи. Земля посерела от них, воздух наполнялся их криками, небо оживлялось от движения их крыльев. С ними было несколько небольших стай другой птицы, мне показалось, что я узнал золотую ржанку, но в этом я ни в коем случае не уверен. Я был так поражен странным зрелищем, открывшимся передо мной в этом многочисленном потоке птиц, что провёл большую часть дня, наблюдая за ним; и когда я наконец ушёл, невообразимая река крылатых существ всё ещё текла по степи с запада на восток в неизменном количестве.

Русский порох, купленный мною в Тифлисе, оказался так плох, что я уже почти перестал употреблять его на что-нибудь крупнее чирка, да и то надо было подойти очень близко, чтобы наверняка добыть птицу. Однако благодаря плотным массам стоящих и летающих дроф, я смог обеспечить себе и своему слуге желанную перемену рациона, израсходовав только два из моих драгоценных патронов «экспресс». Судя по экземплярам, которые удалось подстрелить, я бы сказал, что птицы только начали покидать свои летние убежища в Крыму и на Кавказе для зимовки на востоке. Если бы это было не так, они вряд ли были бы такими восхитительно жирными.

Но, наблюдая за дрофами, мы не заметили, как прошел день и, к величайшему своему разочарованию, обнаружили, что не сможем добраться до Сальяна к ночи; поэтому нам пришлось довольствоваться последней почтовой станцией по дороге туда. Ранним утром я спустился к реке, радуясь, что снова увижу Куру, чья чистейшая вода предлагала грязному путешественнику купание без стеснения, а голодному эпикурейцу — почти бесплатную икру.

Слава Богу, туалет русского ямщика не занимает много времени. Встряхнуться, зевнуть, выкурить сигарету, а в хорошие времена опрокинуть стакан чистой водки — и он готов встретить всё, что угодно, от своей возлюбленной до норд-оста. Но хотелось бы, чтобы снаряжение его лошадей настраивалось так же быстро, как и он сам; к несчастью, это не так. И всё же, несмотря на множество поломок в упряжи из гнилой верёвки и ещё более гнилых ремней, наше нетерпеливое желание убраться наконец-то было удовлетворено, и с сияющими видениями, по крайней мере, чистой хижины и груды хорошей рыбы с *икрой* в Сальяне, мы все без завтрака потащились по нашему последнему этапу в землю обетованную.

На всём протяжении нашего пути кишели дикие птицы, а сквозь низкие укрытия мы видели множество лис, совсем близко подбиравшихся к нам. На всём пути от Аджи-Кабула, стоящего у подножия холмов, в которых лежит Шемаха, и о котором я не могу найти ни малейшего упоминания на моей карте, как и о большом озере близ него, до Сальяна, а оттуда до Ленкорани, страна полна прудов, протоков и озёр, кишаших дичью. Однажды я остановил повозку, чтобы убить несколько нырков на обед и пару прекрасных белых цапель про запас.

И вот показалась река — широкий, внушительный поток, с почтовой конторой на этой стороне, то есть на восточном берегу. К нашему неудовольствию, хотя мы и были голодны, нас целый час задержал на почте председательствующий там негодяй азиат, под тем предлогом, что наши бумаги должны быть сначала изучены властями на другом берегу, прежде чем нам разрешат переправиться. Этот малый так хорошо нас обманул, что, хотя мы оба были озадачены и рассержены, мы подчинились, пока один русский, прибывший на место происшествия, не сообщил нам, что этот человек только пытается вымогать у нас деньги за свои предполагаемые услуги по приведению в порядок наших бумаг; и наш новый знакомый, испытывая дружеские чувства к своему соотечественнику — моему слуге — взял азиата за бороду, плюнул ему в лицо и со многими оскорбительными эпитетами приказал позаботиться о нашем немедленном переезде на другую сторону, если только он не хочет тотчас предстать перед полицией. На наши любезности и вежливые речи эта скотина отвечала с самой высокомерной грубостью, приписывая нашу вежливость, как и все эти люди, чувству слабости; но перед напором русского натура азиата тотчас уступила, и через несколько минут мы уже махали руками нашему своевременному помощнику с другой стороны Куры.

Первым делом мы спросили, где находится гостиница, а затем, где можно купить *икру*, мысленно решив купить достаточно, чтобы прокормить нас до самой Ленкорани. Конечно, каких ответов на эти вопросы я мог ждать после всего, что узнал о русских обещаниях и их выполнении? Разумеется, никакой гостиницы не было. В Сальяне было всего шесть русских семей, все остальные — татары. Всё, что вы хотите, вы можете купить у татар на открытом базаре, но прислуживать вам они не будут: если вы хотите есть, то можете есть, стоя на улице или в дверях у торговца, который продает водку.

Икру в Сальяне мы не могли найти ни за какие деньги. Шёл неподходящий сезон для свежей икры, а прессованную нельзя было купить ближе, чем в Божьем Промысле, большом рыболовецком стане в пятнадцати милях отсюда, где она стоила гораздо дороже, чем в Крыму. Даже если бы я посетил Сальян в нужное время года, я мог бы купить эту знаменитую роскошь только тайком, так как вся продукция рыбного промысла скупается перекупщиками, и договором специально предусмотрено, что они имеют на это полную монополию. Таким образом, хотя Сальян и Божий Промысел являются местами, откуда поступает большая часть икры, продаваемой в России, купить её там чрезвычайно трудно.

Когда мы угрюмо стояли в дверях виноторговца, жуя куски сухого хлеба и наблюдая скудное осуществление своих мечтаний о роскоши и отдыхе, наши усталые лица привлекли внимание добродушного русского таможенника, одного из немногих европейцев в Сальяне. Этот добрый самаритянин, услышав историю о наших обманутых надеждах, пригласил нас к себе домой на обед, и пока мы ждали его, произошла любопытная история. Прибыл посыльный от другого русского чиновника, о котором я никогда не слышал, и тоже пригласил меня

отобедать. Разумеется, я послал ему самый вежливый ответ, сославшись на предыдущее приглашение и пообещав прийти и поблагодарить его за любезность прежде, чем уеду из Сальяна. К моему удивлению, посыльный вернулся через несколько минут и сказал, что я не должен слушать мистера такого-то, он всего лишь простой таможенник, а должен немедленно прийти и отобедать с этим важным человеком, его хозяином.

Мой таможенник, казалось, нисколько не удивился этому сообщению и даже не рассердился, хотя оно было доставлено, к моему глубокому огорчению, в его присутствии. В ответ на это второе послание я мог сказать только одно и, сказав это, я отправился обедать с моим первым другом, много размышляя о нравах и обычаях востока. Но моё удивление еще более возросло, когда после обеда таможенник попросил меня пойти с ним к его сопернику, чтобы тот мог услышать из моих собственных уст, что он не виноват в том, что я обедал у него, а не у более знатного человека. Конечно, я уступил, и мы оба были встречены очень благосклонным приёмом со стороны начальника, который, узнав, что я англичанин, принёс в мою честь две бутылки пива с этикетками. Эти бутылки долгое время были предметом гордости доброго человека, и я искренне верю, что ему доставляло больше удовольствия видеть настоящего англичанина, пьющего пиво, чем такого англичанина, который потакал бы его прихотям.

В каждом доме Сальяна, казалось, свирепствовала азиатская лихорадка; половина обитателей обоих домов, где я жил, были поражены ею, и это в то время года, когда она наименее опасна.

Не имея никакого желания оставаться в этом городе, мы прошли через него и, не обнаружив ничего интересного, приказали нанять свежую упряжку лошадей, чтобы продолжать наше путешествие к Каспию.

В кои-то веки история об отсутствии лошадей оказалась правдивой, и, не имея возможности найти пристанище в городе, так как мы не хотели обременять ни одного из наших хозяев своим присутствием, тем более что лихорадка сводила с ума их домочадцев, мы предприняли энергичные усилия, чтобы получить какой-нибудь транспорт до следующей станции, которая, по слухам, была защищена от непогоды и являлась подходящим местом для охоты на диких птиц. Во время этого занятия мы наткнулись на татарина, торговавшего лисьими шкурами, и были поражены огромным количеством недавно убитых животных. Это были шкуры обыкновенной лисицы, подстреленной в окрестностях, и продавались они по 30—50 копеек за штуку.

Никогда ещё нам не было так трудно добывать лошадей, как теперь. Ни татары, ни другие крестьяне не повезли бы нас, несмотря на поздний час, через первую полосу Муганской пустыни к следующей почтовой станции. Казалось, что вся степь была покрыта кочевыми татарами, которые каждый год спускаются с холмов и зимуют в Мугане. Эти люди имеют (вероятно, справедливо) чрезвычайно дурную репутацию, и мы в конце концов убедили молодого сальянского татарина перевезти нас на его *арбе*, но только после того, как потратили на него все свои силы убеждения, показав, как хорошо мы вооружены, и пообещав, что будем держаться вне поля зрения, чтобы не возбуждать алчности странствующих «рыцарей», которых мы можем встретить; кроме того, он оговорил, что ему и *арбе* должно быть предоставлено место под защитой стен почтовой станции до следующего утра.

На этих условиях мы забрались на дно его повозки, которая более напоминала огромную продолговатую плетёную корзину на массивных деревянных колёсах, высотой около восьми футов. Это сооружение потащи-

лось одной лошадию восемнадцать вёрст по мерзкой дороге, вследствие чего мы всё время шли шагом. Далеко и близко во всех направлениях виднелись костры татарских стоянок. Несколько раз, к большому недовольствию нашего возницы, нам приходилось проходить в нескольких сотнях ярдов от их жалких палаток, состоящих из четырёх палок, воткнутых в землю, и куска чёрного войлока, натянутого сверху. Под этим навесом они отдыхают, четыре стороны открыты каждому порыву ветра. Большой костёр согревает лежащих, и своим мерцающим пламенем придаёт дополнительную дикость всей сцене и мрачным фигурам, проходящим перед ним, и странно увеличивает группу животных, привязанных рядом.

Судя по количеству лошадей и скота, которые я видел в их лагерях, эти кочевники были не просто цыганами. Особенно они досаждали охотникам, потому что, хотя летом Муган кишит антилопами, эти разумные животные покидают его, как только появляются татарские орды.

Когда мы выезжали из Сальяна, быстро наступал вечер, и всё небо было ярко-малинового цвета, который в сочетании с бесконечной равниной, создавал изумительный эффект. Огромная стая пеликанов в походном порядке, ряд за рядом, медленно двигалась в направлении Божьего Промысла, к ночлегу в тростниковой роще на Куре. Торжественный ровный полёт этих огромных птиц, их бесчисленное множество, огромные размеры и причудливый вид удивительно гармонировали с этой сценой и составляли вместе с ней незабываемый ансамбль. Раз или два по дороге к нам подъезжал какой-то дикого вида человек верхом и осматривал нас, но, хотя нервы нашего кучера были сильно расстроены этими инспекционными визитами, ничего дурного из них не вышло: наши посетители, вероятно, думали, что такая жалкая лошадь, как наша, едва ли стоит того, чтобы её украли.

Путь от Сальяна до Ленкорани был бы крайне неинтересным, если бы не кишашая со всех сторон птичья жизнь. Чем ближе мы подходили к Каспию, тем больше становилось птиц. В одном месте мы настреляли великолепных нумидийских журавлей, чьи величественные формы часто можно было видеть по дороге. В другой раз фламинго, белые и розовые, выманили нас из тарантаса. В тумане раннего утра орёл, сидевший на обочине дороги, почти напугал нас своими гигантскими размерами; и даже когда он улетел, невредимый и не слишком напуганный нашими пулями, когда мы также сделали все возможное, чтобы не допустить преувеличения его кажущихся размеров из-за свойств тумана, мы едва могли поверить, что он принадлежит к какому-либо известному виду, настолько гигантским он казался.

В тех местах, где почтовая дорога проходила через песчаные холмы у моря, крики птиц были просто оглушительны. В Крыму разновидности диких уток чрезвычайно многочисленны, но здесь, казалось, их было ещё больше. Самыми поразительными после фламинго, лебедей и пеликанов были, пожалуй, ярко-красная утка, называемая здесь гагарой, и прекрасная мандаринка, которую я видел только один раз вблизи. Но среди бесчисленных стай мелькали десятки различных оперений, носителям которых я не мог дать названия; и я уверен, что любой орнитолог, который в настоящее время ищет какую-нибудь новую почву для продолжения своего любимого исследования, нашел бы достаточную награду в экспедициях на болота вокруг Ленкорани в зимние месяцы.

Ночью мы миновали в некотором отдалении татарскую деревню, из которой шёл непривычный красный свет и раздавались крики, похожие на столпотворение. На вопрос Ивана, что это значит, нам ответили, что это татарский байрам, вернее, подготовка к нему. Желая

посмотреть, что происходит, я, вопреки предостережениям кучера, выскользнул из тарантаса и незаметно прокрался к деревне, где увидел сцену, более дикую, чем встреча ведьм в «Макбете». Среди хижин и стогов сена в сырой степи толпа полуголых татар воздвигла столб, а на этом столбе укрепила чудовищную пылающую головешку. Свет вспыхивал и мерцал на загорелых телах и диких лицах возбуждённой группы танцоров, которые в совершенном такте двигались и отступали вокруг неё, распевая в такт своим шагам. Время от времени другая группа, составлявшая хор для главных исполнителей, взрывалась песнопением, из которого я мог уловить только два постоянно повторяющихся слова, которые лучше всего передать так: «шаксай, максай». Танец, хотя и был чрезвычайно грубым и простым, производил впечатление благодаря окружающей обстановке и точности, с которой каждый танцор исполнял свою партию; и это было тем более замечательно, что все мужчины деревни, от четырёх до восьмидесяти лет, казалось, принимали в нём участие. Женщины были лишь праздными зрителями.

Мы наблюдали за ними некоторое время, пока танец не подошел к концу, и люди начали расходиться. Здесь мы поспешили вернуться к своей повозке, прежде чем кто-нибудь поймает нас за вторжением. Иван сказал мне, что через две недели они начнут ещё более дикие ритуалы, рубя и калеча себя ножами, как это делали жрецы Ваала.

Русские крестьяне рассказывают, что татары делают это в память о некоей Лутре, царице и амазонке, владычице Эриванской, которую убили русские воины. Она, умирая, повелела татарам так жестоко обращаться с собой раз в год в память о ней, и если они будут это соблюдать, то она, со своей стороны, через тридцать лет восстанет снова, чтобы руководить ими и править в великой

славе. С тех пор прошло больше тридцати лет, а Лутра-царица не сдержала своего слова, из-за чего некоторые татары сами перестали соблюдать эти обряды; другие подчинились власти русского закона, который запрещает дикие оргии под страхом очень тяжкого наказания; в то время как некоторые ещё совершают свои обряды в темноте полуночи и в пустынных диких местах степи.

По крайней мере тридцать вёрст нашего пути дорога была непроходима из-за разлива реки, и это потребовало крайне неприятного, долгого обхода. В деревнях, через которые мы проезжали к концу нашего пути, проживали большей частью молокане, чистые, трудолюбивые по сравнению с окружающими крестьяне, но очень странные, так как ничто не заставило их готовить для нас дичь из страха осквернить себя птицей, которую мы подстрелили, так как она была, по их мнению, нечистой. Эти молокане близ Ленкорани, вероятно, являются потомками тех 1500 или 2000 человек, которых император Николай сослал из России на Кавказ.

Местность близ Ленкорани представляет собой местами хорошие луговые земли, покрытые даже теперь богатой молодой травой; кое-где она была распахана, и в таких местах почвы чрезвычайно плодородны.

Наконец длинная вереница убогих хижин указала на приближение Ленкорани. Здесь же проживали другие сектанты, которых император Николай, возможно, с полным основанием изгнал из России. Это скопцы (евнухи), или «белые голуби», как они предпочитают себя называть. Кроме того, что эти люди калечат себя, они не пьют крепких напитков и едят очень мало чего, кроме хлеба и масла. Жители Ленкорани говорят, что они живут тихой, безобидной жизнью. Те, кого я видел в этой секте, были большими, одутловатыми людьми, с лицами столь же лишёнными выражения, как и жизнь, которую они вели.

Хотя Ленкорань, конечно, не была тем раем, каким её представляли в Тифлисе, она, однако, разочаровала меня менее, чем многие из тех мест, которые я видел. В городе действительно было несколько европейцев, прекрасный базар, где можно было купить еду; была комната, примыкающая к заведению, которое высокопарно именовало себя Ленкоранским клубом, где мы могли спать на деревянном полу с комфортом; была почта (хотя потребовалось много времени, чтобы найти её, и когда нашли, там не оказалось ничего, кроме пары ножниц для аппарата), была парикмахерская. В остальном Ленкорань в это время года — море грязи, а летом, должно быть, облако пыли. Улицы кое-где вымощены, хотя и плохо; за базаром, что расположен на открытом пространстве вне города и где большинство торговцев — персы или татары, нет лавок; дома плохо построены, а от мрачного, болезненного цвета моря, неподвижно лежащего у городских стен, исходит отвратительный запах, который летом, должно быть, невыносим. Чиновники этого места почти все армяне.

Вскоре после моего приезда я, ужасно уставший и сонный, отправился на базар искать оружейника и, найдя старого перса, скрестившего ноги в будке, увешанной старинным оружием, грозным на вид, отдал ему на починку свое охотничье ружьё. Рана, которую ему предстояло лечить, была ужасной вмятиной на одном из стволов, полученной при падении с тарантаса по дороге сюда. В последнее мгновение, когда я видел оружейника, он засунул в дуло что-то вроде кочерги и колотил кувалдой по моему злополучному ружью. Это немного разбудило меня; но, очевидно, не совсем, потому что следующее моё воспоминание — это внезапное пробуждение в будке рядом со старым мастером, который уже давно закончил ремонт и теперь забавлялся выражением удивления на лице Ивана по поводу того странного по-

ложения, в котором он, после полудневных поисков, наконец нашел меня. Да будет сказано к чести этого перса, когда я уходил с базара, мое ружьё было хорошо починено, и из моего кармана ничего не пропало.

В тот первый день в Ленкорани у меня было много дел, особенно потому, что служащие местного лесничего сказали моему слуге, что нам нельзя охотиться без разрешения. Беседа с самим лесником вскоре всё исправила, и в его доме я увидел шкуру недавно убитого леопарда, что дало мне надежду на успех. На следующий день после моего приезда мне посчастливилось познакомиться с немецким джентльменом по имени Мюллер, который с того момента, как узнал о моей национальности, взял меня под свою особую опеку. Сначала мы встретились в доме одного из местных охотников, который, узнав о моем приезде, устроил пир в мою честь.

Здесь, после обеда, обсуждая возможность увидеть тигра — мечту, которая становилась все более и более отдалённой, чем больше я её преследовал, — один из гостей предложил мне сделать его дом в соседнем лесу моим главным пристанищем на время моего пребывания. Хижину охотника он называл «убогой лачугой», и идея отдохнуть под крышей дома с ирландским именем говорящим по-английски хозяином, со всеми этими прекрасными развлечениями, была слишком хороша, чтобы от неё отказаться; так что, как обычно, я решил в мгновение ока довериться заботам моего нового друга.

Справедливости ради следует сказать, что, куда бы я ни приехал в России, меня неизменно встречали с готовностью и гостеприимством, так что все моё путешествие было не более чем серией экспедиций, начатых, если не законченных, под покровительством и по предложению какого-нибудь вновь обретенного друга.

Часть 14. Берега Каспия. Назад в Тифлис

*Ленкорань — Изобилие дичи — Эривульский лес — Туземные птицеловы — Охотничий домик — Разрытый двор — Дикий кабан — Рай для охотника — Испуганный кабан — Старый Ширка и его добыча — умирающий орёл — Каспийские дятлы — Праздничные ночи — Ожидание тигра — Лесная жизнь ночью — Филин и его добыча — Конец долгого бдения — Сезон дождей — Улицы Ленкорани — Обратный путь в Тифлис — Приключение в Аджи-Кабуле — Переживания после путешествия — Издевательства над начальником станции — Армянские протестанты — Русская телеграфная служба — в жалком положении — разлив над пропастью — переоборудование нашего тарантаса — *argumentum ad hominetan* — неловкое положение — погоня за ямщиком — возобновление жизни в Тифлисе — Великий снегопад — добыча антилопы — «Черная смерть».*

Ленкорань окружена болотами, в которых ежедневно развлекаются бекасы и вальдшнепы, а также всевозможные длинноногие и длинношеи чужаки, неведомые для британца, и сотни представителей соколиного племени. Здесь мы с моим слугой провели пару дней, стреляя в птиц, наименее известных нам; но на третий день мы сели на лошадей и поехали к большому озеру, на котором встретились с нашим немцем. Здесь мы намеревались переправиться в лес, окаймлявший дальний берег, в глубине которого находилось «убогое жилище» нашего друга. На этом озере сновали мириады водяных кур! Вся поверхность казалась темной от них, камыши оживали от их нескончаемых криков. Торговля водяными курами

характерна для уличной жизни Ленкорани. Базар полон их тушками; на каждом углу вы встречаете людей, торгующих ими; каждый второй крестьянин несет двух или трёх птиц домой на обед.

На озере множество плоскодонных лодок, в которых птицеловы плывут по мутным водам в тростниковых зарослях, пока на внезапном повороте плотная стая водяных кур не становится для них удобной мишенью. Птицы на базаре так дешёвы, что сбивать их каждую одним выстрелом означает для стрелка полный проигрыш. Но кроме настоящих охотников на дичь, которые редко преследуют водяных кур, есть и другие враги бедной маленькой птицы. Это промысловики, добывающие их с помощью приманок и сетей, натянутых через проливы, по которым они гонят птиц. Чтобы скрыться, куры ныряют и попадают десятками в затопленную сеть. На этих озерах, естественно, много другой птицы, но водяная курица, кажется, процветает и изобилует больше других, и её гораздо легче поймать, поэтому она является основной пищей большинства жителей Ленкорани.

Во время нашего путешествия мы встретили одного из охотников, татарина, с которым у нас случился довольно жаркий спор. Когда он вытащил сеть, полную бьющихся или уже утонувших птиц, мы с ужасом увидели, что вместо того, чтобы сразу убить тех, кто еще не умер, он взял на себя труд сломать им ноги и крылья, и бросил живую, беспомощную массу боли и страха на дно своей лодки, где им предстояло провести часы в ужасных муках. Мы объяснили ему, насколько проще для него и насколько добрее для птиц было бы свернуть им шеи прямо сейчас; но это были напрасные хлопоты. Татарский ум не мог постичь красоты милосердия, и все что мы смогли получить, это ухмылку и заверение, что если он не сломает им ноги или крылья, они ускользнут от него; а поскольку он может отсутствовать день или

два, то если он убьет их сразу, то они не будут свежими, когда их повезут на рынок. Спорить было бесполезно; мы оставили его, чувствуя, что, если бы мы поддались своему порыву, он провел бы следующие несколько часов с четырьмя сломанными конечностями на дне своей собственной лодки. Водяных кур продают примерно по пять пенсов, диких уток — по шесть пенсов за штуку.

На дальнем берегу озера нас ждал отряд деревенских жителей, чтобы отнести наш багаж через болотистый лес, где ни лошадь, ни телега не могли передвигаться, к бревенчатой хижине нашего хозяина.

Главными объектами земледелия здесь были рис и тутовые деревья; и в то время как дикие кабаны опустошают рисовые поля, тутовые деревья и их пожиратели — шелковичные черви — удивительно процветают. Господин Мюллер, наш хозяин, не зря путешествовал по отдалённым уголкам земли, так что, когда мы добрались до его лачуги, и, хотя в двух десятках шагов были непроходимые джунгли, мы нашли её самым удобным домом, который мы видели с тех пор как покинули Тифлис. Ночью дикие кабаны раскопали небольшой клочок сада у двери; на маленькой лужайке неподалеку барсук в своих ночных играх перевернул весь дерн, а когда мы приблизились, справа и слева от нас словно петарды вылетели из-под ног бекас и тетерев.

В течение первых трех дней нашего пребывания в Эривуле (совр. с. Верекул) мы только и делали, что стреляли тетеревов и фазанов или со сворой прекрасных собак, гордостью мистера Мюллера, охотились на диких свиней, которые в изобилии водились в густых лесах; в то же время мы отправляли гонцов во все стороны, предлагая большие награды за известие о тигре или леопарде в пределах трехдневного перехода.

Тем, кто не видел охоты на диких птиц Каспия, любое описание стаи тетеревов и бекасов (главным образом

джека) в Эривуле в начале 1879 года покажется чрезмерным. Мы устали еще до того, как эти три дня закончились, хотя потребовался не один день непрерывной охоты, чтобы привыкнуть к стрельбе по шелкающим звукам их голосов, которая одна только и возможна в этих густых кронах. Везде, где лес был совсем сухой — а это было по большей части на довольно открытых местах — шум и блеск фазаньих крыльев нарушали монотонность тетеревиных шелчков.

Однажды, когда я выстрелил в одну из призрачных птичек, бесшумно перелетевших через густой кустарник, который все утро не давал мне покоя, кусты у моих ног с треском раздвинулись. С негодующим фырканием и хвостом, резко завивающимся над удаляющимися окошками, черная фигура старого кабана появилась отличной мишенью для моего второго ствола. К счастью для меня, он не был заряжен, иначе прореха между рёбрами могла бы вознаградить меня за глупое нападение с шестёркой на столь грозного врага.

Лес был усыпан цветами, хотя крокусы, которые так стремился раздобыть мой английский друг мистер Моу, к несчастью, еще не показали своих головок. Самыми распространенными цветками были малиновый цикламен и его белый сородич.

День за днем повторялась одна и та же история. Тетеревиная охота утром, пробежка с собаками вечером, веселая ночь в лачуге мистера Мюллера, но по-прежнему никаких известий о крупных представителях кошачьего семейства. Пусть история одного дня послужит для читателя образцом остальных.

Уже час мы блуждаем по слякоти в ясный весенний день, время от времени бросая взгляд на вспышку света, скользящую между деревьями. Наконец мы подходим к густому укрытию, где ожидаем найти большого дикого кабана. Это лучшие воспоминания о времени моей юно-

сти, проведённом за границей, когда мы лениво волочим ноги по липкой трясине, когда цепляющийся за одежду шиповник искушает нас сдаться и лечь на мягкую черную землю, вместо того чтобы бороться с сонными чарами весны и вечными препятствиями в виде болот и колючих лиан.

Вес наших ружей кажется вдвое большим. Никогда наши куртки не были такими тяжелыми, никогда замшелый ствол старого дерева не становился столь соблазнительным! Наконец мы начинаем думать, что мечты о будущих экспедициях под сигарету, с весенним томлением в крови, были бы бесконечно лучше, чем этот непрерывный труд ради добычи кабана, который так же мало желает быть разбуженным от глубокого сна, как много мы заботимся о том, чтобы разбудить его.

К счастью, в тот момент, когда мы уже почти поддались искушению дремоты, глубокий лай старой Ширки прозвучал как боевая тревога: через секунду сонливость прошла, шиповник пружиной вырвался из-под ног и, если бы его плеть выколола нам глаза или оцарапала слишком длинные носы, мы не обратили бы на это внимания. Ибо впереди нас, с хрюканьем и фырканием, достаточно громким, чтобы разбудить весь сонный лес, сквозь кусты прорывается огромная черная свинья, а позади неё толпятся несколько полосатых бесенят, в то время как голова Ширки и других собак побуждают их к еще более отчаянному бегству.

Каждый стрелок, который до сих пор был жив лишь наполовину, не колеблясь ныряет сквозь тернии, чтобы найти точку, где можно контролировать погоню или сделать тот самый выстрел, после которого становишься героем дня. И теперь по громкому лаю и прекращению треска в кустах мы понимаем, что Ширка и его друзья загнали добычу в терновник; такой густой, что свет едва может проникнуть туда, и такой злобный и цепкий, что

дает пленённому охотнику представление о природе всякого зла. С выгодной позиции мы наконец видим, что происходит.

В терновнике суетятся семь маленьких поросят, и на каждом висит собака, а огромный рыжий Ширка и еще один пёс борются со старой свиньей посреди небольшой лужи из черной грязи и воды. Но кабаниха слишком сильна для них, а мы не смеем помочь с ружьями и не можем подойти к ней с ножами; поэтому один за другим маленькие пискуны вырываются, и старая самка со всем выводком, после очередного поспешного выстрела, убираются прочь и оставляют нас оплакивать неудачу. Если бы поросята были побольше ростом, собаки, по всей вероятности, сосредоточили бы свое внимание на одном животном, и наша охота могла бы иметь более удачный финал.

Мы продолжаем свой путь в удрученном молчании, пока Ширка вдруг не бросается на маленький колючий кустик. «Чепуха, старый пес, отойди, мы все видим насквозь!» — едва эти слова слетают с наших уст, как из самого сердца чащи выскакивает огромный старый кабан, и храбрый Ширка опрометчиво бросается на него. Это собака-ветеран, один из славных победителей в тысячах боев, его рыжевато-коричневая шкура покрыта шрамами и узлами со следами многих клыков, но сейчас он так же безрассуден, как и когда был щенком; и как бы хозяин не любил своего старого отважного пса, он многое бы отдал, чтобы увидеть в нём хоть толику благоразумия, которое могло бы спасти его любимца от безвременной кончины. Когда гончая приближается, кабан поворачивается и в повороте дает хороший прицел для охотника с другой стороны зарослей; а старый глупый Ширка вновь вынужден спасаться от скрежещущих костяных штыков, которые он так опрометчиво презрел.

После этого в лесу наступает затишье. Боевой лай собачки возвестил всем живым существам, что смерть бродит по лесу, и кабан с косулей ушли в более глубокую чащу, где в сумрачной тишине они могут спокойно провести весенний полдень. Одну лишь птицу не испугал гулкий голос ружья: это огромный орел, который кружа, летит над лесной тропой и бросает тень на охотников. Но выстрел, который усмирил дикого кабана, достаётся и тебе, бедный лесной царь! И хотя ты спускаешься очень медленно, тебе придётся немного отдохнуть на этом старом сучковатом дубе, прежде чем твои крылья достаточно окрепнут, чтобы унести тебя прочь туда, где ты сможешь умереть спокойно. Кровь уже капает из твоего клюва, ты яростно цепляешься за крепкий старый дуб железными когтями, достойными их насеста, и с молчаливой, удивленной яростью смотришь на счастливого добытчика, находящегося всего в тридцати футах внизу.

Затем с величайшим усилием ты пускаешься в свое последнее плавание, и снова свинцовый град бьет вверх под теперь уже слабеющие крылья, и великий повелитель неба, свернув паруса, с глухим стуком падает вниз. Его глаза все еще открыты, когти все еще оттянуты назад для удара, а изогнутый клюв жаждет иной крови, чем собственная, которая окрашивает его сейчас.

Мир тебе, храбрая птица! Как и многие другие, когда раздался выстрел, я отдал бы последний рубль в кармане, чтобы не выстрелить. Но ты жил, как охотник, и, что вполне справедливо, от руки охотника ты погиб.

После этого наше внимание привлекает красивая фигура большого черного дятла, и почти два часа его обманчивый свист переманивает нас с Иваном от дерева к дереву, оставаясь всегда слышимым, но невидимым. Но всё когда-нибудь приходит к тем, кто ждёт, и, в конце концов его алый гребень добавляется к скальпам наших трофеев.

В этот день нам также посчастливилось подстрелить редкую птицу *picus St. John*, дятла, очень похожего на нашего обыкновенного пятнистого дятла. Знарок дятлов, мой друг мистер Мюллер, большой любитель естественной истории, уверял меня, что в последние два года он часто наблюдал возле своего дома очень мелкого дятла, по форме похожего на всех своих сородичей, по размерам чуть меньше воробья, блестящего изумрудно-зеленого цвета. Будучи ревностным хранителем редких птиц, он никогда не пытался досаждать этому экземпляру, который каждый год наблюдал возле своей хижины; и я думаю, что именно мое острое желание увидеть новинку и его подозрения в моих злых намерениях по отношению к ней помешали ему показать мне этот образец дятла, еще неизвестный, как я полагаю, британским орнитологам.

К вечеру, утомленные погоней, мы закуривали сигареты и возвращались домой по какой-нибудь хорошо знакомой тропинке, настреливая по пути достаточное количество тетеревов и фазанов, чтобы обезопасить себя от возможного дефицита мяса в течение следующих нескольких дней. Нередко, когда мы подходили к дому, собаки, которые в течение последних четверти часа устало следовали за нами по пятам, опустив хвосты и время от времени останавливаясь, чтобы лизнуть разодранную лапу, вдруг вставали дыбом и, забыв усталость, яростно бросались в домашний загон, где обычно нас навещало семейство диких свиней, предварительно тщательно удостоверившись, что нас точно нет дома.

Ночи пролетали довольно беззаботно. Новогодние празднества в Эривуле, если и не отличались какими-то особыми притязаниями, то, по крайней мере, были полны наслаждений, и каждый вечер наш немецкий друг смешивал любимое им вино для нашего и своего удовольствия.

Но однажды ночью вино осталось недопитым, не было выкурено и десятка папирос, разговор не шел ни об австралийских золотоискателях, ни об американских прериях, ибо туземцы наконец принесли вести о дичи, которую мы так долго искали! В некотором отдалении от нашего жилища, за две ночи до этого, в маленьком поселении на опушке леса тигр убил у персов корову; корова лежала неподвижно, на виду у всех, и след убийцы был ясно виден на песчаном берегу маленькой речушки неподалеку. На следующую ночь троица нетерпеливых охотников была на месте. Вокруг рощи, где был тигр и куда, как мы надеялись, он вернется, расположились, взгромоздившись на деревья, мистер Мюллер, Иван и я. Мы торжественно поклялись друг другу ждать в молчании всю эту долгую ночь.

«Насестов» своих товарищей я не видел, но у меня есть повод вспомнить свой собственный. Высотой около двадцати футов пень был грубо срублен или сломан наверху, торчащие щепки были склонны ломаться и пронзать слишком доверчивое существо, которое ставило на них свой вес. Вокруг этого грубого трона несколько небольших веток образовали довольно плотную ширму, и в качестве некоторой компенсации недостатков моего сиденья я обнаружил у ног две глубокие впадины, в которые мои длинные сапоги превосходно поместились. Усевшись здесь, я услышал последний мягкий звук удаляющихся шагов моих спутников, а потом, предварительно взглянув на часы, я довольно спокойно приступил к ночному бдению.

Какое-то время, конечно, мы ничего не могли ожидать. Нашего перехода через лес было достаточно, чтобы лишить нас всякой надежды увидеть хоть какую-то дичь в течение ближайшего часа. Какая была тишина! Даже море казалось шумной болтовнёй по сравнению с ночным лесом. Какая великолепная луна светила сверху

сквозь сеть лиан и диких виноградных лоз, отбрасывая длинные тени на травянистую опушку! Но как медленно проходят мгновения! Неужели я пробыл здесь всего четверть часа? Я беспокоюсь, хотя и бесшумно, двигаюсь на своем насесте, и тут сильный холод, от которого немеет правая нога, отвлекает меня от созерцания. При извлечении страдающей конечности из её укрытия тайна открывается: это удобное отверстие, которое так превосходно подходило к ноге, является естественным колодецем, в котором тщательно хранились подношения многих лесных душ.

Неудивительно, что в эту морозную ночь, когда вода пропитала сапог насквозь, несчастная нога онемела. Перемена позы, вызванная этим открытием, несомненно, была переменной к худшему, и всё сильнее и сильнее крепнет во мне убеждение, что честная встреча с мистиком Полосатым в течение четверти часа при свете дня была бы гораздо лучше, чем эта тихая ночная вахта на болезненно остром пне.

Постепенно обитатели леса, кажется, обретают уверенность. Вот слышен резкий ворчливый лай, исходящий от шакала, который, как говорят янки, *слоняется без дела* прямо в тени зарослей напротив нас. Затем раздаётся свист крыльев, и призрачные стаи уток проносятся над верхушками деревьев рядом с нами, невидимые для наших глаз, несмотря на яркий лунный свет. Тишина на мгновение становится напряженной; затем, ты не успеваешь и глазом моргнуть, как воздух взрывается взмахами крыльев, и пролетевшие над головой птицы с грохотом плюхаются в темные лесные лужицы, мягкий мох или, лучше всего, в молодую пшеницу несчастного перса.

Какой веселый смех они издают, когда каждая новая стая возвращается из своих морских путешествий! Каждая группа новоприбывших не менее десяти минут рас-

сказывает новости и договаривается о местах за ужином.

И вдруг — внезапная тишина. В воздухе ощущается тяжёлое: хлоп-хлоп! хлоп-хлоп! Все прячутся, дрожа в укрытии. Но как только тень ночного дьявола проплывает мимо, птицы становятся такими же веселыми и шумными, как прежде. Хорошо, что у них нет человеческого разума, иначе ужас присутствия хищника заглушил бы их невинное веселье на всю ночь. Более страшного врага, чем филин, для всех, кто слишком слаб, чтобы противостоять ему, трудно представить. Огромный размах совершенно безмолвных крыльев, скорбный крик, огромные когти, более острые и цепкие, чем у орла, и эти огромные свирепые глаза, светящиеся желтым огнем, все это составляет ансамбль, которым мог бы гордиться сам дьявол. Словно призрак, он скользит над самой землей, как безмолвное облако в лунном свете, на крыльях, которые, кажется, никогда не шевелятся. Горе притаившемуся зайцу, чьи уши, хоть и достаточно чуткие, не уловили приближение смертельного врага.

Если верить татарам и другим жителям степей, где обитает филин, то, как только хищник схватит свою добычу, он сам не может немедленно ослабить хватку. Зная это и страшась, как бы старый серый заяц, набравшись новых сил от ужаса, в своем безумном беге по колючим кустарникам и шиповнику не разорвал в клочья своего невольного всадника, птица цепляется одним когтем за землю или пень, а другим удерживает добычу. И теперь начинается «перетягивание каната» не на жизнь, а на смерть. Если мускулы филина достаточно сильны, чтобы удержать добычу, то это хорошо для охотника; но если нет... Очевидцы рассказывают страшные истории о том, как находили половины этих мрачных хищников, один коготь которых все еще цеплялся за землю, а другой, с остатками тела птицы, крепко сидел на спине её сбежавшей жертвы.

Мало-помалу, почти без шороха, приближается большой неуклюжий зверь, похожий на маленького медведя с чрезвычайно кривыми ногами, и совершает странные прыжки на залитом лунным светом газоне под моим укрытием. Я наблюдаю за ним достаточно долго, чтобы распознать в нем большого барсука, а он, вероятно, мельком замечает стволы моих ружей, и так же бесшумно, как и появился, исчезает из лунного света в таинственных тенях. И вот, когда то тут, то там мелькают проблески жизни лесных обитателей, долгая ночь заканчивается, становится все холоднее и наступает рассвет.

Наконец раздается звук, который пугает всю округу, и шорох удирающих лап ясно говорит о том, что, хотя мы и не видели, у каждой тени был свой обитатель. Треск ветвей и твердая, мягкая поступь приближаются прямо к моему укрытию, и я напряженно вглядываюсь, пока очертания огромного зверя медленно не возникают из тени.

— Привет! Ты что, спишь там, наверху? Спускайся вниз и выпей из моей фляжки. Сегодня ночью тигра больше не будет.

Ночное бдение заканчивается. Огромным «зверем» оказывается наш друг Миллер. Ночь клонилась к утру, и, медленно разгибая затекшие конечности, я спустился на твердую землю, радуясь, что вахта завершена, хотя единственным её итогом стал глоток бренди.

После этого я еще раз видел, как звезды светлеют и гаснут в холодном сером утре, ожидая в одиночестве тигра, который так и не появился; затем, опасаясь, что наступит сезон дождей и помешает нашему возвращению в Тифлис, я попрощался с друзьями, и 11 января мы отправились в обратный путь.

Как только наша повозка тронулась, небо стало постепенно чернеть, и с первым звоном лошадиных бу-

бенчиков смешалась дробь первого из сезонных дождей. С того момента, как мы повернулись лицом к Тифлису, и до того момента, когда Иван оставил меня в банях этого города ожидать чистую одежду, чтобы одеть меня перед возвращением в частично цивилизованный мир, погода неуклонно ухудшалась, и неудобство постепенно переросло в настоящие лишения.

Я не стану утомлять моих читателей более чем несколькими приятными воспоминаниями обратного пути, из которых первым будет предместье Ленкорани. По мере того как мы приближались к ним, дорога становилась такой плохой, что наши лошади едва могли идти шагом; и, посмотрев вперед, мы увидели, что улица превратилась в болото, преодолеть которое было решительно невозможно. По обочинам дороги, там, где раньше были тротуары, шли женщины в бедных одеждах, подтянутых до пояса, принимая грязевые ванны, которые можно было бы считать лечебными, если бы не опасность утонуть с головой, оступившись с невидимой тропы. Это исключительно негодное положение вещей, как нам сказали, происходит только в течение первых двух дней сезона дождей, после чего улицы станут лучше, когда грязь, накопившаяся за лето, будет смыта дождями.

Пожелав бедным голубкам веселого времяпрепровождения, мы с большим трудом вывели нашу повозку с дороги в степь; и здесь, хотя движение стало еще медленнее, все же было лучше, чем раньше. Два дня, в течение которых то мы, то наши лошади попеременно вытаскивали друг друга вместе с повозкой из грязи, я полагаю, не смягчили нашего нрава; и, возможно, именно из-за этого произошла история, когда в Аджи-Кабуле пострадал один несчастный перс.

Тогда ранним утром я сидел, съезжившись в бурке среди багажа, в чрезвычайно узком пространстве, отведенном одному из двух пассажиров русской почтовой повоз-

ки, и вдруг невесть откуда появившийся чапар спокойно оттолкнул меня в сторону и удобно уселся рядом, без церемоний и извинений. На вопрос, зачем он это делает, и объяснение, что почтовая повозка нанята мною, оплачена мною и предназначена только для того, чтобы быть арендованной мною и моими людьми, незваный гость только соизволил ответить, что он чапар, имеет право путешествовать в любой повозке, какую выберет, и намерен путешествовать в моей, нравится мне это или нет. Так вот, если бы это было правдой, то стало бы плохой рекламой для русских почтовых путешествий; но я думаю, что это не так; поэтому я попросил моего предполагаемого попутчика немедленно сойти, и так как он упорно отказывался, я вытолкнул его в грязь за колеса. Едва вскочив на ноги, негодяй вскинул свою старую кремневую винтовку к плечу и, приставив дуло почти к моему лицу, нажал на курок. К счастью для меня, при падении весь порох, который должен был составить шлейф к заряду, был рассыпан. Кроме того, его ствол был забит липучей глиной, так что, даже если бы её кусок покинул ствол, опасность от огня была бы большей для стрелка, чем для меня. После этого проявления гнева и бессилия он обратился к жителям станции и так подействовал на них своими доводами, что, если бы я не выхватил вожжи из рук моего ямщика и не пришпорил лошадей, то меня задержали бы, на несколько дней в Аджи-Кабуле, пока я не смог бы связаться с Тифлисом или Ленкоранью.

Чтобы путешествовать по почтовой дороге в этой части Кавказа, да и вообще по всей России, я полагаю, человек должен быть таким же болтливым, таким же красноречивым и таким же сквернословом, как пресловутая биллинггейтская торговка. Единственный язык, который понимает русский слуга, а больше всего русский ямщик, это ругань. Они с детства привычны к этому. Са-

мым ласковым обращением матерей, когда они качали их на коленях, было, вероятно, *ach te sukin sin* (ах ты, собачий сын), примерно эквивалентное английскому «ты моя маленькая обезьянка». Если пассажир пребывает в хорошем настроении, то называет ямщика *разбойником* или *мошенником*, а сам ямщик, обращаясь к своим лошадям, которых часто чрезвычайно любит и к которым редко применяет плеть, осыпает их самыми нежными и самыми грязными ругательствами.

Наши впечатления от путешествия по возвращении в Тифлис были отвратительными. В Аксу в полдень нам отказали в лошадях под избитым предлогом, что их нет — предлог совершенно лживый, в чем убедила нас разведка конюшни. Повторные требования были встречены угрюмыми отказами, и, следуя к начальнику станции в его личный кабинет, я вспомнил, что он сам должен прибыть в мою комнату, если я пошлю за ним. Отправленный мною слуга обнаружил, что дверь заперта на засов и все дальнейшие расспросы бесполезны. Трюк по вышибанию дверей был мне не по силам, поэтому, перейдя к кабинету со двора, я потребовал лошадей или жалобную книгу, которая должна храниться на столе в комнате для гостей и является единственным ограничением абсолютной власти начальника станции. Спрятать её или отказаться предъявить — величайшее преступление, и, если о нём доложат, начальник будет отстранен от должности.

Но этот негодяй, будучи в глубоком запое со своими ямщиками, оставался непоколебим и наотрез отказывался предоставлять или лошадей, или книгу или впускать меня. Убедившись, что на моей стороне русский закон и что этот малый, ради себя самого, не посмеет ничего докладывать, я вышиб дверь и, взяв его под руку, повел в комнату для гостей, где двое армянских купцов, находившихся в таком же положении, как и я, начали пинать каблуками и проклинать причину их ненужной задерж-

ки. Затащив начальника станции в комнату, я закрыл двери, показал ему несколько рекомендательных писем, которые были у меня с собой, и затем, сказав ему что мне известны последствия если я сообщу властям об отказе предъявить жалобную книгу, я начал торжественно закатывать манжеты своего черкесского костюма, изображая подготовку к суровому телесному наказанию.

То ли письма, то ли знание русских почтовых правил или, может быть, некоторая доходчивость сцены возымели свое действие, и через минуту открылась другая сторона азиатского характера. Наглая грубость, как по волшебству, уступила место отвратительной, льстивой угодливости. Но я слишком хорошо узнал этого проходимца, чтобы отпустить его, так что, заставив его заказать две тройки, одну для нас и одну для армян, я держал его в плену до тех пор, пока повозки не были доставлены к дверям, и тогда, с большой благодарностью от моих попутчиков, я, радуясь, покинул Аксу.

Эти же люди снова просили моей помощи на следующей станции, утверждая, что они мои единоверцы, будучи членами протестантской церкви в Шемахе. Кажется, сорок лет назад их секта была основана в Шуше, как говорили мои информаторы, английскими миссионерами, но имена, которые они им дали, Ларамбе и Фантер, звучали в моих ушах совсем не по-английски. Вскоре после основания протестантской церкви в Шуше остальные армяне восстали против своих новообращенных братьев и побудили царя изгнать их из Шуши, откуда они переселились в Шемаху и основали там церковь, в которой теперь совершают пять служб в неделю и насчитывают среди своей паствы 500 самых богатых людей из местных жителей.

Из Шемахи я послал телеграмму капитану Льяллю или г-ну Г., не помню кому, это были мои друзья в Тифлисе, чтобы объявить о своем возвращении и не до-

пустить отправки моих писем вслед за мной в Ленкорань.

Чтобы дать некоторое представление о русской телеграфной связи между Тифлисом и Каспием, поясню, что, хотя я и потратил достаточно много времени, чтобы добраться из Шемахи в Тифлис, эта телеграмма прибыла одновременно со мной, а телеграмма, отправленная из Баку за три недели до этого, прибыла через два дня после меня. Более того, несмотря на то, что я ехал по почтовой дороге и несколько дней охотился по пути, письмо, посланное мною в Ленкорань незадолго до моего отъезда, пришло гораздо позже. Вот вам и внутренние коммуникации по эту сторону Кавказа!

День за днем мы тащились вперед, становясь все грязнее, голоднее и больнее; часто мы ехали по шестнадцать часов в открытой повозке, причем самое продолжительное путешествие, которое мы когда-либо совершали, составляло за это время 132 версты. В Шемахе мы остановились пострелять антилоп, не столько ради еды, сколько ради забавы. Дневной отдых и хороший обед были совершенно необходимы; и хотя условия в Шемахе были так плохи, что отдых был невозможен, мы получили по крайней мере обед. Взбодрившись таким образом, в пятницу утром мы повернули к Тифлису, твердо решив не останавливаться больше в предстоящем тридцатичасовом путешествии, которое отделяло нас от долгожданных местных благ.

Последние десять дней моей главной надеждой, моей любимой мечтой, *ultima Thule* моих устремлений была горячая ванна. Расслабиться в серной воде и надеть чистую рубашку на чистое тело казалось единственной роскошью в жизни, и теперь, когда до неё оставалось тридцать шесть часов пути, я чувствовал себя почти счастливым, свернувшись калачиком в своей повозке, хотя снег и дождь пропитывали мою рваную старую одежду, и ве-

тер пробирал до костей, а красная грязь брызгала из-под колес, залепляя глаза и рот, пока мы не вышли за пределы всякого человеческого подобия. Но впереди были еще испытания. Когда мы приблизились к Акстафе, наступила ночь, и я, утомленный вечным движением, съезился под буркой в тщетной попытке укрыться от холода и подремать в эти утомительные часы. Погода была отвратительно сырая; ледяной ночной туман разрывал резкий ветер, отчего мы промокли и промерзли до костей. Было между девятью и десятью часами, луна еще не взошла, и ночь была беззвездной. Дорога шла через холмы, нечего и говорить, что в темноте её было трудно найти.

Внезапно меня разбудил грубый голос, призывавший немедленно покинуть повозку. Подглядывая спросонья из-под пледов, я мало что мог разглядеть, кроме того, что мой слуга и ямщик сошли и телега остановилась. «В чем дело?» — спросил я, нащупывая свой револьвер и ожидая появления долгожданных разбойников. «Одна из лошадей упала» — последовал ответ. Рассерженный тем, что меня беспокоят по мелочам, и не желая промочить разутые ноги в грязи, я снова свернулся калачиком, угрюмо приказав людям поднять и запрячь лошадь, когда, к своему ужасу, почувствовал, что повозка накренилась так, что вскоре грозила перевернуться. Через мгновение я окончательно проснулся.

Повозка была в таком состоянии, что мне пришлось подпрыгнуть, когда она падала, и следующим моим ощущением было путешествие в пространстве, подобное тому, какое иногда бывает во сне. Это кончилось ударом о землю, и следующее мое воспоминание — как меня выкапывают из груды ящиков, обломков телеги и тел лошадей, сопровождавших меня при падении. К величайшему счастью, меня ничего не задело, хотя телега упала так близко, что придавила край моей бурки, которая все еще была у меня на плечах. Только одно из животных на-

столько пострадало, что не могло двигаться дальше. По близости не было ни одной деревни. Идти пешком в Акстафу при таком состоянии дороги и непогоде было бы утомительно, даже если бы нам удалось уговорить кучера оставить лошадей и вести нас, а свои пожитки бросить, чего мы сделать не могли.

Вот тут-то мне и представилась великолепная возможность наблюдать поистине удивительную ловкость русских крестьян. Благодаря нашей любви к табаку у нас был с собой ящик серных спичек, при свете которых мы, ползая, извлекли из нашего багажа все, что не было уничтожено окончательно, и при помощи старых веревок, носовых платков и прочего так связали и склеили сломанную упряжь, что после двухчасовой работы в ту горькую зимнюю ночь нам удалось поставить повозку на колеса и снова двинуться в Тифлис.

Верный своему решению, я заставил извозчика высадить меня у бани; большие подземные помещения, где в чрезвычайно жаркой атмосфере можно купаться в маленьких ванночках с природной горячей водой, сильно пропитанной серой, после чего приходит смуглый маленький татарин, почти голый, и, встав на колени у вас на груди, разминает ваше тело сжатыми руками, колотит и шлепает вас, вытягивает суставы и заставляет ваши пальцы чудесным образом хрустеть, и, наконец, вытирает и оставляет вас с ощущением, как будто вы только что побывали в руках знаменитого профессора Бэта Маллинсона с Пантон-стрит.

Тем временем мой слуга забрал всё тряпье, что было на меня надето, и в состоянии счастливой, чистой ноготы я сидел, ожидая величайших из благ для усталого путника — чистой рубашки и приглашения к завтраку. Оба удовольствия были доставлены в назначенное время, и, чувствуя, что я больше не похож на нищего татарина как внешне так и внутренне, я отправился в дом

англичанина, поклявшись, что, если это будет в моих силах, впечатления от русских почтовых путешествий никогда не выйдут за пределы моей последней остановки в серных банях.

Снегопад, окутавший теперь Тифлис, был, как говорили мне жители, самым сильным из всех, какие они помнили, и, конечно, никогда Тифлис не мог выглядеть лучше, чем под белым покровом, скрывавшим всю его нищету и придававшим такой эклектизм его красоте. Для меня снегопад тоже имел свои преимущества, дав возможность наблюдать погоню за антилопой верхом, как это делали татары Кариаса.

Около двух десятков крепких всадников, все с винтовками на плечах и могучими борзыми, разместившись на лошадях перед сёдлами, выехали в ранний час в степь. Обнаружив стадо антилоп, татары окружили его и разбили, чтобы отделить добычу. Затем каждый выбирал себе жертву и в течение первой половины дня медленно следовал за ней с места на место, не пугая её так сильно, чтобы она скакала галопом, но и не теряя из виду. Таким образом, медленно передвигаясь и увязая в размороженном снегу, антилопа становилась утомленной и измученной, непрерывный медленный шаг утомлял её гораздо больше, чем быстрый галоп, во время которого снег не был бы такой помехой для летящих ног.

Когда бедное животное достаточно устало, охотник начинает приближаться, и даже если антилопа сделает рывок, десять к одному, что её остановит один из товарищей охотника. Когда татарину удаётся подойти достаточно близко, то он сбрасывает свою собаку с седла и, подбадривая её голосом и примером, быстро бежит к уже измученной добыче.

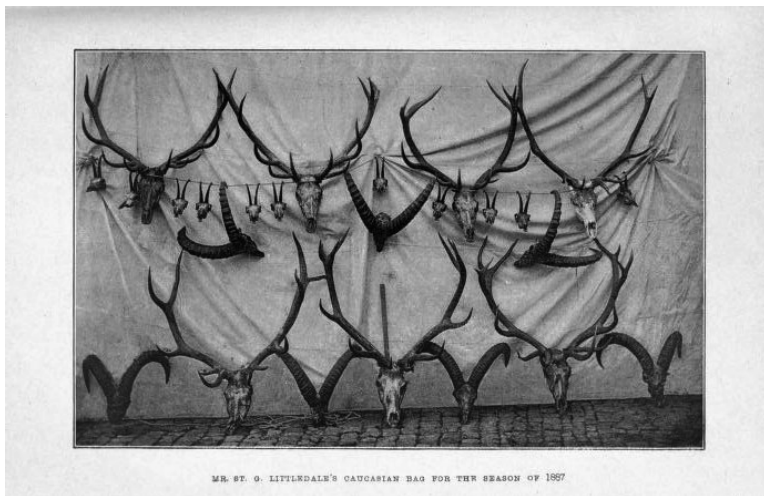
Что меня больше всего удивило, так это то, как татары заставляли своих собак «сидеть» на лошадях, но я

предполагаю, что ранняя дрессировка учит собаку не хуже, чем человека.

Находясь в Тифлисе, я впервые услышал известие о «чёрной смерти», или чёрной оспе, как русские называли чуму, опустошавшую Астрах, и, опасаясь, как бы не оказалось правдой, что она распространяется быстрыми шагами по направлению к России или, по крайней мере, что, придя с берегов Каспия, я буду помещен в карантин, я решил пробраться к Чёрному морю, еще раз побывать у медведей Головинского, а затем вернуться в Англию до того, как болезнь распространится. Тифлиские власти почти не затрудняли меня, взяв под свою опеку только мою посуду, чтобы обеззаразить её перед отправкой в Англию, так что через день или два я снова оказался в Потти с моим верным другом Иваном Поляком.

Часть 15. Дожди

Поти — Погоня за кабаном — Благородный олень — Турки и казаки — Соча — Рыси — Дичь на Кавказе — Охотничий отряд — Раненая кабаниха — Красивый пейзаж — Неожиданная добыча — Наша кухня — «Дурной глаз» — Настигнуты дождями — Наша палатка затоплена — В окружении волков — Безрадостные дни — Ужасная катастрофа — Добро пожаловать на помощь — Головинский — Дикая сцена — Ускользя от шторма — Преодолевая поток — Укрытие — Скучные припасы — Казачья колыбельная — Нынешние казаки — Русские плантации — Ужасная поездка — Борьба за жизнь — Казачьи бездельники — Поездка в Туапсе — Дни вынужденного безделья — Бешеные волки — Борьба с татаринном — Лихорадка — Возвращение в Англию.

Мы выехали из Тифлиса в снежной пелене, которая после трехдневного непрерывного падения сильно замерзла. Мы нашли Поти в весеннем платье, сверкающем фиалками и цикламенами. Здесь мы задержались на два дня в ожидании парохода, и это может дать некоторое представление об этом месте, когда я скажу, что второй день мы провели в охоте на диких кабанов в версте от нашей гостиницы, которая находится в центре города; причём так успешно, что, погрузившись по пояс в лужи с рассвета до полудня, мы с триумфом принесли к обеду прекрасную свинью. Чтобы помочь нам в охоте, у нас было около шестнадцати собак и все здоровые головорезы Поти, один из которых был вооружен единственным экземпляром древнего мушкетона, который я когда-либо видел в действительном употреблении.

Окрестности Поти, должно быть, в недалеком прошлом были одним из самых любимых мест обитания благородных оленей. Все мингрельские дворяне были стойкими хранителями дичи, и только когда русская жадность к территории разозлила их, они в отместку за свои обиды, действительные или воображаемые, нанесенные их бывшему союзнику, и чтобы лишить этого союзника его любимого развлечения, взятого с их согласия или без него, убивали всех благородных оленей и грациозных коз на своей земле, где только могли найти их, честно и не очень способами. В течение последних десяти лет спекулянты покупали в соседних «аулах» за несколько рублей телеги оленьих рогов, и даже в течение последних трех лет еще можно было найти в глухих местах лестницы, по которым крестьяне спускались на первый этаж с чердака, составленные целиком из разветвленной славы Лесного царя.

Теперь все это осталось в прошлом, ибо мингрельцы открыли, что олени рога — товар выгодный: местные посредники отыскивали каждую пару оленьих рогов в про-

винции и наладили регулярную торговлю ими и кабаньями бивнями, большая часть которых была отправлена во Францию для изготовления ста одной безделушки, которой люди украшают свои библиотеки. И все же олень ни в коем случае не вымер даже сейчас; в доказательство этого один джентльмен, работавший в Поти в качестве инженера-строителя, рассказал мне, что за несколько месяцев до моего приезда он был приглашен на большую охоту во владения одного из соседних князей, где в течение дня было произведено не менее ста выстрелов в благородных оленей, хотя из-за плохой стрельбы очень немногие были убиты.

Из Поти мы отправились на пароходе в Сочи, где меня принял агент, немецкий джентльмен Монс. Г., который оставался в поместье, чтобы защищать его на протяжении всей последней войны. Опасность для собственности, сообщил он мне, исходит не от турок, а от русских, особенно от казаков, против злых дел которых он очень горько сетовал. По моим сведениям, где бы турки ни стояли лагерем во время войны, частная собственность пользовалась уважением, и урожай выращивался лишь в той мере, в какой это было необходимо для немедленного использования войсками. Напротив, где бы ни были казаки, там царило беспричинное разрушение. Их единственное оправдание, если хозяева возражали, было «если мы не сделаем этого, то это сделают турки», а их офицеры отказывались вмешиваться. Например, в небольшом местечке в непосредственной близости от Сочи — Адлер или *Pol Salian* — турки никогда не показывали своего носа, и все же это место находится в руинах. После войны правительство не выплатило компенсации ни одному из пострадавших от казачьего беспредела.

В Сочи, когда я приехал, цвели розы и клубника, и мой хозяин сказал мне, что за несколько дней до моего приезда он собрал в своем саду полдюжины спелых ягод

земляники, созревших на открытом воздухе, и это было в начале февраля. До того времени, о котором я пишу, в Сочи не было морозов.

Главным продуктом садов является виноград, несколько сортов которого растут в большом изобилии на склонах прямо над городом — если городом можно назвать те немногие дома, которые окружают место посадки. Но если губернатор не был дезинформирован или слишком оптимистичен, у Сочи есть будущее, и он может в недалеком будущем превратиться во вторую Ялту. Небольшой участок земли на Потийской стороне города уже был разбит на участки для вилл, которые должны были быть возведены в качестве летних резиденций для ряда старых военных офицеров и их семей. Вся земля уже была куплена.

В течение дня, который я потерял в Сочи, ожидая лошадей, (а поскольку я потерял всего один день, то как всякий нетерпеливый путешественник в этой стране задержек, должен быть неизменно доволен), я снова услышал о дерзких набегах рыси. Ночью было слышно, как все собаки Сочи, весьма породистые, повышали голоса совершенно необычным даже для них образом; при осмотре было обнаружено, что один крупный зверь, наполовину овчарка, наполовину сеттер, был убит на цепи рысью в самом центре города и частично съеден там же.

Говорят, что на Кавказе очень мало дичи, и отчасти для исправления этого заблуждения была написана эта книга. Чтобы показать, как далеко от истины это утверждение, Монс. Г., у которого я гостил в Сочи, рассказывал мне, что перед отъездом черкесов с Кавказа у них был обычай ежегодно совершать экспедицию к главной цепи гор вдоль черноморского побережья, скажем, между Анапой и Сухумом, чтобы добыть дичи для зимнего употребления в пищу. В одной из таких экспедиций мой информатор сопровождал семерых черкесов, за несколь-

ко лет до их эвакуации из родных дебрей; и в течение двух недель, из которых по меньшей мере неделя была потрачена на путь туда и обратно, восемь ружей составили огромный, хотя и не самый большую добычу, из которой только одного вида животных были сорок две серны. Среди убитых были также медведи, козероги, муфлоны и благородные олени; и, хотя на этот раз они не видели зубров, Монс. Г. уверял меня, что он видел некоторых совсем недавно.

На второй день в Сочи, после ссоры с начальником казаков, мне удалось раздобыть лошадей для моего теперь уже грозного отряда, состоявшего, за исключением меня и слуги Ивана, из добровольцев маленького городка, который мы покидали. Однако некоторые из этих добровольцев, когда им наконец объяснили, что в моей маленькой палатке-колокольчике действительно поместятся только двое, и эти двое, несомненно, будут моим другом мистером Дигби Лайаллом и мной, благоразумно решили остаться; так что в конце концов отряд состоял только из мистера Л. и меня самого, моего слуги Ивана, проводника Нико, имеретинца, чьи услуги, если бы мне только посчастливилось получить их в первый же приезд, были бы неоценимы, Ивана Котова, русского мужика или крестьянина-собственника, и казака с лошадьми по фамилии Каливан; а в Головинском я прибавил к пестрому экипажу моего старого союзника Степана. Это был самый большой отряд, который я когда-либо имел на Кавказе, и с их помощью, а также с помощью собак Степана я рассчитывал отлично поохотиться на медведей и кабанов Головинского.

Однако, как только мы прибыли на место, я обнаружил, что времена изменились. У Степана была теперь какая-то другая работа, и грубый немец-телеграфист занимал ту избу, в которой я прежде укрывался. Однако благодаря рекомендательному письму его начальника ко

всем телеграфистам на различных кавказских станциях и благодаря моей палатке-колоколу я вскоре почувствовал себя вполне комфортно; но на следующее утро обнаружилось очень печальное положение вещей. Там, где в начале осени следы медведей были густыми, как листья в Валлоμβрозе, теперь не было видно ни одного следа.

Все семейство Бруина либо гибернаровало (впало в спячку), либо перебралось на зимовку в какое-нибудь более приятное место. Кабаны, однако, были так же многочисленны, как и прежде, и в первый же день я с удовольствием погнался с собаками за раненой свиньей. Пригнувшись на узкой тропинке, которую её родители часто прокладывали через густые заросли ежевики, я впервые увидел, как она несется на меня в противоположном направлении от того, по которому я шел, и на мгновение ожидал, что она перепрыгнет меня, если не хуже.

К счастью, она вовремя заметила меня, и прежде чем она успела повернуться, я всадил ей пулю из своего гладкоствольного ружья, которая застряла где-то у её позвоночника. После этого собаки окружили её, и, огрызаясь, она понесла всю стаю вниз по крутым лесистым берегам с такой скоростью, что человеческая погоня стала почти безнадежной.

Тем не менее, десять минут риска сломать шею, со многими грохочущими падениями и слишком быстрым скольжением, привели меня к точке, с которой я мельком увидел старого чёрного зверя, пробирающегося через чашу, с собаками на спине и боках; и едва подумав о риске, которому подверглась стая, я сделал резкий выстрел и тут же превратил его в свинину.

Оставив тушу подвешенной на веревках из ветвей дикого винограда вне досягаемости рыщущих волков или мародерствующих шакалов, мы шли вдоль края утесов,

пока не достигли самого прекрасного места для места последнего упокоения охотника, которое только мог вообразить человеческий разум. Здесь, на самой вершине изящно закругленного холма, было около трех акров зелени, почти такой же прекрасной и ровной, как английский газон. До самого её края поднимались густой лес, сквозь верхушки которого виднелось далеко внизу сверкающее море.

Здесь по утрам мягкий морской бриз создавал музыку из шелестящих листьев, а вечером удлиняющиеся тени плели на траве странные узоры. Здесь весной дикие вишневые цветы белили лужайку, а осенью поникшие виноградные лозы тяжелыми гроздьями нависали над курганом покойных вождей в знак признательности за нежную заботу, которую его предки уделяли родительской лозе в былые дни. Какая разница между этой ветреной, залитой солнцем вершиной холма и ужасными постройками из кирпича и извести, в которых после их такой же тесной жизни в городе покоятся мертвецы Лондона! Можно было бы повторить слова ветерана-охотника на лис, который говорит о своей любимых травяных просторах: «Лучше быть похороненным здесь, чем жить там».

Но в разгар наших мечтаний среди удивительной природы мы вынуждены были вернуться к настоящему. Любуясь открывшимся видом, мы прошли от нашего первого наблюдательного поста в чашу уже распускающихся желтых азалий, из которой тут же раздались необычные звуки, а мы оказались в центре какого-то черного взрыва.

Вскоре мы выяснили истинную природу черных существ, которые лихорадочно металась по сторонам от нас. Сами того не желая, мы потревожили остальных, более того, шагнули прямо в середину лежбища большой черной свиньи и её выводка оживлённых черных бесенят.

Такую охоту за молочными поросятами, какая последовала, трудно было бы описать. Собак уже отослали домой, так что всю работу приходилось делать самим, а из-за небольшого размера нашей добычи и густоты кустарника ловить её было очень легко. Большинство поросят ускользнуло от нас, но мы получили достаточно, чтобы удовлетвориться; поэтому, уставшие и довольные, мы вернулись назад.

Во время нашего пребывания в Головинском мы отлично порезвились в охоте на диких свиней, убив одного кабана, чья голова, по словам английского натуралиста, была самой большой из всех, когда-либо виденных им в Англии. Но одни кабаны вскоре нам наскучили; и после недели этой забавы мы сняли палатки и двинулись в *Yakorski*, где, окруженные холмами и лесами, чистым журчащим ручьем и морем у наших ног, мы отлично проводили время, пока погода не переменилась.

Единственным недостатком было то, что палатка, рассчитанная на двоих, должна была вмещать четверых, а из-за несчастных случаев и оплошностей наше снаряжение было самым примитивным. У нас был один громадный котел, в котором мы варили, в зависимости от обстоятельств, свиной суп или чай, и из этого котла, когда его содержимое несколько остывало, мы, сидя вокруг него кружком, добывали себе обед ложками, сделанными каким-нибудь гением из коры ивы.

Из-за неудобной формы ложек этот процесс шел несколько медленнее, чем при лакании, но это был единственный доступный способ. Среди многих вещей, за которые я должен быть благодарен Индоевропейской компании, есть одна чайная чашка, которая служила для четырех человек. Это был не более и не менее как сломанный изолятор, который кто-то нашел, с куском дерева, вставленным в отверстие на дне, чтобы предотвратить утечку.

Живя таким примитивным образом, мы провели несколько дней в полном довольстве; большой запас мяса, который мы повесили на ближайшем к нашей палатке буквом дереве, привлекал ночные банды шакалов, которые образовали вокруг нас кордон и держали наших собак в состоянии возбуждения все двадцать четыре часа. Помимо охоты, мой проводник Нико был достаточным развлечением сам по себе. Более дикого и менее образованного человека нельзя было найти; полный суеверий и рассказов о погонях, он всегда развлекал нас у костра.

Среди прочих вещей, в которые он твердо верил, как и большинство его соплеменников, был «дурной глаз». У него было ружье, из которого, как он рассказал нам, в прошлом году ранил подряд восемнадцать диких кабанов, не добыв, однако, ни одного. Встревоженный этим несчастьем, он пошел к «мудрецу» своей деревни, и тот напомнил ему, что ружье было одолжено на некоторое время одному другу. Этот друг обладал дурным глазом. Единственное средство — взять ружье, принадлежащее его другу, и испортить его, после чего его собственное ружье вернется к своему естественному хорошему поведению. Нико последовал совету мудреца, и, я полагаю, заплатил ему за это, тайно испортил ружье своего друга, и с тех пор его стрельба быстро улучшалась, пока он снова не стал охотником, которым он был раньше. Ничто из того, что я мог бы сказать, не убедило бы его в глупости его истории; и он так сильно верил в неё, что даже пытался убедить меня, когда одно из моих ружей заело из-за чрезмерного заряда пороха, что дурной глаз действовал и на него.

Тучи, чернея с каждым днём, стали собираться среди гор. Сезон дождей, который, как нам казалось, мы оставили позади у Каспия, стремительно надвигался на нас. В пятницу, 15 февраля, дождь хлынул на нас потоками;

но хотя все холмы были скрыты пеленой, скрип и стоны деревьев пугали нас, а земля под ногами превратилась в трясины, шатер-колокол держал нас довольно сухими. Временное затишье во время шторма в пятницу днем вынудило нас покинуть наше убежище; и, хотя лес был мокрым и наполненным музыкой сотен новорожденных ручейков, мы устроили прощальную охоту. Дождь, казалось, пробудил всю дремлющую энергию свиного племени, и в какой-то момент шум, который они производили среди свежих луж, когда мы неожиданно натыкались на них, скорее напоминал утро на скотном рынке, чем утро, проведенное в горном лесу.

Трудно поверить, как дикие свиньи кишат в некоторых частях этого побережья, разрезая кустарники своими пробегами и покрывая каждое болотистое место купальными ямами. Как только мы очутились в лесу, небеса снова открыли свои шлюзы, и вскоре наша одежда насквозь промокла и стала почти неподъемной, а сапоги разошлись, как промокшая бумага; когда же мы, усталые и промокшие, вернулись в лагерь, то обнаружили, что костер затоплен, а наша палатка-колокол стала всего лишь навесом над прудом глубиной около фута.

Мы не позаботились укрепить наши позиции, и они были изрядно размыты. К счастью, моё отвращение к жукам побудило меня приподнять постель фута на два от земли, и, съёжившись на ней, мы провели время до утра воскресенья. Развести костер было невозможно. На расстоянии одной квадратной мили от нашей палатки не было ни одного сухого клочка земли, на который можно было бы её поставить; и даже если бы мы нашли сухое место, дождь намочил бы его сразу. Отсутствие огня означало недостаток пищи, так как никто из нас не мог есть сырое мясо диких свиней, а другой еды у нас было мало.

Ночью множество волков спустилось с гор и, привлечённые запахом нашей мясной кладовой, пришли прямо в лагерь, их странные завывания, когда они отвечали друг другу, звучали очень жутко среди бури. Хуже того, Нико, за которым всего год назад волки охотились в миле или двух от этого места, очень нервничал и, что ещё хуже, заставлял нервничать остальных. Именно в этот месяц, говорил он, волков больше всего нужно бояться; а поскольку не было огня, чтобы напугать их, не было никакой уверенности, что стая не вторгнется в нашу палатку во время ночных бдений.

Первой нашей мыслью было вернуться в хижину телеграфиста, хотя, помня о её хрупкой природе, я сомневался, что там найдется гораздо лучшее жилье, чем у нас. Однако и это оказалось невозможным. За ночь горные потоки поднялись, и человек, пытавшийся пересечь их вечером, едва не утонул. В самом начале бури наш казак с лошадьми дезертировал и бросил нас на произвол судьбы, так что нам ничего не оставалось, как сидеть, словно совы, на нашем маленьком насесте в шатре-колоколе и курить до тех пор, пока не кончится дождь.

У моих несчастных людей не было сменной одежды, так что в течение двух дней им приходилось сидеть и спать промокшими, и ничто, кроме постоянного прикладывания к любимой бутылке водки, не могло спасти бедняг от лихорадки. В эту последнюю ночь ярость бури усилилась, и, хотя наша палатка находилась в удивительно защищённом месте, она тревожно раскачивалась и дергала свои швартовы, пока наконец не перестала быть водонепроницаемой, и наша крыша больше не напоминала ничего, кроме рассекателя огромной лейки. Я думаю, что в субботу вечером я, должно быть, заснул, несмотря на потоки воды сверху и вой волков снаружи, потому что утром я был совершенно поражен блеском солнца и разбужен, как мне кажется, прекращением того

бесконечного стука дождевых капель, который убаюкивал меня.

Когда я пошевелил затекшими конечностями, моя одежда потрескалась от мороза, последовавшего за дождём, и сама наша палатка сильно замёрзла, в то время как снаружи солнце светило сквозь сильную метель, продолжавшуюся во второй горной цепи позади и дававшую только очень тусклый свет на жалкую сцену вокруг. И всё же это был солнечный свет, и он побуждал нас к новым усилиям, ибо ничто, кроме солнечного света, не может так взбодрить человека. С помощью дренажа и нескольких палок, которые мы держали умеренно сухими, нам удалось разжечь огонь, хотя, за исключением нескольких футов, осушенных для очага, все еще не было сухого места для человеческой ноги. Но новый сокрушительный удар не заставил себя ждать. Дождь не только намочил нас, он смыл всё мясо из нашей кладовой. Бдительные волки были вознаграждены за своё терпение, а мы остались без завтрака!

Должно быть мы были очень несчастны, когда под вечер к нам явилось спасение в виде вернувшегося казака с несколькими сильными лошадьми, чтобы благополучно переправить нас через быстро спадающие потоки; но поездка босиком на казачьих лошадях с голыми спинами, через ручьи, через замерзшие северо-восточные реки, для наших полуголодных тел не была приятным финалом приключения. Едва ли можно было удивляться тому, что, когда мы добрались до убежища, мои люди сказали мне, что у них было достаточно развлечений на некоторое время вперед, и они намеревались вернуться в Туапсе как можно скорее. Сам я уже не был так увлечён, как прежде, и было решено, что мы постепенно доберёмся до Туапсе, остановившись для последней охоты, хотя бы для того, чтобы снабдить нас пищей, на развалинах Геймановой дачи.

19 февраля мы простились с Головинским в последний раз, и с тех пор его залив лесистых холмов с тремя высокими обломанными деревьями, отмечавшими место, где упал мой первый медведь, был только воспоминанием, которое искушало меня вернуться. Я хотел бы увидеть его ещё раз, с его великолепным конусообразным тюльпановым деревом в полном цвету; с его джунглями розовых кустов, чьи огромные ягоды свидетельствовали о размере его погибших цветов в совершенной красоте лета; с его огромными каштановыми лесами, украшенными шпилями соцветий; и с его длинными полосомами рододендронов и азалий в их летних платьях. И если бы лихорадка была только возможным, а не абсолютно определенным следствием наслаждения её чудесной красотой, то это удовольствие стоило бы риска.

Но зимняя сцена вокруг нас теперь была совсем другой. Над головой, чёрные и угрожающие, висели рваные облака. На некотором расстоянии в море волны были желтыми от притока мутных горных потоков. Деревья свешивали тяжелые мокрые головы, сломанные и изуродованные трехдневной бурей. Шторм неистово трудился и ночью. Когда Чёрное море просыпается, чтобы причинить вред, оно становится демоном в своем порывистом гневе. Берег был усеян повсюду буреломом, а над тушей несчастной выброшенной на берег морской свиньи кружили орлы.

У двоих из моей маленькой компании был легкий жар, а моё собственное горло болело и распухло так, что миндалины, казалось, почти душили меня, если я делал какое-нибудь непривычное усилие. Очевидно, пора было возвращаться домой. В Геймановской даче недавно бушевал лесной пожар, и никакой дичи для кладовой достать не удалось, так что мы остались почти без провизии.

Приняв всё это во внимание, мы решили на следующее утро отправиться прямо в Туапсе и оставить всякую

надежду на дальнейшую охоту. Приняв такое решение, мы развели костер из дров под старым настилом и, лёжа вокруг него, мечтали о доме, сухой одежде и хороших обедах. Увы! Хорошие решения всегда принимаются слишком поздно. Когда наступило утро, словно ночной кошмар, на нас обрушился тот скрип и стон деревьев, которые мы так хорошо знали; тот шум и журчание воды, которые означали заключение в крепость для изголодавшегося гарнизона.

Крошечный ручеек под развалинами, который еще вчера не доходил до лодыжек, теперь кипел и пенился с яростью, совершенно нелепой в такой маленькой реке, и с силой, которая делала его почти непроходимым. Нельзя было терять ни минуты, и, несмотря на безжалостный шторм, мы решили идти пешком вдоль берега до следующей казачьей стоянки для лошадей, пока нас безнадёжно не зажали горные ручьи.

Я сомневался, что мы не опоздаем; поэтому, оставив Ивана Поляка сторожить наши пожитки у развалин, мой юный друг Л., Иван Котов и я взвалили на плечи наши пожитки и поплелись завтракать по мокрой гальке. Было тяжело идти по податливому пляжу, нагруженному бурками под этим слепящим дождем, и я был благодарен моему другу Л. Как бы он ни был молод, я должен сказать, что он доставлял меньше хлопот, чем наш дородный русский рыбак, чья рыжая борода все время виляла передо мной и чьи жалобы были самым резким звуком среди этой бурной сцены.

В Даче Соляника мы нашли ручей, впадающий в море, раздутый до неузнаваемости и разделённый на две части, образуя два небольших водопада, которые неслись вдоль больших валунов таким образом, что это было удивительно для тех, кто видел его только в дни покоя. Котов сразу же объявил его непреодолимым. Другие, к несчастью, не послушались моих альтернативных доводов, хо-

тя я, со значительным риском, доказал их правоту, перейдя вброд первый поток, глубиной более чем по пояс. Естественно, хотя меня несколько раз чуть не смыло с ног, и потерять опору означало бы, по всей вероятности, лишиться жизни, можно было бы просто пересечь реку, взявшись за руки вместе. Но русские побледили и не хотели идти, так что мне пришлось обратно пробираться вброд; и, промокший насквозь, с отвращением и голодом, с горлом, которое, как я знал, было в опасном состоянии, я вернулся.

После утомительного блуждания по длинному мокрому лесу Котов нашел нам разобранный коровник на территории Соляников. Здесь мы разожгли слабый костер и тщетно пытались высушить одежду, которую дождь, пробиваясь сквозь разбитую крышу, мочил так же быстро, как и мы её высушивали.

Наши запасы составляли три или четыре пригоршни риса, а нам нужно было утолить двухдневный аппетит. Порыскав в коровнике, мы нашли старый горшок с краской и, очистив его огнем, залатав глиной протечки и сварив в нём рис и несколько пучков шавеля, которые росли поблизости, мы приготовили нашу первую трапезу с полудня предыдущего дня. Что же касается неприятного вкуса, которым обладал горшок и который придавался тому, что в него было положено, вместе с естественным неприятным вкусом грубого шавеля, то все, что мы могли сделать, это съесть кашу, когда она была приготовлена, вместе с корнем хрена, который мы варили с зеленью, чтобы придать каше вкус. После этого мы заварили в том же котелке последнюю щепотку чая и тут же пожалели о расточительстве, так как аромат хрена настолько преобладал, что добавлять чай в эту воду было бесполезно.

Во всех наших бедах у нас было одно утешение. Мне очень повезло, что я сохранил коробку действительно

первоклассных сигар, которые купил в Тифлисе; и с этими сигарами, чтобы утешить нас, молодой Л. и я прижались друг к другу в углу, где было больше стен и меньше трещин, чем где-либо еще, и приготовились провести ночь, пока остальные лежали, съезжившись, в своих бурках. Ничто, кроме голосов бури и потрескивания костра, который дождь вскоре погасил, не нарушало угрюмой тишины ночи.

Это был не самый веселый конец моей охотничьей экспедиции; и опять же, правота русской пословицы «Погоня хуже рабства», которую иногда бормотали здешние жители, казалась возможной. Ночью один из наших спутников спел нам несколько казачьих песен, одну из которых я часто слышал от местных женщин. То ли дикие формы и сцены, окружавшие меня, придавали им красоту, которой на самом деле не обладают слова, то ли в этой колыбельной песне воинственной расы действительно есть какое-то очарование, в чем-то похожее на наши баллады двухвековой давности, но в то время она казалась очень впечатляющей. Поэтому я стараюсь помочь моим читателям судить о себе по переводу пушкинских стихов, который если и не передает всего духа оригинала, то, по крайней мере, близко передает слова и метры.

Sleep, my darling boy, serenely,
Bai-oosh-kie-baiou,
While the still moon, calm and queenly,
Gleams thy cradle through.
I will rise and tell thee legends,
Chaunting rhymes thereto;
Ah, thine heavy eyes are closing,
Bai-oosh-kie-baiou.
«Neath the rocks grim waves are sweeping—
O'er them glides the Turk:

Comes the vengeful Tscherkess creeping,
Whets an hungry dirk.
Peace! thy father, battle-hardened,
Keeps watch keen and true.
Sleep then, darling, sleep securely,
Bai-oosh-kie-baiou.

(Казачья колыбельная песня «Спи младенец мой прекрасный», М.Ю.Лермонтов — прим. переводчика)

Слова *bai-oosh-kie-baiou* — это просто припев песни, и они так же непереводимы, как и наша *lullaby*, так что я оставил их в оригинале.

Из обрывков песен, которые я время от времени слышал в Крыму и в других местах, я представляю себе, что слова Пушкина, представленные здесь, являются только переделанной и законченной формой какой-то популярной колыбельной песни, употреблявшейся в его время среди казаков.

Я с грустью замечаю, что казаки уже не те романтические персонажи, какими они были, когда о них писал поэт. О них можно сказать, что «род занятий Ричарда исчез». Им больше не с кем воевать, и их существование не имело бы цели, если бы не их обязанности почтовой службы. Они так же грубы, как и всегда, и, я бы сказал, не так хорошо владеют своим оружием. Их любовь к угону скота больше не может быть удовлетворена законным образом, и есть основания добавить, что она выродилась до уровня мелкого воровства.

Мы пели и курили всю ночь, тщетно пытаюсь заглушить голоса наших неудовлетворённых appetitов тупым наркотиком, который никак не мог утолить нашу боль. Дождь частично прекратился на рассвете, и с той удивительной быстротой, которая характеризует их падение и подъём, горные потоки, которые были нашими тюрем-

щиками прошлой ночью, теперь опустились до такой степени, что нам удалось легко преодолеть их.

Освободившись из тюрьмы, с перспективой завтрака и лошадей на следующей плантации, даже Иван взял себя в руки, и еще до полудня мы все лежали, завернувшись в одолженные коврики, пока сушилась наша одежда, а аппетит утолялся чёрным хлебом. Это было всё, что мы могли получить, так как, как и мы сами, *Koylor's Datch* находилась в осадном положении, и если дождь продолжится, то, скорее всего, так оно и останется.

Эти русские плантации на Кавказе, как мне говорили, ужасно неурожайны, несмотря на богатство почвы. Я думаю, что причина заключается главным образом в том, что их владельцы пренебрегают ими, не тратя на них никакого капитала; в пределах досягаемости нет рынка для их продукции и нигде нет разумных дорог. Кроме того, лихорадка деморализует рабочих, а дикие свиньи опустошают посевы.

Отдохнув на *Koylor's Datch*, мы послали за лошадьми, намереваясь поспешить в Туапсе, и к нашей великой радости погода немного прояснилась после полудня, так что, когда прибыли лошади и проводник-казак, мы смогли вскочить в сухие сёдла и отправиться дальше.

Между нашей отправной точкой в тот день и казачьей станцией, где мы надеялись провести ночь, в море впадал горный ручей, более крупный, чем большинство его собратьев, и именно этого ручья мы больше всего боялись. Казак, который привёл лошадей, доложил, что вода очень высока, но в одном месте еще сохранился брод, так что мы поспешили дальше, тревожно глядя в небо. Мой юный друг Л. так занемог, что счел за лучшее остаться на *Koylor's Datch*, позже я с радостью узнал, что он благополучно вернулся в Сочи, а оттуда в Тифлис.

Первые вёрсты из шестнадцати, которые нам предстояло пройти до наступления темноты, погода стояла

ясная, а потом вдруг потемнело и стало пасмурно. Море, мутное и обесцвеченное у берега непривычным доступом мутной пресной воды, простиралось вдалеке широкими полосами яркой зелени и оксфордской синевы. Волны быстро поднимались и прибывали прямо под ноги нашим лошадям, пока не коснулись утёса, который окружал нас со всех сторон. Загремел гром, и всё поднебесье, казалось, превратилось в колышущиеся клубы темно-фиолетового дыма.

Потом снова пошёл дождь, с молниями, раскатами грома и небольшими снежными зарядами, которые казались странно неуместными при ярких вспышках. К этому времени холод стал таким сильным, что я был рад застегнуть свою быстро застывающую бурку на шею и зарыться в её объемистые складки. Внезапно снег и гром прекратились, и на десять минут наступила передышка, небо с каждой минутой становилось все более диким и жутким. От ярости неба и моря лошади впали в такую панику, что почти вышли из-под нашего контроля. Затем солнце, долго скрывавшееся за горизонтом, показалось низко над волнами. Было уже пять часов, и из-за шторма потемнело, как ночью. Сияя сейчас, оно только добавило к ужасам этой сцены своё страшное багровое лицо. Солнце смотрело сквозь град, который вскоре достиг нас, выбеливая волны залпами ледяных пуль.

Никогда ни до, ни после я не видел такого града. Ледяные камни причиняли нам сильную боль, ударяя по лицу и рукам, и в среднем были такими же большими, как пули моего «экспресса». Между тем гроза началась снова, и в то время как молния сверкала так близко от нас, что казалась опасной, голос грома почти заглушал все остальные звуки. Увы! В промежутках между раскатами грома мы слышали другой звук — голос бурлящих, бьющихся вод, тяжелых камней и стволов дере-

вьев, несущихся мимо нас в своем яростном стремлении к морю.

Когда наконец показался ручей, его вид был не более привлекателен, чем шум; но по его огромной ширине я решил, что он не так глубок, как можно было предположить. Так или иначе, его нужно было пересечь. Казак сказал, что знает брод, и предложил идти впереди; в конце концов, бешеная пена была немногим хуже града, бушевавшего вокруг. Поэтому, когда он нырнул внутрь, ведя за собой выючную лошадь, я последовал за ним по пятам, полностью полагаясь на его знание местных условий для безопасного прохода.

К счастью для него, казак был легковесным, а лошадь, на которой он ехал, была одной из самых больших и сильных, каких я видел во время своих путешествий; так что, хотя выючная была немедленно опрокинута и смыта, казак, цепляясь за свою лошадь, которая доблестно плыла за выючной, благополучно добрался до берега далеко вниз по течению. Мне повезло меньше, чем казаку, судьбу которого я не видел; ибо, наполовину ослепленный яркой вспышкой молнии, мой жалкий конь опрокинулся в глубокую воду и тотчас же был унесен вслед за своим товарищем, оставив меня плыть до конца в потоке, похожем на мельничный бег, с длинной мокрой буркой на шее, мешающей моим конечностям и топящей меня своими тяжёлыми складками, и десятифунтовым ружьем «экспресс» на плечах.

Хорошо, что в детстве плавание было одним из моих любимых спортивных упражнений, иначе мне никогда не удалось бы высвободить руки из бурки и бороться с потоком. Что-то, камень или глыба снега, сильно ударило меня по колену при переправе, но я узнал об этом только впоследствии, когда, наконец, выбрался на берег под крики моих людей. Я думаю, что, стоя измученный и мокрый под градом после ледяной ванны, я полностью

осознал все прелести путешествия по Кавказу в сезон дождей.

Проследовав за казаком, который завел меня в передрыгу своим незнанием брода, лишившего его лошади и увидев, как мои люди переправляются по мелководью выше, моим первым шагом к тому, чтобы немного прийти в себя, была бешеная скачка к казачьему посту; и между рекой и станцией я не натягивал уздечки, пока не свалился, задыхаясь, у двери, откуда, невзирая на расспросы, пробрался в комнату, где лежала дюжина казаков, бездельничая во всякой грязи и праздности. Отбросив все брезгливые угрызения совести, я сбросил с себя ледяную одежду прямо там где стоял, у одного грязного негодяя позаимствовал рубашку а у другого — страшного вида овчину и попросил приезжего телеграфиста, случайно оказавшегося на станции, дать мне полпинты чистого спирта и столько горячего чая, сколько я смогу выпить. После этого я повернулся спиной к печке, надеясь, что жар внутри и снаружи восстановит мое кровообращение, чего не удалось сделать во время поездки, и таким образом избавит меня от последствий погружения в ледяную воду.

К вечеру мои люди прибыли, сохранив большую часть багажа, который оторвался от несчастной вьючной лошади, и когда я проснулся утром, то обнаружил себя настоящим героем после вчерашнего плавания, и, что еще лучше, героем с некоторой умеренно чистой сухой одеждой, которую можно надеть. Однако ночью рыцарство и уважение доблестных казаков не помешали им украсть мои часы и то, что осталось от моих промокших сигар. Высушив сигары в печи, они превратили их в мелко нарезанный табак, который, когда я проснулся, уже снабдил каждого бездельника небольшим запасом сигарет. Но горло подсказывало мне, что сейчас не время препираться по пустякам и что необходимо немедленно

вернуться в Туапсе, завтра же сесть на пароход и успеть в Керчь за медицинской помощью, если она мне понадобится.

Ночью море подошло к подножию скал, преградив таким образом обычную дорогу в Туапсе и заставив нас проехать около сорока вёрст по крутым и неровным вьючным дорогам через скалы, во время которых скверная поступь лошадей, адская машина, называемая татарским седлом, и неровность дорог вместе причиняли моему и без того ноющему телу невыразимые мучения. Но хуже всего было то, что, когда последнее препятствие было преодолено, и мы переправились вброд через ручей, отделявший нас от Туапсе, мы обнаружили, что из-за плохой погоды одесский пароход не причаливал там целую неделю, так что в течение семи дней мы должны были страдать среди этих очаровательных водных процедур.

Та неделя была слишком мрачной эпохой в моих путешествиях, чтобы много говорить о ней. Я предпочитаю, если возможно, вспоминать Кавказ без Туапсе. Уныние овладело моим верным Иваном, как только он получил свое жалованье: как истинный русский, он стал пить и оставил меня, больного, на произвол судьбы в крестьянской избе, а сам плакал и пел попеременно в единственном здесь «духане». С каждым днем моё горло становилось все хуже. Телеграфисты были добры ко мне, но ни они, ни доктор (кажется, ветеринар) не знали, что со мной происходит; и каждый вечер пар, поднимающийся от сырого грязного пола моей комнаты, только усиливал мою болезнь.

Однажды ко мне пришел губернатор и, так как он тоже был врачом, дал мне несколько советов; но я сомневаюсь, что его рецепты, если бы он их оставил, могли бы помочь. Тем не менее, он скрасил мне полчаса своей болтовней, и это, несомненно, принесло столько же

пользы, сколько принесло бы любое лекарство. Он рассказал мне о нескольких обезумевших волках, которые своими нападениями держали в панике несколько деревень, уже укусив человека и несколько голов скота, которые с тех пор умерли от водобоязни. Бешенство волков отнюдь не редкость, как мне говорили, и, как ни странно, обычно случается в самое холодное время года.

Я намеревался утром пойти в деревню, чтобы посмотреть, что я могу сделать для крестьян с моим «экспрессом», но, к несчастью, был втянут в соревнование с известным местным борцом; и усилие выиграть у него одно падение из трёх было последней каплей, которая сломала верблюжью спину моего телосложения. Этот парень был отличным борцом и чрезвычайно сильным; как ни странно, он приобрел некоторые из своих лучших бросков в Англии, так что, хотя он дважды красиво бросил меня, я утешил себя мыслью, что он научился делать это в моей собственной стране.

В ту ночь в Туапсе была свадьба, и все, естественно, напились; и пока я метался в лихорадке на своей постели, в соседней комнате плясали и кричали два десятка пьяных мужиков в огромных сапогах. Так продолжалось две ночи; в конце второй, когда я был уже почти бессилён, провидению было угодно, чтобы прибыл пароход; и так как доктор настаивал, что у меня сильно больное горло, меня взяли на борт и высадили в Керчи в критической стадии сильного приступа дифтерии.

Так закончились мои охотничьи приключения на Кавказе, и я вполне могу быть благодарен, что в лице господина Бульберга из русской телеграфной службы я нашел доброго друга и внимательную сиделку, как и в лице моего старого друга английского консула. После двухнедельного тщательного ухода в палате г-на Бульберга умным немецким врачом, чьё имя я так неблагодарно

забыл, хотя и не менее благодарен ему за его услуги, я справился со своей болезнью.

Как только я был объявлен в безопасном состоянии для путешествия, как для себя, так и для других, я отправился в Англию, все еще одетый в грубое снаряжение, в котором путешествовал. Я прибыл на станцию города, в котором жил, таким испорченным образцом английской расы, что первые люди, которых я встретил при высадке, дамы моей семьи, в течение нескольких минут отказывались меня узнавать.

Иллюстрации

В книге использованы иллюстрации из следующих изданий:

Обложка и стр.10,86, 204, 269: «Big Game shooting»
by Phillipps-Wolley Clive, London 1894;

стр.53,80,93,151: «Hunting trips in the Caucasus» by E.
Demidoff, London 1898;

А так же рисунок «Линия Индотелеграфа на Черноморском побережье» от Сухова Е. (Территории Поиска) на стр. 20.

Филлиппс-Уолли Клайв

Охота в Крыму и на Кавказе
Sport in the Crimea and Caucasus

Переводчик М. В. Спасёнова